

**Аппарат полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Сибирском федеральном округе**

**Сибирский институт управления — филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»**

**Теоретико-прикладные аспекты
формирования института
уголовного преследования
юридических лиц**

Материалы конференции

19 февраля 2015 г.

**Новосибирск
2015**

ББК 67.408.0я431
Т 338

Научный редактор:

Е. А. Дорожинская — канд. юрид. наук, доцент, декан юридического факультета Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ,

Т 338 Теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 19 февр. 2015 г. / науч. ред. Е. А. Дорожинская. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — 268 с.

ISBN 978-5-8036-0665-9

Все материалы публикуются в авторской редакции.

© ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2015
ISBN 978-5-8036-0665-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц», состоявшейся 19 февраля 2015 г. в Новосибирске, посвящен чрезвычайно актуальным вопросам российского права, дающим импульс дальнейшему развитию и совершенствованию отечественного законодательства в области противодействия преступности юридических лиц.

Отсутствие такого правового института в России не только не отвечает мировым стандартам, но также фактически не позволяет вести борьбу с криминальными явлениями и делает невозможным экстерриториальное уголовное преследование юридических лиц и репатриацию «преступного» капитала из-за рубежа. В то же время адаптация подобной новеллы к условиям России требует учета многообразия факторов и нюансов функционирования такого института в широком спектре дискуссионных параметров — от исторических и культурологических до экономических и политологических.

Организаторами конференции выступили аппарат полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе и наш Сибирский институт управления. Конференция собрала на своей площадке представителей органов государственной власти субъектов РФ, находящихся на территории Сибирского федерального округа, представителей правоохранительных органов, судебного корпуса, ученых и практикующих юристов России из 8 регионов: городов Москва и Санкт-Петербург, Республики Саха (Якутия), Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского края.

Конференция была открыта пленарным заседанием, где с приветственным словом к участникам и пленарным докладом на тему: «Объективная обусловленность введения института уголовной ответственности юридических лиц» выступил кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александр Вячеславович Фёдоров. В своем докладе он отметил, что «процесс формирования института уголовного преследования юридических лиц является прогнозной тенденцией российского законодательства», приводя ряд доводов о «целесообразности, возможности и неизбежности установления такой ответственности».

Также в рамках пленарного заседания выступили такие ученые-юристы, как Василий Васильевич Бабурин, профессор кафедры уголовного права Омской академии МВД России, д-р юрид. наук, профес-

сор; Юрий Владимирович Деришев, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, заслуженный юрист РФ, полковник милиции, д-р юрид. наук, профессор; Валентина Ивановна Плохова, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, д-р юрид. наук, профессор; Рум Румович Ушницкий, доцент-исследователь кафедры гражданского права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, канд. юрид. наук. В пленарных докладах были затронуты вопросы формирования уголовно-корпоративного права, рассмотрены истоки правовой регламентации участия юридических лиц в залоговых отношениях в уголовном судопроизводстве, сущность юридического лица и основания его публично-правовой ответственности.

Дальнейшие обсуждения проходили в рамках двух основных направлений: «Уголовный и уголовно-процессуальный аспекты допустимости уголовного преследования юридических лиц» и «Юридические лица как субъект правонарушения: конституционно-правовой, административно-правовой и гражданско-правовой аспекты».

Статьи, вошедшие в данный сборник материалов, представляют собой результат экспертного анализа комплекса подходов к введению института уголовной ответственности юридических лиц с учетом различных авторских установок, что представляет особый интерес, а также отражает инновационный характер проведенной конференции.

Важен тот факт, что в прошедших дискуссиях была определена будущая серия экспертных площадок по данной тематике. Это, без сомнения, явилось главным практическим результатом конференции.

В результате обсуждения актуальных вопросов правотворчества и правоприменения был сформулирован вывод: современные политические и правовые реалии порождают необходимость формирования в России новой концепции эффективного взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности с целью создания условий для экономической и политической стабилизации в стране. Особо актуальным представилось международно-правовое взаимодействие и сотрудничество в данном вопросе, особенно в рамках Евразийского экономического союза и содружества БРИКС, членом которого является Российская Федерация.

В этой связи участники конференции выразили поддержку инициативы Сибирского института управления проведения ряда экспертных площадок в 2015—2016 гг. по тематике, связанной с формированием и внедрением механизмов, способствующих оптимизации правового

регулирования как внутригосударственных, так и межгосударственных экономических отношений.

В июне 2015 г. организуется совместный семинар с экспертами Республики Казахстан по обсуждению различных аспектов реализации и адаптации введения института уголовной ответственности юридических лиц, предусмотренного Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858). Планируется рассмотрение всего спектра мнений относительно реализации и адаптации анализируемых нововведений к условиям Казахстана и потребностям практики с учетом различных параметров функционирования данного института, включая состояние экономики, уровень правосознания и другие факторы.

Контакты Сибирского института управления со специалистами различных университетов содружества БРИКС позволяют подготовить и провести международную экспертную площадку в 2016 году, на которой, в частности, предполагается затронуть проблемы правового регулирования эффективного взаимодействия государств-членов БРИКС в целях обеспечения как публичных, так и частных интересов, включая вопрос о криминализации правонарушений юридических лиц.

*Сергей Робертович Сверчков,
д-р физ.-мат. наук,
директор Сибирского института управления —
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

**Приветствие заместителя полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Сибирском федеральном округе В. В. Гончарова
участникам Всероссийской научно-практической
конференции по теме: «Теоретико-прикладные
аспекты формирования института уголовного
преследования юридических лиц»**

Сердечно приветствую организаторов и участников Всероссийской научно-практической конференции!

В современных условиях как никогда ранее велика роль новых идей и эффективных законодательных решений, способствующих снижению уровня криминогенности в обществе.

Возрастает интерес ученых и практиков к дискуссионным вопросам уголовного права, одним из которых является проблема определения круга субъектов преступления и уголовной ответственности. Ведущее место занимают теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц.

В этой связи вам предстоит обсудить теоретические вопросы, связанные с возможностью введения такой ответственности в Российской Федерации и их практическую целесообразность.

В конференции участвуют не только ученые юристы, но и практики — представители органов государственной власти субъектов Федерации округа и территориальных органов федеральных органов государственной власти.

Убежден, что работа научно-практической конференции окажет положительное влияние на теоретическую и практическую разработку концептуальных положений, связанных с обоснованием необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц, и выработку соответствующих предложений и рекомендаций по совершенствованию ныне действующих норм и институтов уголовного законодательства Российской Федерации.

Желаю вам успехов и плодотворной работы.

*С уважением,
заместитель полномочного представителя
Вадим Вадимович Гончаров*

А. В. Федоров

Следственный комитет Российской Федерации, г. Москва

ОБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Рассмотрение теоретико-прикладных аспектов формирования института уголовного преследования юридических лиц представляется целесообразным начать с обоснования объективной обусловленности этого процесса.

На наш взгляд, введение уголовной ответственности юридических лиц является прогнозной тенденцией развития российского законодательства [12; С. 429—433].

Обобщение ранее проведенных исследований [17; С. 135—144] позволяет сформулировать следующие доводы о целесообразности и возможности установления такой ответственности.

1. В условиях глубоких социально-экономических преобразований в Российской Федерации институт уголовной ответственности юридических лиц необходим для должного регулирования рыночных отношений, отношений государства и бизнеса, защиты прав и интересов граждан.

Нельзя представить развитие предпринимательства и формирование нормальных рыночных отношений в условиях нездоровой конкуренции. Сегодня нужны правовые механизмы для создания конкурентной среды: когда бы, в частности, недобросовестные бизнесмены не могли использовать коррупционные схемы для лоббирования своих интересов. И одним из таких инструментов является введение института уголовной ответственности юридических лиц.

Как справедливо отмечается в имеющихся работах, в современных условиях роль отдельного человека как преступника зачастую отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности [2; С. 153—163]

Это подтверждают результаты многочисленных исследований. Например, проведенное в 2010—2011 годах сотрудниками НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации изучение коррупционных процессов показало, что 58 % предпринимателей готовы дать

взятку в интересах возглавляемого ими юридического лица, а 28 % заявили о том, что им приходилось это делать в течение последних пяти лет [4; С.80]

Таким образом, введение уголовной ответственности юридических лиц объективно обусловлено процессами, связанными со становлением и развитием рыночной экономики. Законодательство, в том числе уголовное, должно стимулировать решение экономических задач.

2. Право отражает развитие общества и экономики, является инструментом реализации государственной политики, которая, если конечно она не является волюнтаристской, должна быть адекватной состоянию общества и экономики в определенный период времени на соответствующем пространстве. Такие методы реализации уголовной политики, как криминализация и декриминализация, не только обеспечивают охрану социальных и экономических ценностей, но и выступают методом регулирования социальных и экономических отношений. При наступлении социально-экономических перемен меняется объект уголовно-правовой охраны и подход к криминализации и декриминализации деяний, связанных с изменившимися экономическими и социальными отношениями.

Так, например, переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемыми деяниями спекуляции (ст. 154 УК РСФСР), в том числе спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами (ст. 88 УК РСФСР), а также устранение деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (глава 2 Особенной части УК РСФСР) и в отношении личной собственности граждан (глава 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений.

С изменением экономических отношений уголовное право не утрачивает характера их регулятора. При этом, «отпуская» из зоны своей ответственности одни отношения, оно включает в неё другие.

Примером первого является, например, частичная декриминализация товарной контрабанды.

Примером второго, на наш взгляд, если говорить о тенденциях, должно стать прогнозируемое в перспективе введение уголовной ответственности юридических лиц.

3. Причиной введения уголовной ответственности юридических лиц является рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами, а именно: лицами, осуществляющими управ-

ленческие функции; законными представителями юридического лица; иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица.

Принимая решение о возможности введения уголовной ответственности юридических лиц, необходимо учитывать, что в настоящее время такая ответственность предусмотрена уже более чем в 50 государствах мира [3; С. 312], в том числе таких, как Франция [9; С. 80], Испания [13; С. 90—102], Чехия [6; С. 65—76], относящихся к романо-германской правовой семье, к каковой относится и Российская Федерация. Имеется такая ответственность и в Китае, который, как и Россия, переживает в своей истории период перехода от социалистических к рыночным экономическим отношениям [27; С. 37—47]

К числу преступлений, совершаемых юридическими лицами, обычно относятся преступления в сфере экономической, в том числе внешнеэкономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления [22; С. 32—37], преступления в сферах экологии и охраны труда, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [24; С. 33—35]

Для Российской Федерации особое значение имеет установление уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления [12; С. 429—433], так как без преодоления коррупции, ставшей системной проблемой, невозможно её прогрессивное развитие [8; С. 688]

4. Интересы бизнеса и государства требуют активного участия Российской Федерации в различных международных организациях, обеспечивающих развитие экономического и политического сотрудничества на основе соответствующих международных договоров.

В ряде таких договоров, ратифицированных Российской Федерацией и ставших частью её правовой системы [10; С. 99—128], получила закрепление необходимость установления в национальных законодательствах уголовной ответственности юридических лиц.

Исходя из того, что основным принципом права международных договоров является принцип добросовестного выполнения вытекающих из них международных обязательств, перед Российской Федерацией стоит задача найти варианты установления такой ответственности.

Иногда приходится читать, что апологеты введения уголовной ответственности юридических лиц неправильно трактуют международные конвенции и ошибочно признают обязательными для исполнения их положения об установлении национальными законами такой ответственности.

Это не так. Например, введение уголовной ответственности юридических лиц, согласно установленным правилам, является обязатель-

ным условием для приема в члены ОЭСР. Подход простой. Хочешь быть членом этой авторитетной международной организации — вводи уголовную ответственность юридических лиц, нет такой ответственности — не можешь быть членом данной организации.

5. Представляется нелогичной и нарушающей интересы российской стороны ситуация, когда органы иностранных государств имеют возможность привлекать российских юридических лиц к уголовной ответственности, а российская сторона — нет, так как в соответствии с действующим законодательством может ставить вопрос о привлечении иностранных юридических лиц исключительно к административной ответственности.

О минусах административной ответственности по сравнению с уголовной уже много писалось, самые свежие статьи на эту тему опубликованы в январе этого года в «Журнале российского права» [26; С. 55—63] и журнале «Административное право и процесс» [25; С. 10—22].

В частности, административная ответственность ограничена в пространстве совершением административного правонарушения на территории Российской Федерации. Лицо, совершившее административное правонарушение за пределами России, подлежит ответственности лишь в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации.

По делам об административных правонарушениях фактически нет международного сотрудничества и не осуществляется оперативно-розыскная деятельность.

Упрощенный административный процесс во многих случаях не позволяет обеспечить привлечение юридических лиц к ответственности.

О том, насколько более эффективно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, свидетельствуют многочисленные примеры из зарубежной практики.

Так, весьма показателен пример, когда власти Германии за доказанные взятки компании «Сименс» в Литве, России и Нигерии на общую сумму в 12 миллионов евро наложили на эту фирму штраф в размере 201 миллиона долларов США. Кроме того, по гражданскому иску компания «Сименс» выплатила Комиссии по ценным бумагам и биржам США 350 миллионов долларов и еще 450 миллионов долларов выплатила по уголовному иску Министерства юстиции США. С учетом других компенсационных выплат коррупционные нарушения стоили этой компании 1 миллиард и 180 миллионов долларов [1; С. 304].

Другой пример, получивший широкое освещение в российской прессе, — штраф в размере 58,8 миллионов долларов США, который

должно выплатить властям США российское подразделение американской компьютерной компании Hewlett-Packard (Хьюлетт-Паккард) за дачу взяток российским должностным лицам при заключении контракта на поставку компьютерного оборудования для одного из российских государственных органов. Всего же компания Hewlett-Packard обязалась выплатить властям США 108 миллионов долларов США за коррупционные правонарушения в России, Польше и Мексике.

В имеющихся исследованиях приводятся и другие примеры, связанные с подкупом юридическими лицами российских должностных лиц. В частности, в апреле 2010 г. Федеральный суд округа Колумбия наложил штраф в размере 27,3 млн долларов на компанию «Даймлер-Крайслер автомобили России» (в настоящее время — Mercedes Benz Russia), поставлявшую различным госорганам России автомобили и запчасти производства концерна Daimler AG. Основными покупателями были названы МВД и Минобороны России, гараж особого назначения ФСО России, мэрии Москвы, Уфы и Нового Уренгоя. Компания признала, что в 2000—2005 гг. выплатила представителям названных госструктур за победу в конкурсах «откаты» на общую сумму около 5 млн евро [7; С.296]

В ноябре 2010 г. Департамент юстиции США выдвинул обвинения в коррупции против швейцарского транспортно-логистического холдинга Panairina World Transport Ltd, российское представительство которого в 2002—2007 гг. выплатило сотрудникам ФТС России взятки на общую сумму около 7 млн долларов для облегчения процедуры таможенного оформления грузов. Холдинг признал выдвинутые обвинения и уплатил штраф в размере 70,6 млн долларов [7; С. 296].

Привлечение юридических лиц к уголовной ответственности позволяет взыскивать с виновных юридических лиц значительные суммы штрафов, что оказывает существенное воздействие на других участников рыночных отношений и способствует формированию здоровой конкурентной среды.

6. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации пока отсутствует указание на возможность совершения преступлений юридическими лицами. Тем не менее, фактически такие преступления имеют место в реальной жизни. С учетом особенностей современной российской правовой системы они в настоящее время признаются административными правонарушениями.

Например, такого рода ответственность предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 19.28. «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица».

При этом потенциал санкций ст. 19.28. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сопоставим с размерами соответствующих уголовных наказаний, а зачастую и превышает эти размеры.

Так, по части 3 ст. 19.28. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за незаконное вознаграждение в особо крупном размере для юридического лица предусмотрен штраф в размере до стократной суммы денежных средств, незаконно переданных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 20 миллионов рублей.

Столь значительные санкции, предусмотренные ст. 19.28. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с точки зрения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), нашедшей отражение в решениях этого судебного органа, позволяют определять такого рода правонарушения юридических лиц как преступления и констатировать необходимость проведения расследования уголовно-правового характера по соответствующим делам.

Согласно Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 г. № 1308-О, коррупционные правонарушения юридических лиц могут представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью коррупционных преступлений, а в некоторых случаях — и более высокую.

Пора отказаться от сокрытия такого рода преступлений под видом административных правонарушений, а также под видом применения иных мер уголовно-правового характера.

Например, в настоящее ч. 3 ст. 1041 УК РФ предусматривает, что указанное в этой статье имущество, переданное осужденным лицу (организации), подлежит конфискации если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

В данном случае фактически имеет место завуалированное введение уголовной ответственности юридических лиц. Давайте же называть вещи своими именами.

7. Если существует гражданская и административная ответственность юридических лиц, то почему не может быть уголовной ответственности таких лиц? На наш взгляд то, что к различным видам ответственности могут привлекаться как физические, так и юридические лица, является общим принципом юридической ответственности, имеющим универсальный характер.

8. При принятии решения о привлечении юридического лица к ответственности ключевым является вопрос об определении его вины.

На наш взгляд в уголовном законодательстве могут быть использованы уже отработанные в административном праве и законодательно закрепленные подходы к определению вины юридического лица. Так, например, согласно части 2 ст. 2.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но данным юридическим лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

9. Вопросы материального права являются лишь одной из составляющих введения института уголовной ответственности юридических лиц. Не менее важны уголовно-процессуальные вопросы, связанные с установлением такой ответственности.

Для их разработки также весьма полезно изучение зарубежного опыта.

Так, в странах Европы вопросы об уголовной ответственности юридических лиц обычно рассматриваются с применением тех же процедур, что используются при привлечении к уголовной ответственности физических лиц в рамках одного (общего для физических и юридических лиц) уголовного дела, по которому выносится один (общий для них) приговор. При этом содеянное физическими лицами и юридическими лицами рассматривается отдельно и им дается самостоятельная оценка.

Процедура привлечения к уголовной ответственности юридического лица начинается с возбуждения уголовного дела в отношении физического лица или физических лиц, совершивших противоправные деяния в интересах соответствующего юридического лица (для его выгоды) либо от его имени.

В процессе расследования уголовного дела собираются доказательства, позволяющие дать уголовно-правовую оценку действиям физических и юридических лиц. Интересы юридического лица в ходе расследования уголовного дела может представлять защитник.

Особенности производства по уголовным делам в отношении юридических лиц, на наш взгляд, могут быть отражены в самостоятельной главе части четвертой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Особый порядок уголовного производства».

10. Юридическое лицо и физическое лицо выступают в качестве самостоятельных субъектов ответственности в случае совершения ими взаимосвязанных правонарушений. В то же время эта взаимосвязь должна устанавливаться в рамках одного, общего для юридического и физического лиц уголовного дела.

Изучение зарубежного опыта показывает, что такой подход является наиболее эффективным с точки зрения расследования и наиболее полно обеспечивающим реализацию прав участников процесса, в том числе юридических лиц.

11. Российские криминалисты, не дожидаясь включения в Уголовный кодекс соответствующих статей об ответственности юридических лиц, уже приступили к разработке методики расследования такого рода преступлений [19; С.7-15]

Вышеизложенное является лишь фрагментарным изложением отдельных общих подходов к обоснованию необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц и его реализации.

Несомненно, что эта крайне актуальная на данный момент тема требует более глубокого и всестороннего рассмотрения не только в рамках уголовного и уголовно-процессуального права, но и с позиции общей теории права.

Список использованных источников

1. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. — М.: Экономика, 2011. — 304 с.

2. Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. — М.: ИЗИСП; ИНФРА-М, 2013. С. 153—163.

3. Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В. И. Лафитский. — М.: Статут, 2013. — 312 с.

4. Деятельность прокуроров по привлечению к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения: пособие / авт. кол. под рук. С. К. Илия. — М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. — 80 с.

5. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под общ. и научн. ред. С. П. Щербы. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010 — 448 с.

6. Капликова С. Предпринимательство и уголовная ответственность юридических лиц в Чехии // Вестник федерального бюджетного учреждения Государственная регистрационная палата. — 2013. — № 2. — С. 65—76.

7. Коррупция в современной России: проблемы теории и практики: монография / под общ. ред. Т. Л. Козлова. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 296 с.

8. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: ИД «Юриспруденция», 2012. — 688 с.

9. Крылова Н. Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 69—80.

10. Федоров А. В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99—128.

11. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 3(32). — С. 107—112.

12. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 3. — С. 429—433.

13. Федоров А. В. Изучение зарубежного права в целях совершенствования российского законодательства: уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Испании и Швеции // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 3 (51). — С. 90—102.

14. Федоров А. В. Испанское законодательство об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. — М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. — С. 13—18.

15. Федоров А. В. К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Юридический мир. — 2014. — № 12. — С. 43—47.

16. Федоров А. В. О возможности и целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. = 2014. — № 5 (43). — С. 3—10.

17. Федоров А. В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-

правовой анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 2 (50). — С. 135—144.

18. Федоров А. В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2014. — № 1. — С. 13—20.

19. Федоров А. В. О разработке методики расследования коррупционных преступлений юридических лиц // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). — М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. — С. 7—15.

20. Федоров А. В. О некоторых тенденциях развития уголовно-правовой антикоррупционной политики Российской Федерации // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник трудов по итогам Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. Н. Руденко; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих; Институт философии и права Урал. отделения Российской акад. наук. Екатеринбург: 2014. — С. 28—33.

21. Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за контрабанду наркотиков по законодательству Китая // Таможенные чтения 2014. Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела (к 20-летию Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. А. Н. Мячина. — СПб.: Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал РТА, 2014. — С. 339—345.

22. Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления по законодательству Китая // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2014. — № 2. — С. 32—37.

23. Федоров А. В. Об уголовной ответственности юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китая // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Вып. 6.: Сб. научно-практических трудов / Следственный комитет Российской Федерации; под ред. А. И. Бастрыкина, 2014. — С. 6—16.

24. Федоров А. В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, пси-

хотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. — 2014. — № 1. — С. 33—35.

25. Федоров А. В. Соотношение административных наркоправонарушений и наркопреступлений: прошлое, настоящее и будущее // Административное право и процесс. — 2015. — № 1. — С. 10—22.

26. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 1. — С. 55—63.

27. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за наркопреступления по законодательству Китайской Народной Республики // Наркоконтроль. — 2015. — № 1(38). — С. 37—47.

Е. Б. Анисимов

Управление аппарата Государственного антинаркотического комитета по Сибирскому федеральному округу, г. Новосибирск

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Перспективу установления уголовной ответственности для юридических лиц в формате, предложенном конференцией, было бы рациональным обсудить в практической плоскости, то есть в связи со складывающимися угрозами.

В качестве одной из таких угроз, набирающих всё более масштабные размеры, эксперты отмечают пересылку психоактивных веществ посредством вложения в почтовые отправления. Пересылка таким способом больших объемов наркотиков невозможна в силу ограничения письменной корреспонденции как по размеру (max — 229х324 мм) так и по весу (max — 100 гр). Поэтому, как правило, в письменных почтовых отправлениях наркотики пересылаются либо в целях личного потребления, либо в качестве пробников.

Особого внимания требуют крупные почтовые отправления в виде посылок, вес которых достигает 10 кг (стандартные) и 50 кг (тяжеловесные, крупногабаритные), а также почтовые отправления в виде бандеролей, вес которых может достигать 2 кг.

В настоящее время на рынке почтовых услуг, курьерских компаний и иных грузоотправителей действует значительное количество юридических лиц, и деятельность большинства их них не подлежит лицензированию, то есть, по сути, бесконтрольна.

Юридическое лицо, как и лицо физическое, выступает субъектом права и может быть привлечено к гражданско-правовой и административной ответственности, а ст. 48 Гражданского кодекса РФ устанавливает его признаки: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [1].

Однако, содействуя незаконному обороту наркотиков, такие юридические лица не подвергаются уголовно-правовому воздействию, хотя подобная устоявшаяся практика имеется во многих странах (Дания,

Норвегия, Финляндия, Иордания, Ливан, Сирия, Китайская Народная Республика, Индия, Япония, Румыния, США, Германия и др.).

В качестве одного из факторов риска распространения психоактивных веществ путем их вложения в посылки и бандероли, следует рассматривать и предоставляемый ФГУП «Почта России» современный сервис пересылки почтовых отправок с использованием почтоматов.

Для отправки почтового отправления с адресацией в почтомат почтовое отправление в открытом виде необходимо предоставить оператору. Данная мера в какой-то степени препятствует пересылке запрещенных веществ, однако использование различных способов маскировки (сокрытие в полостях компьютерной, бытовой техники и т. д.), позволяет использовать почтоматы в незаконных целях. Отправителю достаточно формально указать анкетные данные получателя и номер его мобильного телефона, при этом анкетные данные могут быть вымышленными, а телефон зарегистрирован на постороннее лицо.

В настоящее время в 60 городах Российской Федерации действует 145 почтоматов ФГУП «Почта России», расположенных в крупных торгово-развлекательных центрах, а также в отделениях почтовой связи. В Сибирском федеральном округе находится 15 почтоматов, из них 9 — в Новосибирске, 2 — в Омске и по одному в Кемерово, Новокузнецке, Красноярске, Томске. При этом только два почтомата (по одному в Новосибирске и Омске) находятся в отделениях связи, где получение почтовых отправок требует идентификации.

Проведенный анализ мер по контролю почтовых отправок показывает, что эффективным барьером для распространения запрещенных психоактивных веществ путем их вложения в посылки и бандероли, в том числе с использованием почтоматов, могут стать магистральные сортировочные центры, оснащенные досмотровым оборудованием. Однако, в настоящее время такого оборудования в МСЦ на территории Сибирского федерального округа нет. Единственный в Красноярском МСЦ интроскоп, установленный в 2000 году для контроля и досмотра почтово-багажных отправок (фирмы Heiman Systems, 2-го класса точности) в рамках борьбы с террористической угрозой, настроен только на поиск металлических предметов, оружия и не предназначен для обнаружения подконтрольных веществ.

На неоднократные обращения правоохранительных органов об оснащении МСЦ необходимым досмотровым оборудованием, руководство филиалов ФГУП «Почта России» отвечает отказом, аргументируя это отсутствием необходимых финансовых средств для его приобретения и обслуживания.

Необходимо отметить, что ст. ст. 51-52 Федерального закона от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2] предусмотрена возможность ликвидации юридического лица по решению суда в связи с совершением деяний, которые в соответствии с уголовным законодательством признаются преступными.

При подобных обстоятельствах, как пример, могла бы подлежать применению ст. 2.07. Примерного Уголовного кодекса США (1962 г.), предусматривающая ответственность корпораций, некорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. В ч. 1 данной статьи говорится, что корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия[3].

В российском праве в основу законодательного определения понятия преступления положен материальный признак — общественная опасность. В уголовно-правовом аспекте общественная опасность состоит в реальной возможности причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, охраняемым законом. Таким образом, действуют общие критерии определения общественной опасности: важность защищаемых законом общественных отношений; размер, степень, характер и объем причиненного вреда; особенность самого общественно опасного действия, особенность статуса юридического лица. По нашему мнению, в данном случае целесообразно согласиться с выводами Б. В. Волженкина, который отмечал, что «целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. Нести уголовную ответственность за такие деяния могли бы не только физические лица, но при определенных условиях и юридические лица» [4, с. 21].

Как показывает анализ современного уголовного законодательства стран мира, помимо штрафа к корпорациям наиболее часто применяются следующие санкции:

1) специальная конфискация (Албания, Бельгия, Ирак, США, Франция);

2) ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Перу, Франция);

3) временное прекращение деятельности юридического лица (Испания, Перу);

4) ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Перу, Франция);

5) публикация приговора (Бельгия, Франция).

Вопрос о том, какие из перечисленных санкций могли бы найти применение в российском уголовном праве, требует дальнейшего обсуждения.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014)

2. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (в ред. от 25.11.2013).

3. Примерный Уголовный кодекс США: Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. Б. С. Никифорова. — М., 1969.

4. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. — СПб., 1998. — С. 40.

В. В. Бабурин

*Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Омск*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА КАК ПОДОТРАСЛИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Вопросы уголовной ответственности юридических лиц периодически возникают в теории российского уголовного права, вызывая ожесточенные споры сторонников и противников установления такой ответственности.

Косвенно этому способствуют постоянно изменяющиеся в России социально-экономические условия, которые неизбежно влияют на основания социальной обусловленности и стабильность существования значительного числа уголовно-правовых норм. В конечном итоге это заканчивается внесением значительного числа изменений и дополнений в действующее российское уголовное законодательство. К сожалению, в отсутствие четкой уголовно-правовой политики, большая часть таких изменений носит бессистемный характер. Уголовное право изменяется, но нельзя сказать, что оно совершенствуется.

В этой связи, обращает на себя внимание тот факт, что на фоне постоянных изменений и дополнений в уголовное законодательство, введение уголовной ответственности юридических лиц вполне могло произойти, однако этого не произошло. В чем здесь причины? Почему еще до сих пор так и не введена уголовная ответственность юридических лиц?

Отвечая на данный вопрос, следует иметь в виду, что у противников введения уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное право есть ряд весомых аргументов, к которым нельзя не прислушаться. Помимо существования в российском уголовном праве традиционного, исторически сложившегося отрицательного подхода к данному вопросу, и российской приверженности к принципу личной уголовной ответственности, есть еще куда более основательный аргумент, связанный с основаниями и содержанием такой уголовной ответственности. Многие противники введения уголовной ответ-

ственности юридических лиц, отмечают наличие явных проблем, связанных с характеристикой состава преступления, совершенного юридическим лицом, как основания уголовной ответственности по российскому уголовному праву.

Речь идет о том, что российское уголовное право основанием уголовной ответственности признает совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления. В частности, это предполагает совершение преступления только физическим лицом, на которое рассчитан установленный государством запрет не совершать определенных действий. Нарушение данного запрета предполагает личное осознанное поведение человека, а значит личное виновное поведение, личную вину. Уголовная ответственность юридического лица, которое, как известно, состоит из группы физических лиц, не вписывается в эту юридическую конструкцию, поскольку неизвестно как устанавливать личную вину группы лиц, тем более что в составе юридического лица всегда есть физические лица, фактически непричастные к преступному деянию. Иными словами уголовная ответственность юридических лиц основывается на других принципах уголовной ответственности, использует иные механизмы пресечения преступных деяний.

Таким образом, введение в российское уголовное право института уголовной ответственности юридических лиц в современных условиях, хотя формально и возможно, но противоречит общей юридической конструкции оснований и условий уголовной ответственности. В данной ситуации сторонники введения уголовной ответственности юридических лиц, либо просто игнорируют данное обстоятельство, либо пытаются обойти его, логично предлагая вместо уголовной ответственности юридических лиц ввести меры уголовно-правового характера (принуждения) для организаций (фактически юридических лиц), не основанные на личной ответственности, что само по себе логично.

В первом случае, сторонниками приводятся весомые аргументы в пользу того, что в конечном итоге под давлением внешних обстоятельств, таких как расширение числа зарубежных стран, установивших уголовную ответственность юридических лиц [3, С. 693], увеличения числа преступлений и вреда, причиняемого коллективными действиями организаций, Российская Федерация вынуждена будет ввести данный институт [8, С. 103].

Во втором случае фактически уголовная ответственность юридических лиц отсутствует, что собственно и следует из названия данных мер [9, С. 170—172; 4, С. 294—297].

Соглашаясь с возможностью существования в российском уголовном праве уголовной ответственности юридических лиц, следует признать, что ни по первому, ни по второму варианту уголовная ответственность юридических лиц в российском уголовном праве установлена быть не может.

Во-первых, следует обратить внимание на постановку вопроса, поскольку именно с ней связана сущность проблемы. Речь идет о введении в уголовное право института уголовной ответственности юридических лиц. Но именно с самостоятельностью данного уголовно-правового института связаны основные проблемные вопросы. Как отдельный правовой институт в системе российского уголовного права институт уголовной ответственности юридических лиц, должен полностью соответствовать основной конструкции уголовной ответственности российского уголовного права, а также напрямую согласовываться и взаимодействовать с другими уголовно-правовыми институтами. Учитывая правовую сущность уголовной ответственности юридических лиц, это невозможно.

Выход из данной ситуации имеется и он связан с тем, чтобы вместо института уголовной ответственности в российском уголовном праве предусмотреть отдельную подотрасль уголовного права. Условно ее можно именовать *уголовно-корпоративное право*. В отличие от правового института для подотрасли права характерна большая самостоятельность в определении принципов правового регулирования, наличие особенностей субъектного состава. Как отмечает Т. В. Клепцова, подотрасли права — это «совокупности правовых норм, регулирующих достаточно обширные сферы общественных отношений, подпадающих под регулирование какой-либо отрасли права, но обладающих при этом специфическими особенностями» [6, С. 298]. Наличие таких специфических особенностей как раз и позволяет параллельно соединить в уголовном праве основные институты уголовной ответственности физических лиц и в рамках подотрасли уголовно-корпоративного права — уголовную ответственность юридических лиц.

Конечно, следует признать, что специалисты в области теории государства и права постоянно подчеркивают, что не каждые отрасли права, «а только крупные и сложные по своему составу отрасли наряду с институтами права включают еще один компонент — подотрасль права» [5, С. 234]. При этом они постоянно приводится пример о том, что уголовное право, в отличие от других отраслей права, не имеет подотраслей.

Вместе с тем, следует признать, что в теории права объективных препятствий для выделения в уголовном праве подотраслей не имеет-

ся. Так, вряд ли можно признать, что уголовное право отрасль не является крупной или несложной по своему содержанию отраслью. Уголовное право представляет собой сложную правовую систему, охватывающую все направления и все особенности борьбы с преступлениями. Более того, уголовно-правовое регулирование фактически охватывает не только борьбу с преступлениями, но и иными уголовно-правовыми деяниями, среди которых действия невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, юридических лиц, деяния, представляющие собой правомерное причинение вреда и др. Все это не охватывается собственно понятием преступления и наказания.

В современном понимании уголовное право должно быть такой системой уголовно-правовых норм, которые *исчерпывающим образом регулируют общественные отношения*, возникающие между государством и лицами, совершающими преступления [2, С. 48—49].

Существующая система уголовного права считается классической, состоящей из Общей и Особенной частей. Общая часть включает в себя нормы, закрепляющие наиболее общие, основополагающие положения уголовной ответственности: определяющие понятие преступления, основания и пределы уголовной, условия при которых она может наступать, нормы содержащие описание отдельных видов наказания и основания их применения, а также обстоятельства, при которых возможно освобождение от уголовной ответственности и наказания. Особенная часть содержит уголовно-правовые нормы, конкретизирующие объем и содержание уголовной ответственности применительно к каждому конкретному составу преступления. Казалось бы ни у кого не вызывает сомнения необходимость в такой градации.

Вместе с тем, сомнения возможны, если учитывать то, что при подробном рассмотрении и анализе содержания Общей и Особенной частей система уголовного права не выглядит до конца однозначной. Нет единства мнения относительно четкой структуры уголовного права, о том какие совокупности уголовно-правовых норм и как образуют самостоятельные уголовно-правовые институты, как они соотносятся друг с другом. Одни и те же уголовно-правовые образования нередко одни авторы именуют нормами, другие называют их институтами. Так, до конца не ясно, необходимая оборона — это уголовно-правовая норма или же уголовно-правовой институт.

Сомнения возможны также с учетом всего многообразия уголовно-правовых норм, которые должны быть иерархично размещены в данных частях уголовного права. Современная практика уголовного нормотворчества показывает, что уголовное право плохо структурировано, поскольку многие нормы, в целом относящиеся к уголовному

праву, плохо соотносятся как друг с другом, так и в целом с уголовно-правовой материей.

В настоящее время становится очевидным, что указанные выше проблемы являются причинами, препятствующими совершенствованию уголовно-правового регулирования. Решение этой и многих других проблем возможно лишь в случае подробного *структурирования уголовного права*. Под структурой принято понимать строение и внутреннюю организацию системы, выступающую как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами. Многообразие и разнопорядковость уголовно-правовых норм требует более многоступенчатой системы, которой могли бы существовать разноуровневые правовые элементы. Уголовно-правовому содержанию давно тесно в рамках упрощенной структуры: норма, институт и отрасль права. Системный анализ содержания уголовно-правовых отношений показывает, что в рамках уголовного права давно уже фактически существуют несколько подсистем, претендующих на статус подотраслей уголовного права.

Среди них, уголовно-преступное право, уголовно-проступковое право, уголовно-охранительное право (или право социальной защиты общества), уголовно-разрешительное (или уголовно-исключительное) право, уголовно-корпоративное право. Каждая из этих подотраслей уголовного права, имея относительную самостоятельность в рамках уголовного права, может учитывать все особенности отдельной группы уголовно-правовых норм, не противореча основным положениям как другой подотрасли, так и всего уголовного права. Основой выделения подотраслей уголовного права является наличие относительно самостоятельных предмета и метода регулирования общественных отношений уголовно-правовыми нормами этих подотраслей. Обязательными условиями выделения подотраслей уголовного права является наличие достаточно большого числа норм, позволяющих обеспечивать такое регулирование, а также наличие достаточно большого числа жизненных случаев, требующих такого регулирования.

Характеризуя содержание названных подотраслей, следует выделить собственно уголовно-преступное право, в рамках которого существует уголовная ответственность, основанием которого является совершение преступления, содержащего состав преступления. В качестве формы реализации данного вида уголовной ответственности выступают наиболее суровые меры уголовного наказания, применяемые за совершение преступления. Второй подотраслью уголовного права следует считать уголовно-проступковое право, в рамках которого существует уголовная ответственность, основанием которого является совершение уголовно-правового деяния, содержащего состав уголов-

ного проступка. В качестве формы реализации данного вида уголовной ответственности выступают наименее суровые меры уголовного наказания. Третьей подотраслью уголовного права следует считать право социальной защиты общества от общественно опасного поведения лиц, не являющихся субъектами преступления или уголовно-охранительное право. В рамках данной подотрасли существует уголовная ответственность, основанием которой является совершение уголовно-правового деяния, содержащего состав общественно опасного деяния, совершенного невменяемым, а также состав общественно опасного деяния, совершенного лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. В качестве формы реализации данного вида уголовной ответственности выступают принудительные меры медицинского характера, а также принудительные меры воспитательного воздействия.

Четвертой подотраслью уголовного права следует считать право, обоснованного причинения вреда или уголовно-разрешительное право. В рамках данной подотрасли существует позитивная уголовная ответственность, основанием которой является совершение уголовно-правового деяния, содержащего состав правомерного причинения вреда в рамках необходимой обороны, задержания преступника, крайней необходимости, обоснованного риска и исполнения приказа и др. В качестве формы реализации данного вида уголовной ответственности выступают меры по исключению обязанности претерпевать тяготы и лишения за фактическое причинение вреда значимым общественным отношениям.

Пятой подотраслью уголовного права следует считать право, предусматривающее уголовную ответственность юридических лиц или уголовно-корпоративное право. В рамках данной подотрасли предусматривается уголовная ответственность, основанием которой является совершение уголовно-правового деяния, содержащего состав общественно-опасного деяния, совершенного юридическим лицом. В качестве формы реализации данного вида уголовной ответственности выступают особые меры уголовного наказания, применяемого к коллективу граждан — юридическому лицу.

Каждая подотрасль уголовного права, имея относительную самостоятельность в рамках уголовного права, может учитывать все особенности самостоятельного ряда уголовно-правовых норм, не противореча основополагающим нормам другой подотрасли уголовного права. В результате это открывает широкие возможности развития как отдельных уголовно-правовых институтов, так и их групп.

Так, *уголовно-корпоративное право* как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающих в связи с совершением уголовно-правового деяния юридическим лицом, может включать в себя иные основания уголовной ответственности, нежели обычный состав преступления, рассчитанный на совершения его физическим лицом.

Предметом уголовно-корпоративного права является две группы общественных отношений.

Первой группой общественных отношений являются отношения между государством и юридическим лицом, способным совершить преступление, по поводу удержания его от совершения преступления. Методом правового регулирования этих отношений выступает **устрашение** (запрет, подкрепленный угрозой применения уголовного наказания). Реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем соблюдения уголовно-правовых норм.

Вторая группа общественных отношений возникает между *государством и юридическим лицом, совершившим преступление*, по поводу привлечения его к уголовной ответственности и наказания. Методом правового регулирования этих отношений выступает **наказание** (применение уголовного наказания) [1, С. 139]. Реализация уголовно-правовых норм осуществляется путем *применения* уголовно-правовых норм.

Таким образом, уголовно-корпоративное право — это социально обусловленная система выраженных в федеральном законе общеобязательных правил поведения, регулирующих поведение *юридических лиц, способных совершить преступление*, путем моделирования их правомерных действий в целях предупреждения совершения преступлений и иных общественно опасных деяний.

Значение выделения подотрасли уголовно-корпоративного права, как и других подотраслей уголовного права, заключается в том, что в рамках каждой из них возможно формирование и развитие совокупности новых уголовно-правовых институтов, существование которых, не представлялось возможным в прежней системе уголовного права. Многие уголовно-правовые институты смогут получить новое, более объемное содержание. Так, институты соучастия, множественности преступлений, квалификации преступлений получают новое содержание и смогут стать соответственно институтами множественности участников уголовно-правовых деяний [7, С. 5], множественности уголовно-правовых деяний, квалификации уголовно-правовых деяний и т. д.

Список использованных источников

1. Антонова Е. Ю. Ответственность юридических лиц и цели наказания // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: мат-лы IV Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 28—29 мая 2009 г. — М.: Проспект, 2009. — С. 138—143.
2. Баулин Ю. В. Этапы системного подхода при исследовании уголовного права как отрасли публичного права // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — С. 48—50.
3. Каленченко М. М. Уголовная ответственность юридических лиц в России: состояние вопроса и вызовы глобализации // Научные основы уголовного права и процессы глобализации: мат-лы V Российского конгресса уголовного права (27—28 мая 2010 года). — Москва: Проспект, 2010. — С. 691—696.
4. Крастиньш У. Я. Вопросы применения норм о мерах принудительного воздействия к юридическим лицам // Конституционные основы уголовного права: мат-лы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. — М.: ТК Велби, 2006. — С. 294—297.
5. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. — 4-е изд. перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2007.
6. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. — М.: Норма, 2009.
7. Сабитов Р. А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2003.
8. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики в эпоху финансово-экономических перемен // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: мат-лы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29—30 мая 2014 г. / отв. ред. д. ю. н., проф. В. С. Комиссаров. — М.: Проспект, 2014. — С. 97—103.
9. Щедрин Н. В., Востоков А. А. О мерах уголовно-правового характера в отношении организаций // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: мат-лы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29—30 мая 2008 года. — М.: Проспект, 2008. — С. 170—172.

А. Н. Берглезов

*Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Проблема заключается в следующем: может ли юридическое лицо как таковое быть субъектом преступления? Проще всего ответить: такой проблемы в современном уголовном праве нет, так как оно, в отличие от гражданского и международного, построено на принципе личной ответственности. Но даже если это так, почему личную ответственность надо понимать только как ответственность физического лица? Разве та или иная устойчивая и наделенная или обладающая самостоятельным юридическим статусом общность физических лиц (организация или предприятие) не способно совершать юридически значимые деяния и, следовательно, нести за них собственную, личную ответственность? Разве «лицо» в праве — это только индивид? Откуда, наконец, уверенность в том, что уголовное право держит монополию на принцип ответственности только физических лиц?

Тенденция к законодательному закреплению института ответственности юридических лиц обрела мощный стимул в условиях наметившегося процесса появления и роста частного сектора в экономике. Это связано с необходимостью сосредоточить в руках государства определенные механизмы воздействия на хозяйствующие субъекты, которые перестали находиться в непосредственном государственном подчинении.

Приведенного материала, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы констатировать: «лицо» в праве — это не только физическое лицо, а личная ответственность — это ответственность не только физического лица. Что-то мешает сказать: личная ответственность, в том числе и уголовная, — это также ответственность и юридического лица. Что же мешает?

Мешает инерция мышления, по традиции связывающего уголовную ответственность только с физическими лицами. Сама концепция уголовной ответственности юридического лица имеет «привкус» чего-то искусственного, напоминающего юридическую фикцию.

Или, может быть, дело не в принципе, а в практике — в том, что, как заметил Н. С. Таганцев, непонятно, как можно сослать на каторгу

акционерное общество? Иными словами, уголовное наказание здесь «не работает» в силу того, что в отношении юридического лица нельзя реализовать его карательную функцию-лишение или существенное ограничение свободы и так далее. Также возникает еще одно затруднение в применении института уголовной ответственности к юридическим лицам: как можно приписать организации вину-умысел или неосторожность?

Ранее предпринималась попытка законодательно закрепить уголовную ответственность юридического лица. Юридическое лицо было признано субъектом преступления в обоих предварительных проектах УК РФ 91993 и 1994 годов), которые легли в основу УК РФ 1996 года [1]. В частности, в проекте Общей части УК РФ 1994 года, подготовленном Минюстом и ГПУ Президента РФ, юридическое лицо было признано субъектом уголовной ответственности при наличии следующих условий:

1. если оно виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона;

2. виновно в осуществлении деятельности несоответствующей его учредительным документам;

3. виновно в деянии, причиняющем или создающем угрозу причинения вреда обществу или государству.

Однако при обсуждении и голосовании проекта в Государственной Думе это предложение не прошло даже в первом чтении. Действующий УК РФ остался на прежних позициях: возможным субъектом преступления признается только физическое лицо (статья 19).

По совокупности изложенных обстоятельств и соображений совершенно очевидно, что в РФ юридическое лицо надо признать субъектом уголовной ответственности. Эта идея давно укоренилась в сознании цивилизованного человечества по той причине, что оно оказалось практически не защищенным от негативных последствий монополизации рынка компаниями, нарушении прав потребителей, правил техники безопасности, экологических преступлениях. Правовые принципы уголовной ответственности юридических лиц были показаны в данной статье.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

2. Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления // Государство и право. — 2000. — № 8. — С. 18—27.

Р. В. Вафин

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Магнитогорск*

Я. М. Злоченко

*Международный научно-исследовательский юридический
консорциум, г. Екатеринбург*

В. В. Котов

*Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург*

МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА КОНТИНЕНТОВ МИРА ПО КОРПОРАТИВНОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В двадцать первом веке страны ШОС, БРИКС и государства других континентов мира взяли курс на модернизацию и инновацию уголовного законодательства по корпоративной транснациональной преступности юридических лиц.

Преступность корпораций или корпоративная преступность представляет реальную угрозу международной экономической безопасности государств. Преступность юридических лиц способствует повышению степени криминогенности международного общества и создает условия для развития таких опасных социальных международных явлений, как международная корпоративная коррупция, транснациональная экологическая преступность, международное финансирование транснационального терроризма и организованной транснациональной преступности. Международные стандарты и критерии нашли отражение в международных нормативных правовых актах по корпоративной преступности. В международной уголовно-правовой инновационной оперативно-следственной и судебной практике идет теоретическое осмысление трех мировых моделей уголов-

ного законодательства по корпоративной ответственности юридических лиц разных континентов мира.

В международной судебной практике объектом исследования послужило уголовное законодательство государств первой модели (США, Канада, Англия, Франция, Финляндия, Австралия), второй модели (уголовное законодательство по корпоративной ответственности Австрии, Испании, Турции, Мексики, Швейцарии), третьей модели (уголовное законодательство по корпоративной ответственности в государствах Германии, Италии, Швеции).

В мировой судебной практике правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц сложилось три базовые модели.

Первая модель основывается на традиционной конструкции уголовной ответственности юридических лиц, при которой юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления.

Эта модель характерна как для правовых систем стран общего права (Англия, Шотландия, Ирландия, США, Канада, Австралия, государства — бывшие английские колонии), так и для стран, принадлежащих к романо-германской семье права (Австрия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Португалия, Франция, страны — бывшие французские колонии, Финляндия и др.). Институт уголовной ответственности в традиционном виде инкорпорирован и в правовые системы бывших республик СССР (Грузия, Литва, Молдова, Эстония).

Для компании в этом случае могут действовать как некоторые или все уголовно-правовые запреты, предусмотренные для физических лиц, так и специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность исключительно для юридических лиц.

Так, в 1978 г. в штате Индиана (США) обвинение в убийстве трех человек, сгоревших заживо в автомобилях марки «Пинта», было предъявлено корпорации «Форд», руководство которой допустило выпуск автомобиля этой марки в продажу, зная, что его бензобак расположен в опасном месте и может взорваться при столкновении.

Следует отметить, что в американской судебной практике случаи назначения корпорациям уголовного наказания не получили широкого распространения в связи с тем, что корпорации всегда стремятся заключить сделку о признании вины, как это было, например, в случае с концерном «Даймлер», заплатившим в рамках такой сделки 185 миллионов долларов США штрафа. Компания обвинялась в даче взяток государственным служащим в более чем в 20 странах мира за победу в конкурсе на поставку произведенных ею автомобилей для государственных нужд.

Корпорации могут нести уголовную ответственность как наряду с физическими лицами, так и самостоятельно. При этом в зависимости от роли возможны различные формы соучастия юридического лица с другими организациями и (или) физическими лицами. В Англии, например, корпорация привлекается к уголовной ответственности в качестве исполнителя преступления за деяния, совершаемые от ее имени в пределах своей компетенции должностным лицом органа управления. Однако, в зависимости от обстоятельств дела она может быть привлечена к ответственности в качестве пособника и даже организатора преступления.

Недостаток рассматриваемой модели заключается в том, что признание юридического лица субъектом преступления не вполне соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности, которая заключается в целенаправленно осознанном субъективном (психическом) отношении субъекта к деянию и его последствию. Только при наличии вины содеянное приобретает реальную общественную опасность. Объективное вменение в соответствии с законодательством большинства стран запрещено.

Организация, будучи некоей юридической фикцией, то есть искусственной конструкцией, не обладает психикой. Этот вывод некоторым ученым даже дал основание утверждать что юридическое лицо вообще не может нести какую-либо публично-правовую ответственность. Однако эта позиция не получила широкого распространения.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее.

Пожалуй, трудно не согласиться с тем, что юридическое лицо, как и любое другое объединение людей на основе общности определенного интереса, имеет некую волю, стремится к достижению определенной цели. В некотором смысле единую волю можно усмотреть даже у неконтролируемой толпы. В отличие от толпы, деятельность людей, объединенных в организации, носит упорядоченный системный характер, потому и воля юридического лица, как правило, имеет четкую и однозначную форму выражения.

Также сложно поспорить и с тем, что, вступая в гражданский оборот и в иные общественные отношения, юридическое лицо действует не хаотично, а осознанно и упорядоченно.

Таким образом, юридическое лицо как целостное образование обладает сознанием и волей, которые представляют собой консолидированные определенным образом сознание и волю его участников.

Исходя из этого, во многих отраслях права, в том числе и публичных, признается отличная от учредителей (участников) правоспособность, а из нее — и деликтоспособность юридических лиц.

В этом смысле определенный интерес представляет зародившаяся в США доктрина, называемая *alter ego* (в переводе с английского «второе «я»»), которая в буквальном смысле рассматривает корпорацию как «продолжение личности» ее участников.

Вторая модель уголовной ответственности юридических лиц в большей мере учитывает принцип виновной ответственности лица за совершения преступления, и основывается на признании физического лица единственно возможным субъектом преступления. В случае же участия юридического лица в преступлении, совершаемом физическим лицом в его интересах, юридическое лицо наряду с физическим лицом подвергается уголовно-правовому воздействию.

В настоящее время эта модель введена в уголовное законодательство таких стран, как Австрия, Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу, Турция, Швейцария. Как представляется, для российской правовой системы наиболее предпочтительна именно эта модель, так как она позволяет эффективно бороться с преступностью юридических лиц без изменения действующей доктрины уголовного права России, которое в большей степени, чем другие мировые уголовно-правовые системы проникнута принципом личной виновной ответственности.

С учетом того что юридическое лицо не рассматривается в качестве субъекта преступления, как правило, неблагоприятные уголовно-правовые последствия участия в преступлении относятся не к институту уголовно-правового наказания (которое несет только физическое лицо), а к иным мерам уголовно-правового воздействия.

Третья модель предполагает административную ответственность юридических лиц за причастность к преступлению. Отнести эту модель к уголовной институту уголовной ответственности юридических лиц можно лишь с определенной долей условности. Некоторыми учеными эта модель называется «квазиуголовная ответственность юридических лиц». Она характерна для стран, занимающих умеренную позицию относительно мер воздействия в отношении юридических лиц. Данная модель в настоящее время существует в Германии, Италии, Швеции. На ней основано и законодательство России. В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствуют санкции за причастность юридического лица к преступлению. Вместо этого такие санкции содержатся в законодательстве об административных правонарушениях.

Однако следует отметить, что даже в указанных странах в связи со значительным ростом корпоративной преступности уже давно отмечается недостаточность административных санкций и всерьез обсуждается вопрос о переходе к первой или второй из вышеперечисленных моделей уголовной ответственности юридических лиц.

Несоответствие российского административного законодательства в рассматриваемой области мировым стандартам противодействия коррупции отметило ГРЕКО, указав в очередном отчете на неисполнение Россией рекомендации по введению уголовной ответственности юридических лиц. И это было сделано уже после внесения соответствующих поправок в законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях.

Представляется, что в России, избравшей курс модернизации экономики, уже на настоящем этапе следует отказаться от совершенствования процедуры административной ответственности юридических лиц за причастность к преступлению.

При данном правовом подходе участие физического лица в преступном событии рассматривается как общественно опасное деяние, а юридического лица — лишь как административный проступок, что не соответствует той степени общественной опасности, которая возникает при участии в преступлении юридического лица, воля которого направлена на достижение преступного результата.

Такой подход не соответствует и статье 1 УК РФ, которая устанавливает принцип строгой кодификации уголовного законодательства России, то есть определяет, что единственным его источником является Уголовный кодекс Российской Федерации.

Также следует отметить, что возможности установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства весьма ограничены.

Из-за меньшей степени социальной опасности административных правонарушений (их антиобщественного, а не общественно опасного характера) производство по делам об административных правонарушениях проводится в режиме экономии процессуальных сил и средств, в том числе по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование. При производстве по этой категории правонарушений не могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия. В связи с этим возникает вопрос: можно ли установить, например, факт дачи незаконного вознаграждения от имени юридического лица (ст. 91.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) без оперативного документирования самого события передачи вознаграждения посредством таких оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент и т. д.? Ответ на этот вопрос очевиден.

Даже если допустить возможность установления приговором, вынесенным физическому лицу, обстоятельств совершения юридическим лицом административного правонарушения, выражающегося в при-

частности к данному преступлению, максимальный срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год. Однако в подавляющем большинстве случаев в силу сложности способа совершения преступления с использованием юридического лица с момента возбуждения уголовного дела данной категории и до вступления в законную силу приговора по нему проходит более одного года. Кроме того, предусмотренный законом предмет доказывания по уголовному делу не включает в себя обстоятельств причастности юридического лица к преступлению, поэтому приговор не всегда будет содержать фактических данных, достаточных для привлечения организации к административной ответственности.

Действующее законодательство об административных правонарушениях не предусматривает международного сотрудничества, без которого противодействие транснациональной преступности юридических лиц становится неэффективным. Введение этого института в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации не вполне соответствует сути и назначению административного производства, которое, как уже было отмечено, традиционно предполагало более упрощенную и менее затратную процедуру, чем уголовное судопроизводство. Это потребует и других дополнительных необоснованных затрат, связанных, например, с формированием специализированных подразделений, осуществляющих функции международного сотрудничества по делам об административных правонарушениях, заключение международных договоров и соглашений о сотрудничестве с различными странами, с которыми уже заключены соглашения о сотрудничестве по уголовным делам.

Кроме того, законодательство об административных правонарушениях не предусматривает (и с учетом указанной специфики правового регулирования не может предусматривать) всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности, в том числе лишения лицензии, запрета на осуществление определенного вида деятельности, принудительной ликвидации юридического лица и др.

Все эти несовершенства действующего законодательства позволяют юридическим лицам абсолютно безнаказанно решать свои корпоративные задачи преступными средствами. В худшем случае компания приносит в жертву кого-либо из ее менеджеров, который и привлекается к уголовной ответственности. Сама же недобросовестная организация после этого продолжает участвовать в преступной деятельности — давать через своих представителей взятки для победы в тендерах, причинять вред экологии, манипулировать ценами на рынке и т. д.

Из вышеизложенного объективно следует вывод о том, что разделение судопроизводства, направленного на изобличение в преступлении физического и юридического лица, на уголовное и административное носит искусственный характер и не способствует формированию эффективного механизма противодействия преступности юридических лиц. Развитие же действующих институтов административного законодательства до уровня, адекватного текущим потребностям борьбы с этим видом преступлений, предполагает приближение административного процесса по степени сложности процессуальных процедур и жесткости санкций к уголовному судопроизводству и стирание границ между этими отраслями права.

Передовой мировой опыт противодействия преступности юридических лиц диктует необходимость введения института ответственности юридических лиц за причастность к преступлению именно в уголовное законодательство. С учетом изложенного представляется необходимым безотлагательно принять следующие меры:

1) исключить из Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации положения, предусматривающие ответственность юридических лиц за причастность к преступлениям (на начальном этапе за исключением налоговых преступлений), оставив в кодексе только положения об ответственности юридических лиц за административные правонарушения;

2) ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации институт мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Соответствующий проект закона о введении мер уголовно-правового воздействия разработан в Следственном комитете Российской Федерации.

В нем причастность юридического лица к преступлению определяется как совершение преступления в интересах юридического лица либо использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления. При этом причастность будет иметь место лишь в случаях совершения таких преступлений специальным субъектом, в качестве которого предусмотрено физическое лицо, выполняющее в юридическом лице управленческие функции.

Эта конструкция в полной мере отвечает мировым стандартам уголовной ответственности юридических лиц, на ней основано подавляющее большинство зарубежных институтов уголовной ответственности юридических лиц. Например, в соответствии со статьей 121.2 УК Франции юридические лица подлежат уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица.

Новеллой, отражающей специфику российской преступности юридических лиц, является введение в субъектный состав преступления, причастность к которому влечет меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, такого специального субъекта, как лицо, осуществляющее в юридическом лице фактическое руководство. К этой категории в соответствии с проектом Федерального закона относятся лица, которые, хотя и не занимали должность в юридическом лице и не действовали от его имени на основании доверенности, однако фактически определяли решения, принимаемые юридическим лицом. Данное положение сделает невозможным уклонение от уголовно-правового воздействия компаний, практикующих схемы номинального руководства, при которых лицо, фактически определяющее волю организации, формально не имеет отношения к его органам управления.

В качестве видов мер уголовно-правового воздействия могут быть предложены следующие:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот;
- 4) лишение права заниматься определенным видом деятельности;
- 5) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации;
- 6) принудительная ликвидация.

Этот перечень санкций также соответствует мировым стандартам.

Анализ уголовного законодательства различных стран показывает, что помимо штрафа к корпорациям могут быть применены:

- 1) специальная конфискация (Албания, Бельгия, Ирак, США, Франция);
- 2) ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Перу, Франция);
- 3) временное прекращение деятельности юридического лица (Испания, Перу);
- 4) ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Перу, Франция);
- 5) публикация приговора (Бельгия, Франция).

УК Франции кроме перечисленных наказаний предусматривает для юридических лиц такие наказания, как помещение под судебный надзор; запрещение участвовать в договорах, заключаемых от имени государства; запрещение обращаться к населению с целью получения

вкладов или размещения ценных бумаг; запрещение пускать в обращение чеки иные, нежели те, которые позволяют получение средств векселедателем в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, которые удостоверены, или пользоваться кредитными карточками продолжительностью не более 5 лет. В исключительных случаях может быть назначена общая конфискация имущества юридического лица (за преступления против человечества и незаконное распространение наркотиков).

При определении вида меры уголовно-правового характера в соответствии с проектом закона должны учитываться категория преступления, к которому причастно юридическое лицо, тяжесть наступившего в результате совершения преступления последствия, характер и степень причастности юридического лица к преступлению, меры, принятые юридическим лицом для предупреждения и пресечения преступления, нейтрализации его негативных последствий. При назначении меры уголовно-правового характера будут приниматься во внимание также данные, характеризующие само юридическое лицо, в том числе его предыдущие судимости, благотворительная и иная общественно полезная деятельность.

При этом предусмотрены различные виды штрафа, в том числе в виде единовременной выплаты в размере, например, от пятидесяти тысяч до пяти миллионов рублей (фиксированный штраф), в виде единовременной выплаты в размере, кратном полученному юридическим лицом в результате преступления дохода, или кратном предотвращенному в результате преступления убытку либо кратном стоимости приобретённого в результате преступления имущества (кратный штраф) или в виде систематических ежеквартальных платежей в размере от пяти до двадцати пяти процентов дохода осужденного юридического лица в течение срока от одного года до двух лет (аннуитетный штраф).

Во избежание вывода ликвидных активов с момента вступления в законную силу решения суда, устанавливающего юридическому лицу одну или несколько мер уголовно-правового характера, до полного исполнения назначенной меры воздействия юридическому лицу запрещается проводить добровольную ликвидацию или реорганизацию, а также отчуждение принадлежащих ему акций или долей зависимых хозяйственных обществ и недвижимого имущества. Предусматривается, что в случае реорганизации причастного к преступлению юридического лица до принятия судом решения о применении мер уголовно-правового воздействия подлежащие применению меры уголовно-правового характера назначаются правопреемнику реорганизованного юридического лица.

Проектом закона предусматривается, что признание юридического лица причастным к преступлению на основании решения суда повлечет для него правовое последствие в виде судимости на определенный срок. Это обстоятельство будет учитываться при назначении меры воздействия в случае повторной причастности юридического лица к преступлению. Кроме того, судимость может учитываться органами государственной власти и местного самоуправления при проведении приватизации или размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд. В качестве одного из ограничений может быть предусмотрено также снятие в отношении осужденного юридического лица с непогашенной судимостью ограничений, связанных с периодичностью проведения проверок органами государственного контроля (надзора), а также органами муниципального контроля. Деятельность таких юридических лиц, осуществляемая ими в сфере, в которой было совершено преступление, будет проверяться в порядке плановой проверки раз в год, а не в три года, как это предусмотрено в настоящее время.

Посредством института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц можно также бороться с фиктивными юридическими лицами — так называемыми фирмами-однодневками.

Установление в ходе уголовного судопроизводства факта создания юридического лица исключительно в целях совершения или сокрытия преступления, то есть, по сути, его фиктивности, с применением в отношении него такого вида уголовно-правового воздействия, как ликвидация, позволит признать сделки, заключенные этим юридическим лицом в целях совершения или сокрытия преступления, недействительными.

В настоящее же время фиктивные юридические лица продолжают существовать даже после вынесения физическому лицу, совершившему преступление, обвинительного приговора. Эти организации пользуются полноценной гражданско-правовой защитой наравне с организациями, обладающими надлежащей юридической личностью. Впоследствии потерпевшему, утратившему имущество в результате заключения сделок от имени фиктивного юридического лица, признать эти сделки недействительными и вернуть имущество очень сложно. Если же в ходе отмывания незаконно приобретенного имущества наряду с российскими использовались и фиктивные юридические лица, зарегистрированные в иностранных, особенно оффшорных, юрисдикциях, добиться защиты нарушенных преступлением прав на имущество практически невозможно. Судебные органы иностранных государств, основываясь на положениях международного права, инкорпо-

рированных в свое национальное законодательство, как правило, требуют решения российских судов о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, выступавших контрагентами в цепочке таких фиктивных сделок с имуществом потерпевшего.

Сходная правовая конструкция известна законодательству многих стран с развитым правовым регулированием экономического оборота. Например, в США суд, установив, что компания учреждена для удовлетворения личных интересов ее учредителей, в том числе для совершения ими противоправного деяния, сокрытия от налогообложения или от взыскания имущества, может признать такую корпорацию фиктивной, отказав ей в защите как юридическому лицу. Эта процедура, называемая «снятием с компании корпоративной вуали» (to pierce the corporate veil), применяется в целях исключения лимитированной (ограниченной) ответственности учредителя за действия учрежденной им фиктивной компании и предполагает переложение бремени ответственности за совершенные от ее имени действия на учредителя. Сделки, заключенные такой компанией, считаются заключенными от имени ее учредителя.

Введение института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц также будет способствовать принятию юридическими лицами дополнительных мер корпоративного контроля за своими должностными лицами органов управления, решая тем самым задачу профилактики преступности юридических лиц.

Уголовный закон RICO США (в отношении транснациональных организованных преступных сообществ) стоит применить как модель в УК РФ для декриминализации транснациональных организованных преступных сообществ. Также стоит внести в Уголовный Кодекс РФ статью «Корпоративная преступность».

В качестве мер уголовно-правового воздействия предложить следующее:

- а) предупреждение;
- б) штраф;
- в) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот;
- г) лишение права заниматься определенным видом деятельности;
- д) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Королевства Испании ст. ст. 515; 517; 301; 302.
2. Обзор судебной практики генеральной прокуратуры Испании, Барселона, 2014.

3. Архивные материалы Королевской прокуратуры Великобритании. Лондон, 2013.
4. Архив Верховного суда США. Вашингтон, 2014.
5. Архив Министерства юстиции США и американской комиссии по ценным бумагам и биржам. Вашингтон, США, 2012.
6. Зорькин В. О борьбе с организованной преступностью // Рос. газ. — 2010. — 10 дек.
7. Бастрыкин А. Криминальные фирмы надо судить по Уголовному кодексу РФ // Рос. газ. — 2013. — 6 сент.
8. Аналитические справки Государственно-правового управления Президента РФ. Москва, 2014.
9. Материалы С-Петербургского Международного форума Российских и Страсбургских судей, 9.11.2010. — С.-Петербург, 2010.
10. Следственная практика ФБР США по уголовному делу в отношении корпоративной ответственности по автоконцерну «Daimler». Архивные материалы судебной практики США, 2011.

Н. И. Верченко

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

**ВОЗМОЖНА ЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ДЕЯНИЯ?**

Статьи 13 и 14 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусматривают ответственность физических и юридических лиц за коррупционные правонарушения. В п. 1 ст. 14 сказано, что в случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции и ст. 18 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию каждому государству-участнику рекомендуется введение уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления. Настойчивое пожелание ввести уголовную ответственность юридических лиц высказывает Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), разработавшая рекомендации, признанные в 2005 г. Советом Безопасности ООН универсальными международными принципами в сфере борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

В теории уголовного права имеются как сторонники (А. В. Наумов, А. С. Никифоров) так и противники (Н. Ф. Кузнецова, Л. Д. Ермакова) введения уголовной ответственности юридических лиц. Сложность привлечения к уголовной ответственности юридического лица заключается в несовместимости понимания «вины» как одного из оснований ответственности физического лица и «виновности» юридического лица. Однако, с точки зрения международного права и соблюдения правовых принципов России, приведение ее национального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами международного права — одна из задач, которую предстоит ре-

шить. Здесь видится интересным мнение исследователей предлагающих отказаться от внедрения в российский уголовный кодекс модели «уголовная ответственность юридических лиц», а ограничиться использованием модели «меры уголовно-правового характера в отношении и организаций» [3, С. 60].

Что касается уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления, то некоторые из таких преступлений предусмотрены Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Например, использование служебного положения в корыстных целях.

Под использованием служебного положения в корыстных целях в статье 12 Конвенции понимаются деяния, которые условно можно разделить на две части:

Часть первая. Обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения национальным или иностранным государственным должностным лицом, членом национальных государственных либо международных парламентских собраний, должностным лицом международных организаций и международных судов, а также судьей, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще.

В этом случае в возможной конструкции состава преступления соответствующего статье 12 Конвенции участвуют три лица:

— субъектом является «любое физическое лицо, обещавшее, предложившее или предоставившее неправомерное преимущество» (лицо № 1);

— лицо, которое утверждает или подтверждает, что оно может за вознаграждение оказать неправомерное влияние на принятие решения национальным должностным лицом или другими вышеперечисленными лицами (лицо № 2);

— само национальное (или иное указанное в Конвенции) должностное лицо, которое принимает решение необходимое лицу № 1 (лицо № 3).

Подобной статьи в Уголовном кодексе РФ нет, но возможно рассматривать такое деяние в некоторых случаях как разновидность дачи взятки.

Часть вторая. В этой части говорится об ответственности за просьбу, принятие или согласие с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение, независимо от того, оказано ли такое влияние и был ли получен в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат (лицо № 2).

В настоящее время подобные деяния Уголовным кодексом РФ не предусмотрены. Полагаем, что как частный случай использования служебного положения можно рассматривать получение взятки должностным лицом за действия (бездействия), которые не входят в служебные полномочия последнего, но в силу своего должностного положения и авторитета лицо может способствовать таким действиям (бездействиям) — ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Под использованием служебного положения в корыстных целях можно рассматривать и случаи участия должностного лица в управлении коммерческой организацией, покровительство ей, осуществляемое за счет авторитета, как результат согласия с предложением какого-либо заинтересованного субъекта на подобное участие. Притом здесь подлежит ответственности как должностное лицо — исполнитель (ст. 289 УК РФ), так и общий субъект — организатор, подстрекатель или пособник (ч. 3, 4, 5 ст. 33, ст. 289 УК РФ).

При буквальном толковании п. 1 ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию юридические лица могут быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных преступлений, это дает основание вести речь об ответственности юридических лиц не за коррупционные преступления, а за преступления, связанные с их совершением.

Сложно представить возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за преступления, совершенные специальным субъектом — должностным лицом. В то же время нельзя забывать, что в коррупционных преступлениях есть и другие заинтересованные лица, выступающие при квалификации соучастниками этих преступлений. Такие субъекты могут действовать от имени юридического лица и в этом случае уголовная ответственность юридического лица не исключена.

Рассмотрим варианты ответственности юридического лица в составе незаконного участия в предпринимательской деятельности. Исходя из диспозиции статьи 289 УК РФ преступное деяние может заключаться в следующем:

А). Учреждение должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность.

В этом случае должностное лицо вопреки установленному законом запрету подготавливает необходимые уставные документы, регистрирует организацию, осуществляющую предпринимательскую деятельность и в дальнейшем покровительствует своей организации. В такой ситуации как таковой преступной деятельности, а тем более какого-либо ущерба от деятельности юридического лица нет. Оно выступает здесь как средство совершения преступления должностным

лицом. И все же может возникнуть закономерный вопрос: что делать с такой организацией в случае привлечения этого должностного лица к уголовной ответственности? Ведь если должностное лицо не имело право на создание подобной организации, значит деятельность и само создание последней изначально незаконно, а значит, данная организация должна быть ликвидирована.

На практике в большинстве случаев суд возлагает обязанность по ликвидации акционерного общества на его акционеров, поскольку учредители к моменту ликвидации зачастую уже не являются акционерами, а руководство общества просто прекратило исполнять свои функции. Обязанные же судом лица не всегда способны провести ликвидацию в соответствии с требованиями, установленными законом, и в определенные судом сроки.

Получается своего рода «порочный круг». Допустим, учредителя привлекли к ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности, в частности, за создание организации и дальнейшее покровительство ей. Прокуратура, налоговые органы или органы местного самоуправления лишь вправе, но никак не обязаны, обратиться в суд с требованием о ликвидации этого юридического лица по основаниям «допущенных при его создании грубых нарушений закона» или «неоднократных или грубых нарушений закона в ходе деятельности». Но можно ли этот случай признать грубым нарушением закона? По нашему мнению — да, так как должностное лицо умышленно, с корыстной целью скрывает свой правовой статус, нарушая нормативно-правовые акты, регламентирующие его деятельность в части запрета на участие последнего в предпринимательстве. В таком случае на кого судом будет возложена обязанность по осуществлению ликвидации юридического лица, если единственный учредитель привлечен к уголовной ответственности и не может выполнять такое обязательство?

Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в информационном письме Президиума от 13 августа 2004 г. № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации», «арбитражный суд вправе назначить ликвидатора, если при вынесении решения о ликвидации юридического лица по основаниям, указанным в статье 61 ГК РФ, придет к выводу о невозможности возложения обязанности по ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительными документами. Ликвидатором может быть назначено физическое лицо (в том числе лицо, не обладающее статусом арбитражного управляющего) с его согласия по

предложению органа, обратившегося в арбитражный суд с заявлением о ликвидации юридического лица» [2, С. 16].

Таким образом, поскольку необходимая правовая основа ликвидации юридического лица в связи с грубым нарушением закона при возможном факте привлечении учредителя к уголовной ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности существует, данный вопрос необходимо решать посредством судебной практики, а также информационных разъяснительных писем для соответствующих органов.

Б). Участие должностного лица в управлении организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность.

При заданных условиях должностное лицо либо его доверенное лицо входит в управленческие органы (совет директоров) уже действующей организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность или сначала ее учреждает, а потом начинает участвовать в ее деятельности.

В современный период времени достаточно наивно предполагать, что лица входящие в управленческие органы не знают о правовом статусе этого должностного лица, так как чаще они сами же заинтересованы в данном лице, а вернее в его должностных возможностях [1, С. 11]. В этом случае наряду с физическими лицами возможна уголовная ответственность юридического лица при условии, что единоличный руководитель юридического лица либо члены коллегиального органа управления осознавали незаконность предоставления работы либо иной возможности влияния на принятие управленческих решений должностным лицом, осознавали, что должностное лицо благодаря своему должностному статусу оказывает льготы, преимущества, иное покровительство этой организации и желали этого. В зависимости от общественно опасных последствий санкция за подобное деяние может заключаться как в штрафе, так и в ликвидации организации.

Список использованных источников

1. Александрова В. Соблюдение законодательства о борьбе с коррупцией // Законность. — 2010. — № 5. — С. 11.

2. Обзор практики разрешения споров, связанных с ликвидацией юридических лиц (коммерческих организаций): информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 августа 2004 г. № 84 // Хозяйство и право. — 2004. — № 10.

3. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. — 2009. — № 1.

М. В. Галдин

*Академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Новосибирск*

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Вот уже более двадцати лет как в отечественной науке уголовного права ведется работа по конструированию уголовной ответственности юридических лиц. За ее введение выступают Б. В. Волженкин [1], С. Г. Келина [2, с. 52], А. В. Наумов [3, с. 182], А. С. Никифоров [4] и др.

В настоящее время более чем в пятидесяти странах мира предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц [5]. В Европе тому в немалой степени способствовало принятие норм международного права рекомендательного характера (деклараций, резолюций, протоколов международных организаций), которые возникали в тех случаях, когда достижение международного согласия было маловероятным. Так, в 1978 году Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы рекомендовал законодателям европейских государств признать юридические лица субъектами уголовной ответственности за экологические преступления. В 1988 году принята рекомендация № 88 Комитета министров стран — членов Совета Европы об ответственности предприятий — юридических лиц за правонарушения, совершенные в ходе ведения ими хозяйственной деятельности. Эти рекомендации сыграли решающую роль в том, что уже более половины европейских государств законодательно признали юридических лиц субъектами уголовной ответственности [6, с. 71].

С большой долей вероятности прогнозируется, что вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц в ближайшее время станет актуальным и для Российской Федерации, для чего имеются социально-экономические и международно-правовые предпосылки [7, с. 429; с. 55].

В обоснование необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве часто приводятся международные стандарты, которые изложены в трех Кон-

венциях. Анализ их содержания в обозначенном аспекте и определил содержание настоящей публикации.

Статья 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [8], обязывает Российскую Федерацию принять такие меры, какие, *с учетом ее правовых принципов*, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми в соответствии со статьями 5, 6, 8 и 23 Конвенции (курсив мой — М. Г.). При условии соблюдения правовых принципов государства ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

Статья 26 Конвенции ООН против коррупции [9] определяет, что «каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, *с учетом его правовых принципов*, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной» (курсив мой — М. Г.).

Таким образом, приведенные положения Конвенций не обязывают Российскую Федерацию вводить именно уголовную ответственность в отношении юридических лиц, поскольку не соответствуют традиционной уголовно-правовой доктрине личной виновной уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [10], «каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности *в связи с совершением уголовных правонарушений*, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: выполнения представительских функций от имени юридического лица; или осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; или осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; а также в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя» (курсив

мой. — М. Г.). В отличие от предыдущих, эта Конвенция более точно указывает на необходимость ввести уголовную ответственность в отношении юридических лиц. Однако, ответственность в связи с совершенным преступлением не всегда является уголовно-правовой.

Функция мониторинга за выполнением положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию возложена на Группу стран по борьбе с коррупцией или ГРЕКО (Group of States against Corruption, GRECO). 15 марта 2013 года ГРЕКО опубликовала Сводный доклад, из которого следует, что за предшествующие 18 месяцев РФ достигла значительных результатов — в антикоррупционной сфере были приняты 14 федеральных законов, 750 других нормативно-правовых актов, в том числе 11 Указов Президента РФ. В качестве позитивного фактора в борьбе с коррупцией стала централизация уголовного преследования по коррупционным делам в рамках Следственного комитета Российской Федерации. В дополнении к докладу о выполнении рекомендаций отражено, что Россия из 26 принятых на себя обязательств 15 успешно выполняет, в то время как 11 рекомендаций признаны «частично выполняемыми». В числе последних были указаны рекомендации № 4 и № 24 [11].

Первая из них содержит требование по установлению режима исключительного уголовного преследования за коррупционные преступления. В документе указывается, что составы коррупционных преступлений до сих пор предусмотрены иными отраслями законодательства, в том числе в административной. В противоречие этому, ГРЕКО поприветствовала изменения, внесенные в ст. 19.28 КРФоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», и признала, что преступления активного взяточничества, совершенные в интересах или в пользу юридического лица, «по всей видимости, охвачены пересмотренными положениями Кодекса административных правонарушений и что в этом отношении были обеспечены достаточно эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции».

Рекомендация № 24 закрепляет ответственности юридических лиц, причастных к коррупционным деяниям. В плане ее выполнения Российской Федерацией ГРЕКО признает, что «Конвенция не налагает обязательство об установлении уголовной ответственности; однако, она обязывает государства, учредить некую форму ответственности за уголовные преступления коррупционного характера». Она также приветствует прецедентное решение Конституционного Суда РФ [12], которым устанавливается четкая практика предания суду и физического, и юридического лица за совершение одного и того же акта коррупции. Тем не менее, ГРЕКО пришла к выводу о том, что данная реко-

мендация остается частично выполненной, поскольку, «по всей видимости, властями не было предпринято никаких конкретных шагов, направленных на установление ответственности юридических лиц за преступления, связанные с «использованием служебного положения в корыстных целях» и отмытием денег, как того требует Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» [13]. Таким образом, Совет Европы предпринимает дополнительные меры, направленные на внедрение уголовной ответственности юридических лиц. Это проявляется не столько в ужесточении требований конвенций, сколько в практике их применения.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что, согласно пунктам второму и третьему статьи 19 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, каждая Сторона обязана обеспечить, чтобы в отношении юридических лиц, привлеченных к ответственности, применялись эффективные, соразмерные и сдерживающие уголовные или неуголовные санкции, в том числе *финансового характера* (курсив мой. — М. Г.). Каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам.

Анализируя санкционные и иные меры, представляющие собой содержание уголовной ответственности и являющиеся, по своей сути, воплощением принципа справедливости в контексте Конвенции, возможно прийти к выводу, что предпосылки для ее реализации в России существуют в настоящее время. В качестве таких предпосылок следует выделить часть третью ст. 104.1 УК РФ, согласно которой имущество, переданное осужденным другому лицу, в том числе организации, подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Реализация статьи 19.28 КРФоАП также предусматривает возможность оперативного принятия мер со стороны прокурора к юридическим лицам в связи с совершением преступления коррупционного характера, в том числе при решении вопроса о возбуждении уголовного дела о них. Такие меры эффективны, соразмерны и оказывают сдерживающее воздействие, что в полной мере соответствует международным стандартам.

С учетом изложенного, жесткая позиция ГРЕКО, указывающая на невыполнение Российской Федерацией обязательств по введению института уголовной ответственности юридических лиц, в отсутствие

точных конвенционных положений об этом, представляется не вполне оправданной, на что ранее обращалось внимание [14, с. 10].

Список использованных источников

1. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц — СПб., 1998. — 40 с.

2. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи: Сборник статей. — М., 1994. — С. 50—60.

3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. — М., 1996. — 560 с.

4. Никифоров, А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. — М.: «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 204 с.

5. Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (Сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2013 [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс (Дата обращения 11.03.2015)

6. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / С. П. Андрусенко, Н. А. Голованова, А. А. Гравина; отв. ред. В. П. Кашепов. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. — 312 с.

7. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 3. — С. 429—433; Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 1. — С. 55—63.

8. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН): [ратифицирована федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [ратифицирована федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ] [Элек-

тронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

10. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) [ратифицирована федеральным законом от 25.07.2006 № 125-ФЗ] [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

11. Примаков Д. Новый отчет ГРЕКО по России — [Электронный ресурс] <http://transparency.org.ru/v-rossii/novyi-otchet-greko-po-rossii> (Дата обращения 11.03.2015).

12. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 № 674-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Добрынина Дмитрия Станиславовича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

13. Дополнение к докладу о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО Принято ГРЕКО на 58-ом Пленарном заседании (Страсбург, 3-7 декабря 2012 года). С. 37—41. [Электронный ресурс] <http://genproc.gov.ru/anticor/doks/greco071212.pdf> (Дата обращения 11.03.2015).

14. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. — 2011. — № 9. — С. 5—12.

Е. С. Герман

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск*

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Актуальность вопросов административной ответственности юридических лиц, с одной стороны, определяется многочисленными фактами правонарушений, совершенных с участием юридических лиц, а с другой — наличием «белых пятен» в определении состава административного правонарушения юридического лица.

Анализ статистических данных о работе арбитражных судов в 2014 г. свидетельствует о сокращении количества административных дел, рассматриваемых арбитражными судами в отношении юридических лиц. Если в 2009 г. количество таких дел составило 567699, в 2012 г. — 593382 дел, то в 2014 г. их количество составило всего 399930. В 2014 г. количество рассмотренных судами дел по экономическим спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений сократилось на треть. Удельный вес этих дел в общем объеме рассмотренных арбитражными судами уменьшился с 42,1 % до 32,2 % [1, с. 10].

Сокращение числа дел по экономическим спорам, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном суде, произошло за счет сокращения споров о взыскании с организаций и граждан обязательных платежей и финансовых санкций. Благодаря развитию института упрощенного производства, три четверти заявлений как органов Пенсионного фонда, так и налоговых органов о взыскании обязательных платежей стали рассматриваться в порядке упрощенного производства в сокращенные сроки и с меньшими затратами для участников арбитражного процесса. Как следствие, уменьшилось количество судебных дел с участием юридических лиц, но не количество правонарушений, совершаемых ими.

Несмотря на постоянно меняющееся административное законодательство, многие вопросы административно-правового статуса юридических лиц в рамках производства по делам об административных правонарушениях до сих пор остаются не решенными. В частности, в Кодексе РФ об административных правонарушениях отсутствует од-

нозначный подход к пониманию вины юридического лица за совершение административного правонарушения; пониманию длящегося правонарушения юридического лица; разграничению малозначительности административного правонарушения, совершенного физическим или юридическим лицом и другие.

Рассмотрим подробнее вопросы квалификации вины юридических лиц, совершивших административное правонарушение. В соответствии с ч. 2. ст. 2.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению».

Несмотря на нормативное закрепление понятия вины юридического лица в действующем законодательстве, последнее является предметом научной дискуссии, порождая правовые коллизии в правоприменительной деятельности. Указанное определение порождает следующие вопросы: как установить наличие (отсутствие) возможности для соблюдения правил и норм; были или не были предприняты соответствующие меры по соблюдению необходимого правила; зависело соблюдение указанных правил от воли соответствующего лица или нет, какие фактические обстоятельства могут быть признаны исключаящими вину юридического лица?

Нельзя не согласиться с мнением административистов, полагающих, что указанное определение является крайне размытым и противоречивым. Так, Кононов П. И считает, что «часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ содержит неконкретную, «размытую» формулировку вины юридического лица, не определяет хотя бы примерного перечня обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у юридического лица возможности для соблюдения соответствующих правил и норм. В этой связи в судебной практике нередко возникают вопросы о том, какие именно фактические обстоятельства в той или иной ситуации могут быть признаны обстоятельствами, исключаящими вину юридического лица в совершении административного правонарушения, и какие еще меры, кроме тех, что были им приняты, это лицо могло бы принять»[6, с. 35]. В. Д. Сорокин отмечает: «Даже элементарное знакомство с формулировкой части 2 статьи 2.1 КоАП РФ, не говоря уже о юридическом анализе, позволяет расценить ее как уникальную в том смысле, что в ней нет никакого смысла! Из содержания рассматриваемой нормы

следует, что юридическое лицо привлекается к административной ответственности «за несоблюдение» установленных «правил и норм». Однако теория права и наука административного права рассматривают соблюдение как способ реализации только запрещающих правовых норм...» [10, с. 24]. Некоторые авторы, которые полагают, что законодатель правильно определил понятие вины юридического лица, не находя никаких противоречий с существующей теоретической конструкцией вины физического лица [3, с. 10].

Дискуссия о содержании понятия вины юридического лица началась еще до принятия Кодекса РФ об административных правонарушениях. Результатом обсуждения данной проблемы научным сообществом стала выработка трех основных подходов к пониманию вины юридического лица: субъективный, объективный и комплексный.

«Субъективный подход» определяет вину юридического лица через вину должностного лица (работника) организации, в которой совершено административное правонарушение. Обоснованием указанной позиции является то обстоятельство, что дееспособность юридических лиц это реализация дееспособности должностных лиц соответствующей организации. Действительно, юридическое лицо, в рамках «субъективного подхода» является юридической фикцией, абстрактной конструкцией, не имеющей какого либо психического отношения к совершенному деянию и его последствиям. Совершение административного правонарушения обусловлено действиями сотрудников юридического лица, поэтому их форма вины и будет являться содержанием вины юридического лица.

Следовательно, доминантой в определении вины юридического лица должна стать вина должностного лица (работника) соответствующей организации, определяемой через психическое отношение лица к совершенному правонарушению.

Винное противоправное действие определяющее суть административного правонарушения совершается не каким-то абстрактным юридическим лицом, а конкретными физическими лицами — работниками организации. Кроме того, установление вины юридического лица содержит презумпцию о том, что виновное деяние предполагает осознанный свободный выбор между правомерным и неправомерным поведением.

Отсутствие возможности выбора означает невиновность субъекта, хотя бы и совершившего противоправное деяние. В частности, виновным может быть признано только вменяемое лицо, которое может отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Вина юридического лица с точки зрения «объективного подхода» предполагает отход от психического отношения лица к правонарушению в сторону фактического поведения лица, к его практическим объективным действиям, относя вину к явлениям объективного порядка. Вина юридического лица определяется как «комплекс негативных элементов, обусловленных дезорганизацией деятельности юридического лица, неприятием им необходимых мер для надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей» [7, с. 18]. Вина юридического лица обусловлена его объективно-противоправным поведением, нарушающим требования законодательства на основе фактических объективных противоправных действий.

Очевидно, что в рамках данного подхода вина юридического лица сводится к противоправности, уводя вину из оснований правонарушений в сторону признака административного правонарушения. Именно этот подход и был положен законодателем в основу определения вины юридического лица в ч. 2. ст. 2.1. КоАП РФ. При этом буквальное толкование указанной статьи КоАП РФ приводит к пониманию того, что единственным основанием для признания юридического лица виновным может служить совершение его под действием непреодолимой силы. Исходя из этого, исследователи делают вывод о том, что ч. 2. ст. 2.1. КоАП РФ устанавливает безвиновную ответственность юридических лиц [5, с. 18].

К существенному недостатку указанного подхода, большинство авторов относят признание (непризнание) вины юридического лица от усмотрения правоприменителя, следствием чего будут злоупотребления и презумпция виновности организации в совершении административного правонарушения.

Третий «интегративный подход» предполагает использование субъективного и объективного критериев одновременно. В рамках указанного подхода, вина юридического лица определяется в зависимости от вины его представителей, действия которых стали причиной административного правонарушения. В тоже время, если будет установлено, что представитель организации вышел за пределы своих полномочий, нарушив закон в сугубо корыстных целях, без учета интересов организации, то вина юридического лица исключается, презюмируя, что оно предприняло все зависящие от него меры по предотвращению правонарушений [2, с. 105].

Неоднозначные позиции исследователей оказали соответствующее влияние и на правоприменительную деятельность. Анализ судебно-арбитражной практики показывает, что и в деятельности судей не существует однозначного понимания вины юридического лица. Так, в

некоторых случаях, вина юридического лица определяется через субъективную сторону правонарушения, то есть анализируется психическое отношение коллективного субъекта к содеянному и определяются формы вины в виде умысла и неосторожности.

Так, в практике Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа можно встретить случаи определения вины юридического лица через субъективную сторону правонарушения. Несмотря на некоторую формальность определения вины юридического лица в арбитражном процессе, ее наличие является необходимым признаком состава административного правонарушения, без установления которого привлечение к административной ответственности невозможно. Так, в одном деле, арбитражный суд указал, что «истец неправомерно привлечен к административной ответственности за невыполнение законных требований судебного пристава-исполнителя, поскольку из сопоставляемого постановления по делу об административном правонарушении следует, что при его вынесении судебный пристав-исполнитель ограничился лишь констатацией выявленных нарушений, вопрос о наличии вины общества в совершении вмененного ему правонарушения им не исследовался».

В другом деле, аналогичным образом признавая недействительным постановление о привлечении общества к административной ответственности за неприменение ККТ, «суд указал на недоказанность административным органом вины общества в совершении вменяемого ему правонарушения и на отсутствие достаточных доказательств, свидетельствующих о наличии трудовых отношений между водителем, не выдавшим чек при производстве перевозки, и обществом» [9, с. 45]. Некоторую ясность в проблемы установления вины юридического лица за совершение административного правонарушения попытался внести Седьмой Арбитражный апелляционный суд, разработав Обобщение судебно-арбитражной практики по теме «Определение вины юридического лица и индивидуального предпринимателя» [4, с. 40]. Однако, в указанном «Обобщении» также были выявлены неоднозначные позиции судей различных инстанций, при рассмотрении споров, связанных с определением вины юридического лица в совершении административного правонарушения.

Кроме того, в обобщении указывается, что арбитражные суды не отражают в своих решениях (постановлениях), какие именно зависящие от юридического лица меры для соблюдения установленных правил и норм юридическими лицами не были приняты. Следовательно, перечень указанных обстоятельств не определен ни законодателем, ни правоприменителем.

В соответствии со статьей 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица. Согласно пункту 3 статьи 26.1 КоАП РФ виновность лица в совершении административного правонарушения является обстоятельством, подлежащим выяснению по делу об административном правонарушении. Исходя из смысла указанных норм Кодекса, бремя доказывания вины юридического лица, совершившего правонарушение, лежит на компетентном государственном органе и уполномоченных на то должностных лицах данного органа. Но правоприменительная практика пошла по другому пути: бремя доказывания вины организации (точнее, ее невиновности) переложено на саму организацию.

Победил так называемый объективный подход к вине. Рассматриваемое положение по своей сути очень сходно с гражданским правом и существующей там презумпцией вины причинителя вреда: «Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине».

Таким образом, виновны все, кто не докажет свою невиновность. В анализируемом положении КоАП РФ виновность устанавливается похожим образом: любое юридическое лицо подлежит ответственности за сам факт несоблюдения норм права, если у него теоретически имелась возможность для соблюдения этих норм. В пункте 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ указанный вывод находит свое подтверждение.

Постановление определяет, что «выяснение виновности лица в совершении административного правонарушения осуществляется на основании данных, зафиксированных в протоколе об административном правонарушении, объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в том числе об отсутствии возможности для соблюдения соответствующих правил и норм, о принятии всех зависящих от него мер по их соблюдению, а также на основании иных доказательств, предусмотренных частью 2 статьи 26.2 КоАП РФ»[8, с. 130].

Кроме того, указанный документ содержит прямой запрет на необходимость выявления в арбитражном процессе вины соответствующего должностного лица (работника) организации, поскольку установление виновности названных лиц не относится к компетенции арбитражного суда. При рассмотрении дел об административных пра-

вонарушениях, полагает ВАС РФ, арбитражным судам следует учитывать, что понятие вины юридических лиц раскрывается в части 2 статьи 2.1 КоАП РФ. При этом в отличие от физических лиц в отношении юридических лиц КоАП РФ формы вины (статья 2.2 КоАП РФ) не выделяет.

Следовательно, и в тех случаях, когда в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ возможность привлечения к административной ответственности за административное правонарушение ставится в зависимость от формы вины, в отношении юридических лиц требуется лишь установление того, что у соответствующего лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ).

Обстоятельства, указанные в части 1 или части 2 статьи 2.2 КоАП РФ, применительно к юридическим лицам установлению не подлежат. Вместе с тем административное законодательство содержит некоторые исключения, когда возможно привлечение к административной ответственности без вины. В КоАП РФ такие случаи определены. Речь идет о обозначенных в ст. 2.10 КоАП РФ ситуациях административной ответственности юридических лиц при реорганизации — слиянии, преобразовании, разделении, присоединении. Указанные реорганизационные действия связаны с прекращением деятельности правонарушителя и появлением у него одного или нескольких правопреемников, которые самостоятельно несут административно-правовую ответственность только за собственные деяния.

Практика применения Кодекса РФ об административных правонарушениях арбитражными судами выявила серьезные проблемы, возникающие в процессе привлечения юридических лиц к административной ответственности, требующие анализа и выработки единого механизма их разрешения. Поскольку в действующем законодательстве об административной ответственности юридических лиц воплощено два различных подхода к определению вины юридических лиц (субъективный и объективный подходы) необходимо на законодательном уровне унифицировать подходы к вине юридических лиц, взяв за основу комплексный подход.

От законодателя требуется выработка принципиально нового правового направления в практике привлечения юридических лиц к административной ответственности, поскольку его отсутствие отрицательно сказывается на эффективности производства по делам об административных правонарушениях. Представляется необходимым внести

изменение в главу 2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, закрепив перечень конкретных фактических обстоятельств совершения административного правонарушения, которые будут свидетельствовать об отсутствии (наличии) вины юридического лица в совершении административного правонарушения.

Список использованных источников

1. Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2014 году [Электронный ресурс] // <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 10.02.2015)

2. Брунер Р. А. Проблемы доказывания вины юридического лица при назначении административного наказания // Современное право. — 2010. — № 6. — С. 105—111.

3. Зыкин Б. В., Зыкина Е. В. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц // Административное право и процесс. — 2014. — № 3. — С. 56—61.

4. Иванов И. С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика. — Москва, 2009. — С. 124; Концептуальные подходы к определению вины организации // Российский следователь. — 2005. — № 10. — С. 10—14.

5. Обобщение судебно-арбитражной практики по теме «Определение вины юридического лица и индивидуального предпринимателя» (от 28.09.2009) [Электронный ресурс] // <http://7aas.arbitr.ru/practice> (дата обращения 10.12.2014).

6. Козлов К. П. КоАП РФ: «строгая» ответственность юридических лиц (сравнительно-правовое исследование) // Российская юстиция. — 2009. — № 2. — С. 17—22.

7. Кононов П. И. О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2008. — № 4. — С. 34—40.

8. Панова И. В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2007. — № 8. С. 15—21.

9. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 10.11.2011) // Вестник ВАС РФ. — 2004. — № 8. — С. 125—148.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 17 мая 2010 г. № Ф09-3506/10-С1 по делу № А07-

24993/2009; Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 мая 2009 г. № Ф04-2815/2009(6134-А70-27) [Электронный ресурс] // СПС Гарант (Дата обращения 11.03.2015).

11. Селезнев В. А. Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. — 2014. — № 11. — С. 17—25.

12. Сорокин В. Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правоведение. — 2004. — № 2. — С. 23—28.

Г. Г. Гумеров

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ДАНЬ МОДЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

В последние годы настойчиво звучит требование формализовать институт «уголовной ответственности юридических лиц».

В настоящее время институт уголовной ответственности существует в законодательстве более 30 государств с различными правовыми системами (Австралии, Азербайджане, Великобритании, Бельгии, Дании, Италии, Китае, Франции, Чехии, Швейцарии и др.). В России, как свидетельствуют памятники русского права, уголовные санкции применялись к юридическим лицам с глубокой древности и сохранились вплоть до первой половины XX в.[1].

Привлечение к уголовной ответственности коллективных образований рассматривалось в качестве наказания в Соборном уложении 1649 г.[2]. Но до принятия Соборного уложения в российском уголовном законодательстве не наблюдалось дифференциации уголовной ответственности юридических образований — вина за сокрытие преступников обычно ложилась на всех жителей общины. В статьях 60 — 62 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» Уложения законодатель формулирует розыскной порядок преследования укрывательства преступников и доношительства. Лицо, пойманное за воровство, пытали на предмет выяснения, кто знал его в том месте, где он был задержан. При этом предусматривалось два вида возможных показаний на пытке: преступник был известен всем жителям данного села, деревни, посада и преступник был известен только части коллективного образования. Исходя из этого, взыскание государевой пени (штрафа) и погашение иска возлагались на все население или только на его часть.

В современной России юридическое лицо может быть привлечено лишь к гражданско-правовой, а с 2002 г. и к административной ответственности. Однако научные дискуссии о целесообразности и форме применения института уголовной ответственности юридических лиц по сей день не утихают в среде юристов уже многие десятилетия.

В последние годы почву для таких дискуссий создаёт международная правовая база, в первую очередь Конвенция ООН против коррупции, принятая 31 октября 2003 г. Она объединяет 140 государств-участников, в том числе и Российскую Федерацию [3].

Конвенция предусматривает возможность установления уголовной ответственности юридических лиц за участие в таких коррупционных преступлениях, как: 1) подкуп национальных и иностранных публичных должностных лиц (ст. 15, 16); 2) злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 18); 3) подкуп в частном секторе (ст. 21); 4) отмывание доходов от преступлений (ст. 23); 5) сокрытие информации (ст. 24); 6) воспрепятствование осуществлению правосудия (ст. 25) и др.

Свою долю влияния оказывает и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. После присоединения к ней Россия стала не только одним из сорока пяти государств — участников Конвенции, но и членом Группы государств против коррупции (ГРЕКО) [4].

В соответствии с п. 1 ст. 18 этой Конвенции каждая сторона должна принимать такие законодательные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим единолично или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: 1) выполнения представительских функций от имени юридического лица; или 2) осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; или 3) осуществления контрольных функций в рамках юридического лица, а также 4) в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя.

Первым серьёзным шагом по пути введения уголовной ответственности юридических лиц в современной России стал законопроект Следственного комитета РФ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [5].

Специалисты Следственного комитета необходимость введения этого правового института следующими причинами:

«Действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не только не отвечает мировым стандартам, но фактически не позволяет вести борьбу с этим явлением.

В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствуют санкции за причастность юридического лица к преступлению. Вместо этого такие санкции содержатся в законодательстве об административных правонарушениях, например ст. 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица) устанавливает ответственность юридического лица за причастность к преступлениям, предусмотренным ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями) и ст. 291 УК РФ (дача взятки).

При таком правовом подходе участие физического лица в преступлении рассматривается как общественно опасное деяние, а юридического лица — лишь как административный проступок, что не соответствует той общественной опасности, которая возникает при участии в преступном событии юридического лица, воля которого направлена на достижение преступного результата.

Такой подход не соответствует и ст. 1 УК РФ, которая устанавливает принцип строгой кодификации уголовного законодательства России, то есть определяет, что единственным его источником является Уголовный кодекс Российской Федерации.

Кроме того, возможности установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства весьма ограничены. В силу меньшей степени социальной опасности административных правонарушений (их антиобщественного, а не общественно опасного характера) производство по делам об административных правонарушениях проводится в режиме экономии процессуальных сил и средств, в том числе по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование [9, С. 30—32]. При производстве по этой категории правонарушений не могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия.

Законодательство об административных правонарушениях не предусматривает всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности, в том числе лишения лицензии, запрета на осуществление определенного вида деятельности, принудительной ликвидации юридического лица и др.

Несоответствие административного воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступлению, требованиям международных конвенций о противодействии коррупции признало и ГРЕКО, указав в отчете за 2010 год на неисполнение Российской Федерацией рекомендации о введении уголовной ответственности юридических лиц.

Мировые стандарты противодействия преступности юридических лиц диктуют необходимость внедрения института ответственности

юридических лиц за причастность к преступлению именно в уголовное законодательство. В частности, Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенции ООН против коррупции и к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, которые предусматривают обязанность государств-участников ввести уголовную ответственность юридических лиц за причастность к определенным видам преступлений» [6].

Однако в проекте не упоминается, что в России многие положения указанных выше Конвенций вступают в противоречие с традиционными уголовно-правовыми доктринами виновной ответственности. Поэтому в нашей стране для введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо изменить всю концепцию уголовного законодательства.

Кроме того Разработанный и используемый в России институт административной ответственности отсутствует как в странах общего права (Великобритания, США и др.), так и в странах, относимых к континентальной семье права (Бельгия, Нидерланды, Франция, Швейцария и др.), где уже существует уголовная ответственность юридических лиц. То, что в России именуется административной ответственностью, там относится к так называемому малому уголовному праву или к уголовной ответственности за незначительные преступления и т. п. Поэтому публично-правовое воздействие на юридических лиц, совершивших преступления (правонарушения), в таких условиях возможно лишь в рамках уголовно-правовых мер.

В нашей стране хорошо развит и активно используется институт административной ответственности, который в полной мере может быть применен судом и к юридическим лицам. И нельзя согласиться с пояснительной запиской к законопроекту, в которой сказано, что имеющиеся в распоряжении правоприменителя административно-правовые инструменты непригодны для решения задач по защите общества от противоправной деятельности юридических лиц. Может, проблема заключается в непрофессионализме правоприменителя?

Административно-правовое воздействие предполагает достаточно широкий спектр мер, применимых к юридическому лицу, начиная от предупреждения или административного штрафа и вплоть до административного приостановления деятельности данного лица сроком до 90 суток, что сопоставимо с лишением свободы физического лица на непродолжительный срок.

Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 61 ГК РФ юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда принудительно «в случае

допущенных при его создании грубых нарушений закона, если эти нарушения носят неустранимый характер, либо осуществления деятельности без надлежащего разрешения (лицензии), либо запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов, либо при систематическом осуществлении некоммерческой организацией, в том числе общественной или религиозной организацией (объединением), благотворительным или иным фондом, деятельности, противоречащей ее уставным целям, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [7].

Все уголовные санкции к юридическому лицу, которая знала мировая юриспруденция, так или иначе по своей правовой природе были не чем иным, как материальным возмещением ущерба, причиненным юридическим лицом.

Теоретически признать юридическое лицо субъектом преступления, конечно, можно, впрочем, как сконструировать и любую юридическую фикцию, т. к. юридическая фикция есть не что иное, как узаконенная условность, которой не существует в реальности. Однако существование любой подобной конструкции всегда обосновывается конкретной объективной необходимостью. Уместно и в данном случае задать вопрос: зачем? Очевидно, что существование любых институтов права в конечном счёте оправдано только в том случае, если есть необходимость в регулировании тех или иных общественных отношений. И если в гражданском праве юридическое лицо является неотъемлемым классическим субъектом правоотношений и, одновременно, удобным инструментом гражданского оборота, то в уголовно-правовых отношениях оно представляется явно инородным элементом. Если же есть необходимость регулировать общественные отношения при осуществлении деятельности юридических лиц, то вопрос в рамках уголовного права решён использованием понятий «специальный субъект» или «должностное лицо». В самом деле, какие общественные отношения, предусмотренные УК РФ, невозможно охранять, воздействуя только на физическое лицо? Как применять к юридическому лицу меры принуждения, предусмотренные УПК РФ? Эти и многие другие вопросы, как правило, остаются без ответа [8, С. 43—48]. Полностью рушится теория состава преступления. Сторонники введения уголовной ответственности юридических лиц при этом, стараясь поместить свою теорию в рамки существующей уголовно-правовой теории, пытаются изменить понятие вины до неузнаваемости, утверждая, что сегодняшнее понимание субъективной стороны преступления устарело.

При этом перечень мер уголовного наказания, предусмотренный в проекте Следственного комитета для юридических лиц, представляет жалкую пародию той системы, которая предусмотрена в ст. 44 УК РФ и ничем, по сути не отличается от уже существующих мер административного и гражданско-правового характера. Самой первой из предложенных мер наказания в этом законопроекте представлена такая мера, как предупреждение. Даже по отношению к физическим лицам за совершение преступления такую меру законодатель посчитал слишком мягкой и оправданной только по отношению к несовершеннолетним. Упоминание несовершеннолетних здесь оправдано, т. к. перечень наказаний, предусмотренный в проекте Следственного комитета, по своей правовой природе, в значительной мере напоминает перечень принудительных мер воспитательного воздействия, если, конечно, не рассматривать принудительную ликвидацию. Но принудительные меры воспитательного воздействия не являются наказанием, а лишь заменой последнего. А вот здесь, возможно, и кроется причина заинтересованности значительной части нашего общества, как правило, власть имущего и одновременно владеющего средствами производства в нашей стране, во введении института уголовной ответственности юридических лиц и, одновременно, ответ на вопрос: зачем?

В самом деле, если проследить историю возникновения концепции уголовной ответственности юридического лица, то нетрудно заметить, что дискуссия о необходимости её введения возникла особенно оживлённо там и тогда, где и когда происходила концентрация крупных капиталов в руках определённых слоёв общества, способных оказывать значительное влияние на власть и развитие законодательства. Это происходило во второй половине XIX века в Западной Европе в период бурного развития промышленности и накопления капитала. Вопрос об этом поднимался в России в конце XIX — начале XX века.

После 1917 г. и вплоть до конца 1980-х гг. в советском уголовном праве вопрос об уголовной ответственности юридических лиц почти не поднимался, а если поднимался, то решался отрицательно, и какой-либо значимой дискуссии по этой проблематике не наблюдалось, что вполне объясняется доминированием юридических лиц, имеющих государственственный статус.

Вновь дискуссия по поводу введения уголовной ответственности в нашей стране оживилась в начале 90-х годов прошлого века. И опять она совпала в периодом бурной капитализации и становления класса собственников — физических лиц, которые одновременно представляли собой лица юридические. Несмотря на лавинообразный рост экономических преступлений в то время законодатель принимает ряд из-

менений, направленных на обеспечение стабильности определённых слоёв общества, успевшего обеспечить себя капиталом, средствами производства и оформивших себя как юридическое лицо. Здесь можно упомянуть отказ нашей страны подписать п.20 вышеупомянутой Конвенции ООН (Незаконное обогащение) в 2003 году, исключение конфискации, как меры наказания из уголовного кодекса, замена её квазиуголовной нормой, ряд изменений, направленных на «гуманизацию» уголовного законодательства в сфере экономических преступлений, в результате которых реальные негативные последствия для лиц, совершивших преступления заменяются потерей некоторой суммы денег (кратные штрафы). Но при этом всё равно оставалась судимость. И вот сейчас, даже при причинении вреда физическим лицам, организациям или государству, представляющего наибольшую общественную опасность, может появиться возможность избежать личной ответственности за содеянное, переложив всю вину на корпорацию, которую представляет конкретное физическое лицо, оправдывая это коллегиальностью принятия решения. А когда за конкретное деяние одновременно отвечают много лиц — реально ответственность не несёт никто. Запрет деятельности конкретного юридического лица означает для конкретных физических лиц необходимость потратить некоторое время и деньги для перерегистрации нового юридического лица. Потеря же некоторого количества материальных активов юридического лица (в виде штрафа) представляется не более, чем возможностью откупиться от государства.

Отвечая на поставленный в заголовке вопрос, можно ответить так: если для многих учёных юристов обоснование возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности представляет чисто научный интерес, что во многих случаях и есть дань моде, то для многих представителей юридических лиц, собственников средств производства — это необходимость создания юридического буфера для обеспечения уверенности в личной неприкосновенности и недоступности со стороны государства даже при совершении противоправных деяний.

Список использованных источников

1. Лафитский В. И., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «proetcontra» // Журн. рос. права. — 2014. — № 2. — С. 5—13.
2. Памятники русского права: В 8 выпусках. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций от 31 октября 2003 г. против коррупции [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

4. Конвенция Совета Европы от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

5. Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Следственного комитета РФ: <http://sledcom.ru/document/1133> (Дата обращения 11.03.2015).

6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс]. Официальный сайт Следственного комитета РФ: <http://sledcom.ru/document/1134> (Дата обращения 11.03.2015).

7. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

8. Лебедев Н. Ю. Некоторые вопросы преодоления уголовно-процессуальных конфликтов при производстве по уголовному делу // Проблемы юриспруденции сборник научных статей и тезисов. М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. Технический ун-т; [редкол.: С. А. Поляков (отв. ред.) и др.]. Новосибирск, 2010. — С. 43—48.

9. Стукалин В. Б. Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями 2013. — № 11—12. — С. 30—32.

Ю. В. Деришев

Омская юридическая академия, г. Омск

В. А. Лопаткин

Кировский районный суд, г. Омск

**ИСТОКИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
УЧАСТИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

*«...Закон законов — это закон преемственности,
ибо что такое
в конечном счете настоящее,
как не росток прошлого?»
(Уолт Уитмен)*

Сила смыслового ядра данного эпиграфа применительно к исследованию уголовно-процессуальной сферы правоотношений недвусмысленно дает понять, что в деле совершенствования системы современного уголовного судопроизводства важно ориентироваться на исторический опыт. Без учета всех плюсов и минусов правового регулирования предшествующих периодов невозможно оценить современное состояние уголовно-процессуального законодательства, а также взять положительное для использования в целях сбалансированного развития современных и будущих правоотношений.

Процессы, происходящие в уголовном судопроизводстве тогда и сейчас во многом сходны, именно поэтому не обратить внимание на уголовное судопроизводство прошлого — значит оставить нераскрытыми глубинные механизмы, давно сформированные, но действующие сегодня и в значительной мере определяющие будущее [1, С. 126].

Демократизация и гуманизация общественных отношений, а также развитие социально-экономической составляющей жизнедеятельности российского государства в современных условиях актуализируют рассмотрение вопросов о расширении возможностей использования

мер уголовно-процессуального принуждения несвязанных с изоляцией от общества, к числу которых относится залог.

В Концепции судебной реформы залогом как мере пресечения не без основания отведена роль самой перспективной альтернативы заключению под стражу [2]. Поскольку в сфере уголовного судопроизводства подозреваемый (обвиняемый) получает возможность защищать свои права и законные интересы, оставаясь свободным, главным образом, за счет предоставления имущественного обеспечения.

О рациональности залога как инструмента обеспечения явки подозреваемого (обвиняемого) и его воздержания от негативного поведения в период расследования или рассмотрения уголовного дела по существу, высказываются ученые-процессуалисты, начиная с эпохи реформирования законодательства второй половины XIX века [3, С. 131]. Однако, до сих пор залог не нашел должного использования в практике применения уголовно-процессуального законодательства [4, С. 26].

Полагаем, что обращение к истокам возникновения уголовно-процессуального залога будет серьезным шагом на пути к созданию эффективного механизма правового сопровождения участия юридических лиц в уголовно-процессуальных залоговых отношениях и увеличению потенциала реализации данной меры пресечения в правоприменительной практике.

Институт залога с участием юридических лиц был сложен в публично-правовой сфере с учетом цивилистических представлений о сущности юридического лица и гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств. На этом основании ретроспективное изучение законодательства, регламентирующего участие юридических лиц в уголовном судопроизводстве в качестве залогодателей, следует проводить во взаимосвязи с положениями отечественного гражданского и гражданского процессуального законодательства.

Исследуя исторически сложившиеся формы процесса, В. М. Владимирский-Буданов замечает, что уже в древние времена в эпоху Русской Правды в рамках рассмотрения вопроса относительно определения сроков явки в суд для разрешения спора была распространена процедура «битья о заклад». Согласно данной процедуре спорящие стороны в присутствии посторонних лиц бились о заклад, в качестве чего выступала либо известная вещь, являющаяся предметом спора, либо известное количество денег, которые передавались в руки сторонним третьим лицам. После этого рукобьем или бросанием шапок заключалась сделка о необходимости явки в суд в назначенный срок [5, С. 587].

Рассматривая сказанное в свете мнения ученых-юристов о том, что «... в России, вплоть до Соборного Уложения 1649 года, практически не делалось какого-либо различия между порядком рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел, а потому одни и те же меры обеспечительного характера применялись и при рассмотрении гражданских, и при рассмотрении уголовных дел» [6] можно предположить, что процедура «битья о заклад» для обеспечения явки в суд по искам уголовно-правового характера, является прообразом уголовно-процессуального залога. Поскольку данной мере, равно как и залогу, были присущи такие черты как реализация отношений с целью обеспечения явки участников процесса; обязательная передача определенного имущества для достижения вышеуказанной цели сторонним лицам; осуществление психологического воздействия на поведение участников процесса, связанного с риском имущественных потерь в случае невыполнения или ненадлежащего выполнения обязательства, возложенного на участника процесса в связи с необходимостью явки для разрешения спора.

К сожалению, в результате исследования памятников отечественного законодательства, действовавших на историческом отрезке от Русской Правды до правовых актов судебной реформы второй половины XIX века, каких-либо более ярких свидетельств регламентации залоговых отношений в сфере уголовно-процессуального пресечения выявить не удалось.

Тем не менее, это не означает, что залог вовсе не был известен отечественному законодательству. Просто его роль сводилась главным образом к обеспечению исполнения обязательств, возникающих в рамках гражданско-правовых отношений между должником и кредитором.

Так, в период действия кодекса частного права Древней Руси получила свое развитие форма обеспечения долгового обязательства, схожая по конструкции с древнеримской формой личного залога — *pecunia* [7, С. 8—9]. Свобода лица была порукою кредитору в том, что должник выполнит то, к чему обязался, при этом кредитор приобретал право владения и пользования личностью должника, но не право им распоряжаться.

Предпосылки регулирования правоотношений, возникающих между кредитором и должником, посредством реального (имущественного) обеспечения возникли позже. Наиболее ранней формой такого рода обеспечения, по мнению Г. Ф. Шершеневича, была передача вещи во владение кредитора, которое соединялось с пользованием [8, С. 348]. По утверждению ученого, уже в текстах древнерусских закладных грамот можно было встретить правило, согласно которому,

кредитор приобретал право собственности на заложенное имущество не с момента внесения залога, а с момента просрочки уплаты долга, что вполне соответствовало содержанию текстов закладных грамот: «а не будутъ денги на срокъ, ся кабала на ту пожно и купчая грамота» [8, С. 358].

Свой след в становлении и развитии отечественного залогового права оставили Псковская Судная грамота, Судебники (1550 и 1557 годов), Законы 1649 г. и 1737 г. и т. д. в результате чего залог занял особое место среди способов обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств, сущность которого заключается в том, что кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за некоторыми изъятиями.

В уголовно-судопроизводственной сфере вплоть до вступления в силу Устава уголовного судопроизводства 1864 года в качестве основной и практически единственной мерой уголовно-процессуального обеспечения имущественного характера, охраняющей правильность ведения процесса, предупреждающей причинение имущественного ущерба, участвующим в споре сторонам и сопутствующей судопроизводственным актам наряду с арестом являлось поручительство.

Как отмечает М. Ф. Владимирский-Буданов: «... в эпоху Русской Правды, а затем в эпоху судебных грамот арест мог быть всегда заменен порукой. Развитие системы поручительства в древнерусском праве есть черта, ставящая высоко этот процесс над последующим, где развитие следственных начал заставило ценить свободу человека весьма низко» [5, С. 588].

По утверждению Н. В. Ткачевой, поручительство как мера уголовно-процессуального принуждения получило свое развитие в XIII—XIV вв. По мнению исследователя, прообразом данной меры является дикая вира, содержание которой, согласно ряду положений Русской Правды, состояло в том, что родовая община в случае отказа в выдаче своего члена, совершившего преступление отвечала своим имуществом [9, С. 102].

Экскурс к истокам возникновения поручительства в уголовном судопроизводстве демонстрирует, что первые представления о необходимости применения имущественного обеспечения в сфере уголовно-процессуального пресечения, а также об участии коллективных образований в принуждении данного рода, связаны с имущественным поручительством — институтом, возникшим задолго до появления залога, и

генетически с залогом схожим правовой природой, а потому в дальнейшем оказавшим существенное влияние на формирование последнего.

С 1864 по 1917 гг. уголовно-процессуальные отношения регламентировались в соответствии с утвержденным 20 ноября 1864 г. Уставом уголовного судопроизводства (далее по тексту — УУС). Данным законодательным актом была существенно расширена система мер пресечения, которая согласно ст. 416 УУС наряду с мерами личного характера включала обеспечительные меры имущественного характера, такие как: отдача на поруки; взятие залога.

В своем труде «Курс уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкий отметил, что «... совершенно неизвестный уголовному судопроизводству залог, имеющий своим содержанием имущественное (денежное) обеспечение и являющийся более строгой мерой пресечения, Судебными Уставами был поставлен рядом с поручительством, ранее существовавшим в законодательстве в значении личного ручательства за явку без всякой реальной (имущественной или иной) ответственности поручителя» [10, С. 325]. Таким образом, именно УУС дал толчок к развитию института залога в отечественном уголовном судопроизводстве.

Исходя из проведенного анализа содержания диспозиций статей 77—84, 125, 415—429 УУС следует, что залог ассоциировался законодателем с имущественным субстратом в виде денег или движимого имущества, который согласно установленному процессуальному порядку вносился для подкрепления исполнения обязательства.

На законодательном уровне были определены цели предоставления залога:

а) для обеспечения явки в суд обвиняемого в совершении преступлений или проступков, подвергающихся заключению в тюрьму или крепость, соединенному с лишением некоторых особых прав и преимуществ;

б) для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого (соблюдения им требования не отлучаться с местонахождения на время следствия или суда);

в) для предупреждения причинения имущественного ущерба, участвующей в споре потерпевшей стороне, поскольку в случае нарушения условий меры пресечения залоговая сумма перечислялась на устройство мест заключения, за вычетом предполагаемого вознаграждения потерпевшей стороне.

Согласно ст. ст. 79, 80, 423, 426 УУС данная форма публично-имущественного обеспечения реализовывалась между двумя сторонами (субъектами уголовно-процессуальных залоговых отношений): залогодержателем и залогодателем.

Ряд ученых-цивилистов анализируемой нами эпохи, занимающиеся исследованием феномена юридического лица, считали, что государство следует относить к группе юридических лиц публичного права, которое через свои органы и полномочных лиц вправе участвовать в правоотношениях: вещных и обязательственных. Государство как самостоятельный субъект права могло выступать и в публичных правоотношениях через специально образованные для реализации его целей органы, но в порядке, установленном законодательством.

В этой связи полагаем, что в качестве залогодержателя по УУС выступало государство в лице суда — органа, осуществляющего правосудие, поскольку решение об избирании залога как меры пресечения, а также о принятии залоговой суммы принималось мировым судьей либо судебным следователем.

В рамках залоговых отношений суд не только осуществлял процессуальную деятельность, связанную с избранием и применением меры пресечения в отношении обвиняемого для обеспечения его явки и ненадлежащего поведения, в его ведении находилось разрешение вопроса об определении дальнейшей судьбы залоговой суммы в случае неисполнения обвиняемым возложенного на него обязательства. Суд принимал меры к разделу залогового имущества, часть из которого должна была пойти на возмещение исковых требований потерпевшей стороны, а другая часть подлежала обращению в доход государства на содержание мест заключения.

Лицо, инициирующее вопрос о применении залога в качестве меры пресечения и располагавшее определенным видом имущества для целей обеспечения обвиняемым исполнением обязательства, становилось участником залоговых отношений и именовалось не иначе как залогодатель (ст. ст. 81, 424, 426 УУС).

При этом статусом залогодателя мог быть наделен либо обвиняемый, в совершении преступлений или проступков, подвергающихся заключению в тюрьму или крепость, соединенному с лишением некоторых особых прав и преимуществ либо же всякое другое имуществом состоятельное лицо, своевременно внесшее имущество в обеспечение обязательства, которые, принимали на себя риск возможных потерь предоставленных денежных средств или движимого имущества в случае уклонения от следствия и суда или ненадлежащего поведения обвиняемого [11, С. 462].

Так как субъектом преступления согласно дореволюционной уголовно-правовой доктрины являлось физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности, то в качестве обвиняемого-залогодателя мог выступать только человек, физическое лицо.

Несколько сложнее поддается анализу категория «всякое другое лицо», которое, согласно закону имело право участвовать в уголовно-процессуальных залоговых отношениях в качестве залогодателя, поскольку до наших времен не сохранились какие-либо свидетельства, комментирующие положения Устава по данному вопросу.

«Лицо», «личность», «олицетворять», «физическое лицо», это категории причисляемые, прежде всего, к человеку, персоне, особе. Олицетворять — значит придавать вещи или отвлеченному понятию свойства личности; личность, есть человек как субъект отношений и сознательной деятельности [12, С. 258—259].

Понятие лица, по мнению И. П. Грешникова, только в новое время позволило признать полностью правоспособным *de facto* и *de jure*: во-первых, человека, т. е. любой человек стал полноправным субъектом права — физическим лицом, и, во-вторых, организованности — они стали юридическими лицами [13, С. 10].

Анализируя проблемные вопросы русского гражданского права по Своду законов Российской Империи, К. Анненков отмечает: «В самом законе нашем не только нет какого-либо определения понятия юридического лица, но и сам термин «юридическое лицо» вовсе в нем не встречается» [14, С. 216].

Вместе с тем в ст. 698 десятого тома Свода Законов Российской Империи законодатель, «примеряет» термин «лицо» к различным обществам, учреждениям и заведениям, наделенным правомочием по приобретению прав на имущество, а потому относящимся к особым субъектам права. Глава первая данного источника, где находится указанная статья так и именуется: «О лицах, могущих приобретать права на имущество» [15, С. 75—76].

По сути, несмотря на то, что законодателем не был легализован термин «юридическое лицо», категория «лицо» в правовом поле середины XIX века постепенно стала обретать универсальный, технический и абстрактный характер и, подлежала употреблению в тех случаях, где необходимо было обозначить обособленную правоспособность.

Тем не менее, мы все же склонны считать, что по УУС статусом залогодатель мог быть наделен только человек, частное (физическое) лицо. Поскольку иначе к залому была бы применена по аналогии юридическая конструкция субъективного состава такого однородного с ним публично-имущественного обеспечения как отдача на поруки.

Так, согласно диспозиции ст. 422 УУС, любое лицо, а также общество или управление по решению мирового судьи или судебного следователя могли взять на поруки обвиняемого в совершении пре-

ступления с принятием денежной ответственности в случае его уклонения от следствия и суда [16, С. 162].

Положения Устава о поручительстве не раскрывали содержание категорий «общество» или «управление» и не отвечали на вопросы о том, какие виды обществ и управлений могли участвовать в данных публичных правоотношениях, являлись ли эти образования субъектами права частного или публичного, кто от имени общества и управления мог выступать в процедуре избрания меры пресечения, вправе ли общество или управление осуществлять деятельность поручителя посредством представителя и т. д.

Однако нет ни тени сомнения в том, что, используя данные категории, законодатель тем самым хотел указать правоприменителю на то, что это самостоятельные субъекты публично-правовых отношений, которые не должны ассоциироваться с физическим лицом.

Согласно Своду законов гражданских, к субъектам гражданских прав, имеющим право на приобретение и отчуждение имущества в зависимости от его (имущества) вида, и в границах и пределах установленных законом отнесены, в частности: дворцовые управления, дворянские и городские общества и т. д. [15, С. 75—76].

Анализируя вышеозначенный источник русского гражданского права, а также широкий спектр идей ученых-цивилистов К. Анненков отмечал, что к юридическим лицам *de facto* (потому, что термин юридическое лицо Сводом законов не был предусмотрен) могли быть отнесены: дворцовые управления и управления уделами; различные общества и братства, существующие при духовных установлениях; земские и городские общества; общества купеческие, мещанские и ремесленные; сословные городские общества; части некоторых сословных обществ, когда они состоят из членов различных вероисповеданий (православные, еврейские и т. д.); биржевые общества; сельские общества; ученые и благотворительные общества и т. д. [14, С. 216—234].

Исходя из текстов вышеозначенного Свода законов следует, что общества и управления как субъекты гражданского права обладали правоспособностью, при этом одни согласно закону, положениям, уставам либо специальным договорам, сообразно цели учреждения имели полномочия через представителей на реализацию своих прав по приобретению или отчуждению имущества, а также на участие в обязательственных отношениях, в том числе в области публичного права, другие в данных полномочиях были ограничены.

Системный анализ норм гражданского и уголовно-процессуального законодательства второй половины XIX века, к которому вполне мог прибегнуть и правоприменитель того времени, дает основание пола-

гать, что «общество» и «управление» это собственно разновидности юридических лиц, наделенных УУС процессуальной правоспособностью и дееспособностью на участие в качестве поручителя в применении такой меры пресечения, как отдача на поруки.

Решение о признании общества или управления поручителем принималось мировым судьей или судебным следователем с учетом того, что данное общество или управление является состоятельным как с позиции финансовой (материальной) обеспеченности, так и с позиции его надежности в том, что имущественная обязанность, исходящая из существа данного правоотношения, будет выполнена в будущем.

Одним из важных условий наделения общества или управления статусом «поручителя» являлось их добровольное согласие с возложением денежной ответственности в случае не явки обвиняемого в суд или к следователю, а равно не выполнения последним предписаний ст. 76 и 415 УУС, обязывающих обвиняемого не отлучаться без разрешения из того города или участка, где производится дело.

Таким образом, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., субъективный состав залоговых отношений был более узок, чем состав участников поручительства, где наряду с физическим лицом в качестве поручителя могли выступать общество или управление, как мы уже выяснили, *de facto*, являющиеся юридическим лицом.

Тем не менее, в дореволюционный период законодателю не суждено было запечатлеть в тексте Устава уголовного судопроизводства 1864 года положение об участии юридических лиц в уголовно-процессуальном залоге, однако вышеизложенное не должно хоть сколько-нибудь приуменьшать роли Устава в формировании института участия юридических лиц в уголовно-процессуальных залоговых отношениях, поскольку данный источник права является не только первоосновой появления залога в российском уголовном процессе, но, регламентируя вопросы генетически связанного с залогом имущественного поручительства, он в целом обосновал возможность участия юридических лиц в применении мер уголовно-процессуального пресечения.

Список использованных источников

1. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В. З. Лукашевича. — СПб., 2003.

2. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

3. Духовский М. В. Из лекций по уголовному процессу. — Москва, типография Общества распространения полезных книг, 1895.
4. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. — 2008. — № 11.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов н/Д., 1995.
6. Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного Царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. — СПб., 1833. — С. 90—91; Струмилин С. Г. Договор займа в древнерусском праве. Опыт Историко-юридического исследования. — М., 1929. — С. 66. и др.
7. Как отмечал Ф. Дыдынский, данная форма залога состояла в том, что «должник, посредством символической продажи, как будто бы передавал себя, семейство и всё своё имущество кредитору, который, если бы в срок, назначенный для уплаты, долг не был представлен, по прошествии 30 дней (justidies) мог обратиться взыскание против личности самого должника...». См.: Дыдынский Ф. Залог по римскому праву. — Варшава, 1872.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М., Издание Бр. Башмаковых, 1911.
9. Ткачёва Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: монография / Научный редактор А. В. Кудрявцева. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. — Изд. 3-е, пересмотр. и доп. — С.-Петербург: Сенатская типография, 1910
11. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т 8. Судебная реформа / Отв. ред. тома Б. В. Виленский. — С. 128, 162; Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами министра юстиции. — СПб., 1913.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. — М., 1956.
13. Грешников И. П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
14. Анненков К. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и Общая часть. — 2-ое издание пересмотренное и дополненное. — СПб., 1899. — С. 216.
15. Свод Законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских. — СПб., 1900. — С. 75—76.
16. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т 8. Судебная реформа / Отв. ред. тома Б. В. Виленский. — С. 162.

Е. А. Дорожинская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

О ВОЗМОЖНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Инициатива Следственного Комитета России (СКР) по введению института уголовной ответственности юридических лиц, выразившаяся в 2012 году в представлении проекта федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» (далее — законопроект), является предметом широкого обсуждения в научном сообществе.

Суть дискуссий заключается преимущественно в необходимости преодоления традиционного понимания личной виновной ответственности субъекта преступления (ст. ст. 5 и 19 УК РФ), которым в данном случае выступает юридическое лицо как организация. Эти положения, как известно, сформировались в советский период в условиях запрета на осуществление предпринимательской деятельности частными субъектами и отсутствия преступности юридических лиц [1].

Конечно же, авторы законопроекта понимали природу противоречия, поэтому в основу проекта закона заложили иную, альтернативную правовую конструкцию, отразившуюся в самом его названии. Она предполагала отнесение уголовно-правового воздействия в отношении причастных к преступлению юридических лиц не к виду уголовного наказания, а к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным УК РФ в разделе VI. В результате юридическое лицо так и не стало рассматриваться в качестве субъекта преступления, однако возникла перспектива применения к нему мер уголовно-правового воздействия за причастность к преступлению, совершенному физическим лицом. Поэтому, строго говоря, в проекте так и не было предложено введение корпоративной ответственности в полной мере.

В пояснительной записке к закону Следственным комитетом России отмечалось, что «мировые стандарты противодействия преступности юридических лиц диктуют необходимость внедрения ин-

ститута (их) ответственности за причастность к преступлению именно в уголовное законодательство. В частности, Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [2], к Конвенции ООН против коррупции [3] и к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [4], которые предусматривают обязанность государств-участников ввести уголовную ответственность юридических лиц за причастность к определенным видам преступлений».

С одной стороны, этот аргумент можно признать состоятельным. Но его ценность меркнет на фоне последних тенденций: научная общественность и правоприменители все чаще критикуют как Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [5], так и в целом конституционный принцип приоритета международного права над национальным [6].

Возвращаясь к законопроекту, стоит отметить, что его судьба пока точно не ясна, однако по поводу изменения отношения законодателя к ответственности юридических лиц уже наметились определенные тенденции.

Так, 21 ноября 2014 года Государственной Думой ФС РФ был принят в первом чтении проект Федерального закона № 599584-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносящий изменения в ст. 199 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации».

В тексте статьи изменения коснулись непосредственно введения ответственности за использование при уклонении юридических лиц-«однодневок», что в общем-то вписывается в ныне существующие «тренды» в работе российских правоприменителей.

Зато во вновь возникшем третьем примечании к ст. 199 УК РФ весьма любопытно было обнаружить внедрение имущественной ответственности организаций: «конфискация орудий, оборудования и иных средств совершения преступления, принадлежащих иным лицам, в рамках данной статьи применяется к имуществу юридических лиц, в том числе банковских учреждений, используемому в целях пособничества в уклонении от уплаты налогов ... если учредители (участники) или исполнительные органы этих юридических лиц знали или должны были знать об использовании возможностей и имущества этих юридических лиц для совершения преступления». И вот тут уже в полной мере можно говорить о введении корпоративной ответственности в уголовно-правовой сфере.

Речь не идет о термине «корпоративная социальная ответственность», активно применяемом в сфере внутрикорпоративного регулирования отношений [7]. В данном случае подразумевается именно внедрение модели корпоративной (коллективной) уголовной ответственности [8].

Возникает ряд сомнений по поводу перспектив применения уголовной ответственности к юридическим лицам, которые стоит сформулировать на основе анализа текста законопроекта, предложенного СКР.

1. Возможно, привлечение к уголовной ответственности лишь индивидуальных субъектов преступления, действующих от имени корпорации, действительно, не влияет на деятельность самой корпорации, беспрепятственно продолжающей совершение противоправных деяний. Но достаточно сомнителен тезис, что в широком смысле распространение уголовной деликтоспособности на юридическое лицо как организацию в результате окажет влияние на корпоративную культуру и будет способствовать превенции аналогичных нарушений.

Юридическое лицо было и остается «фикцией», мало зависящей в своей абстрактной природе от поведения его участников. Поэтому, собственно, точка зрения ученых-цивилистов в отношении данного предложения весьма скептична.

В дополнение к сказанному можно отметить, что статьи законопроекта (со 104⁷ по 104¹⁵), устанавливающие меры уголовно-правового характера для юридических лиц и механизм их применения, выглядят в определенной степени смехотворно, если представить, что речь идет о наказании организаций-«однодневок», которые чаще всего и являются нарушителями закона. Для них не страшны ни запреты, ни принудительная ликвидация.

2. В законопроекте так или иначе сглаживается коллективный характер ответственности организации. Например, в ст. 104⁴ «Основания и условия применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера» и далее по тексту причастность организации к преступлению определяется на основе действий физических лиц (органов управления). Возникает противоречие предлагаемого подхода общепризнанной природе и целям применения юридической ответственности, так или иначе привязанной к субъекту (причем реальному).

3. Статья 104⁵ «Юридические лица, в отношении которых могут быть применены меры уголовно-правового характера» законопроекта весьма изящно «обтекает» органы государственной власти и местного самоуправления, не включая их в перечень субъектов, при-

влекаемых к ответственности за причастность к преступлению. Казалось бы, все вполне логично, ибо упомянутые органы не обладают статусом юридического лица в полной мере. Но, выступая учредителями унитарных предприятий и учреждений, государственные и муниципальные органы вправе определять их стратегию поведения и развития, причем разными способами. В результате должностные лица публичных органов по степени воздействия на «поведение» юридического лица (предприятия либо учреждения) мало чем отличаются от органов управления корпораций, поэтому становится непонятным их особое положение и исключение из сферы действия закона.

4. Интересно рассмотреть вопрос о перспективах применения уголовной ответственности к государственным корпорациям как специфичной форме юридического лица. С одной стороны, они имеют вполне определенный гражданско-правовой статус юридического лица, при этом обладают уникальностью и создаются в результате применения особого механизма [9]. И, с другой стороны, именно особенности государственных корпораций на текущем этапе развития правового регулирования их деятельности не позволяют применить к ним большую часть пресловутых «мер уголовно-правового характера» (включая принудительную ликвидацию).

5. Стоит отметить, что в рамках проблем применения института уголовной ответственности юридического лица фактически не поднималась проблема соотношения публичных и частных интересов.

Во-первых, не берется во внимание тот факт, что принятие решений о деятельности (действиях) юридического лица-«правонарушителя» не всегда осуществляется органом управления в полном составе. Решение может приниматься при наличии кворума, но не всех участников. А если все члены органа управления принимают участие в принятии решения, то не все из них могут быть согласны с мнением большинства, определяющим итог голосования.

Во-вторых, не учитываются возможные негативные последствия, которые могут нести лица, фактически не участвующие в реализации оперативного управления юридическим лицом, приведшего к правонарушению. Речь идет, например, об акционерах, не входящих в состав органов управления. Безусловно, применение любых уголовно-правовых санкций, включая меры уголовно-правового характера, косвенно распространит отрицательное воздействие имущественного характера на упомянутых лиц. И весьма сомнительно, что подобные убытки можно отнести к последствиям предпринимательского риска.

В данном случае на чаше весов находятся частные интересы лиц-участников предпринимательской деятельности и публичные государственные интересы. Всегда ли в этом случае надо отдавать приоритет публичным интересам, неясно.

Перечисленные проблемы отражают лишь «верхушку айсберга» неразрешаемых проблем, могущих возникнуть в результате непродуманной стратегии внедрения в России уголовной ответственности юридических лиц. Хотелось бы надеяться, что истинные цели законодателей служат интересам государства и общества в целом и далеки от банального желания: найти в возможности наложения имущественной ответственности на юридических лиц дополнительный мощный источник пополнения бюджета.

Список использованных источников

1. Романов С. Уголовная ответственность юридических лиц — подарок предпринимателям для улучшения бизнес-климата [Электронный ресурс] // На стол руководителя: деловой еженедельник // <http://www.nastol.ru/Go/ViewArticle?id=4718> (Дата обращения 27.02.2015)

2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 40. — Ст. 3882.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собр. законодательства Рос Федерации. — 2006. — № 26. — Ст. 2780.

4. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.

5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // Рос. газ. — 2003. — 2 дек.

6. Глава СК предложил исключить из Конституции принцип приоритета международного права // Взгляд. Деловая Газета — 2015. — 26 февр. [Электронный ресурс] <http://vz.ru/news/2015/2/26/731628.html> (Дата обращения 27.02.2015).

7. Об утверждении Кодекса корпоративной социальной ответственности открытого акционерного общества «Российские железные дороги»: распоряжение ОАО «РЖД» от 20.10.2008 № 2188р [Элек-

тронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант-плюс (Дата обращения 27.02.2015); Аристова Е. А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — 248 с. (Глава 8).

8. Антонова Е. Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // *Lex russica*. — 2013. — № 8. — С. 884—897; Антонова Е. Ю. Современные концепции корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // *Современное право*. — 2011. — № 6. — С. 135—140.

9. Замрыга Д. В. Проблемы реализации принципа поддержания конкуренции и недопустимости экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию в деятельности государственных корпораций // *Конкурентное право*. — 2014. — № 2. — С. 12—15; Адарченко Е. О. Государственные корпорации как вид юридических лиц публичного права // *Административное и муниципальное право*. — 2012. — № 7. — С. 13—16.

С. А. Дроздова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Уголовная ответственность юридических лиц установлена во многих странах мира и предусматривается международными обязательствами России. В России юридические лица привлекаются только к административной ответственности по статье 19.28 КоАП Российской Федерации за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, что, на наш взгляд, указывает на недостаточную эффективность существующего института административной ответственности юридических лиц за такого рода деяния [3. С. 55].

Весьма показательным является мнение Н. А. Головановой, которая высказала мнение о том, что развитие уголовного законодательства во многих странах мира связано с признанием уголовной ответственности юридических лиц и ужесточением применяемых в отношении корпораций санкций [1. С. 153]. Данный алгоритм действий целесообразно применить к участникам внешнеэкономической деятельности, как юридическим лицам, в том числе к уголовной ответственности за коррупционные преступления в таможенной сфере.

В настоящее время более чем в пятидесяти странах мира предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. Освещая мировой опыт привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, можно выделяется три основные модели. Первая модель — основывается на том, что здесь юридические лица несут уголовную ответственность как самостоятельно, так и наряду с физическими лицами (Англия, Шотландия, Ирландия, США, Канада, Австралия, Австрия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Португалия, Франция, Финляндия, Грузия, Литва, Молдова, Эстония и др.). Вторая модель — в большей мере учитывает принцип виновной ответственности лица за совершенные преступления и основывается на признании физического лица единственно возможным субъектом преступления. В случае же уча-

ствия юридического лица в преступлении, совершаемом физическим лицом в его интересах, юридическое лицо наряду с физическим лицом подвергается уголовно-правовому воздействию (Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу, Турция, Швейцария). Третья модель — предполагает только административную ответственность юридических лиц за причастность к правонарушению, что условно можно отнести к институту уголовной ответственности юридических лиц (Германия, Италия, Швеция, Россия) [2. С. 167].

С немалой долей вероятности можно прогнозировать, что вопрос о введении института уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за коррупционные правонарушения [4. С. 107], в ближайшем будущем станет весьма актуальным и для России. Для этого имеются как и внутренние (социально-экономические), так и внешние (международно-правовые) предпосылки [5. С. 429].

Данный алгоритм действий целесообразно применить к установлению уголовной ответственности участников внешнеэкономической деятельности как юридических лиц за коррупционные правонарушения, что позволит взыскивать с данных виновных юридических лиц значительные суммы штрафов, что может оказать существенное воздействие на других участников ВЭД и способствовать выработыванию здоровой конкурентной среды.

Таким образом, введение уголовной ответственности участников внешнеэкономической деятельности как юридических лиц обусловлено в первую очередь экономическими процессами, связанными с развитием рыночной экономики, где образ физического лица, совершившего преступление, отходит на второй план, а участник внешнеэкономической деятельности, как юридическое лицо выдвигается на первый план в качестве реального преступника, незаконно получающего (дающего) денежные или иные материальные и нематериальные выгоды от своей преступной деятельности.

Критически рассматривая имеющуюся практику в России привлечения юридических лиц, в том числе и участников внешнеэкономической деятельности, к административной ответственности по статье 19.28 КоАП Российской Федерации «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» обнаруживаем ее недостаточную эффективность, которая не компенсирует уголовную ответственность.

Данный тезис подтверждается Федеральной таможенной службой России, приведенным в статье «Мзду не предлагать!», где весьма показательными являются следующие факты. «Недобросовестные участники ВЭД, нарушающие таможенные правила, нередко предпринимали попытки подкупить должностных лиц таможенных органов. Из многих регио-

нов России регулярно приходят сообщения о провале таких попыток. Теперь коррумпированные коммерсанты предстанут перед судом. В Ростове-на-Дону в феврале 2011 года на таможенном посту Аэропорт Ростовской таможни в ходе таможенного контроля пассажиров авиарейса, прибывшего из Еревана, в багаже гражданина Армении была обнаружена сувенирная продукция из камня — всего более 1200 брелоков, подвесок и статуэток. Житель Еревана пытался пройти со своим товаром по зеленому коридору. Остановившему его таможеннику коммерсант предложил 2500 рублей за то, чтобы тот «не заметил» коммерческое предназначение товара. Инспектор от мзды отказался и сообщил о коррупционном предложении руководству, как положено по инструкции.

По данному факту было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 291 УК Российской Федерации «Дача взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий», которая предусматривает наказание в виде штрафа либо лишения свободы на срок до восьми лет. Кроме того, в отношении коммерсанта, нарушившего таможенные правила, возбуждено дело об административном правонарушении по части 1 статьи 16.2 КоАП РФ «Недекларирование либо недостоверное декларирование товаров».

В Новороссийске подобный случай уже завершился решением суда, где фигурирует крупная сумма (1 миллион рублей) в качестве штрафа. По сообщению СМИ, 25 февраля 2011 года суд признал виновным директора местного общества с ограниченной ответственностью за попытку дать взятку в размере 7500 рублей таможенному инспектору за ускоренное оформление транзитных деклараций. Директора признали виновным по части 3 статьи 30 «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» и части 2 статьи 291 УК Российской Федерации «Покушение на дачу взятки должностному лицу». При этом в отношении предприятия было назначено административное наказание в виде штрафа в 1 млн. рублей согласно статье 19.28 КоАП Российской Федерации «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица».

В Волгограде в середине февраля были заочно арестованы и объявлены в международный розыск двое египтян, которые пытались подкупить таможенников, изъявших у них курительные смеси. За 10 тысяч рублей братья Шохди предложили сотрудникам отдела по борьбе с контрабандой наркотических средств вернуть им изъятый товар. Против нарушителей возбудили уголовное дело, однако граждане Египта покинули пределы России. На данный момент суд вынес решение о заочном аресте беглецов.

В Хабаровске в конце февраля возбуждено уголовное дело в отношении гражданки Китая, пытавшейся дать взятку в размере 10 тысяч

рублей заместителю начальника таможенного поста аэропорт Хабаровск Хабаровской таможни за незаконный пропуск товаров ее родственников, прилетающих из города Харбина. Таможенник уведомил о попытке подкупа установленным порядком. Было возбуждено уголовное дело по части 3 статьи 30 и части 2 статьи 291 УК Российской Федерации» [6].

У административной ответственности участников внешнеэкономической деятельности, как юридических лиц имеются несомненные минусы, не позволяющие обеспечить результативное, пропорциональное и тормозящее воздействие на юридических лиц. В связи с этим уголовная ответственность юридических лиц имеет ряд существенных преимуществ.

Это положение подкрепляется тем, что большинство правонарушений участников внешнеэкономической деятельности, как юридических лиц обычно выявляются в ходе расследования уголовных дел в отношении физических лиц, совершавших противоправные деяния от имени или в интересах соответствующего юридического лица, и работа по привлечению участников внешнеэкономической деятельности, как юридических лиц к ответственности, как правило, начинается лишь после осуждения физических лиц. Исходя из изложенного полагаем, что расследование содеянного намного было бы эффективнее проводить в рамках единого процесса, имея в виду то обстоятельство, что по делам об административных правонарушениях всестороннее расследование не проводится, как по уголовным делам, и еще подчеркнем, что по делам об административных правонарушениях осуществляется упрощенное судебное рассмотрение мировым судьей. Кроме того по административным правонарушениям не проводится оперативно-розыскные мероприятия, что существенно снижает результативность работы по ним.

Согласно Определению Конституционного суда Российской Федерации от 05.06.2014 № 1308-О, коррупционные правонарушения юридических лиц могут представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью коррупционных преступлений, а в некоторых случаях — и более высокую [7].

Учитывая, что в России физические лица могут быть привлечены и к административной и уголовной ответственности, то почему участники внешнеэкономической деятельности как юридические лица, могут быть привлечены только к административной и не могут — к уголовной? В таком контексте представляется рациональным использовать аналогичный подход и по отношению к коррупционным правонарушениям участников внешнеэкономической деятельности как юридических лиц, предусмотрев уголовную ответственность, например, за подкуп должностных лиц в особо крупном размере.

На наш взгляд, введение уголовной ответственности участников внешнеэкономической деятельности как юридических лиц обусловлено сегодняшним бурным развитием экономических и политических отношений, соответствует интересам всего российского народа и возможно приведет к большей ответственности юридических лиц с должностными лицами, например таможенных органов.

Соответственно, для решения названных задач, можно с уверенностью сказать, что «в условиях, когда не прекращаются попытки недобросовестных участников ВЭД коррумпировать должностных лиц таможенных органов, ФТС России проводит работу по предупреждению и пресечению правонарушений среди должностных лиц. Краткий анализ деятельности таможенных органов по данным направлениям, показывает, что «Важными составляющими этой работы являются: выполнение должностными лицами положений «Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации», утвержденного приказом ФТС России от 14.08.2007 № 977; обеспечение соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, исполнения ими обязанностей, установленных Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами; обеспечение реализации федеральными государственными служащими требований приказа ФТС России от 18 января 2010 года № 57 «Об утверждении Порядка уведомления должностными лицами таможенных органов начальников таможенных органов о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений и организации проверок поступающих уведомлений», обязывающего должностных лиц таможенного органа уведомлять руководство в течение суток с момента обращения каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений.

Должностное лицо таможенного органа, уведомившее о таком факте, получает защиту государства. Уведомление фиксируется в специальном журнале; далее проводится проверка указанных сведений и иные действия, определенные уголовно-процессуальным законодательством; обеспечение проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, проверки соблюдения федеральными государственными служащими

требований к служебному поведению, а также проверки соблюдения гражданами, замещающими должности федеральной государственной службы, ограничений в случае заключения ими трудового договора после ухода с федеральной государственной службы; обеспечение деятельности 134 комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, а также 178 аттестационных комиссий» [6].

В таком контексте стоит учесть, что вследствие введения в России институт уголовной ответственности юридических лиц (в том числе участников внешнеэкономической деятельности) согласуется с общей теорией юридической ответственности и соответствует не только национальным интересам российских таможенных органов, но и таможенных органов стран-участниц вновь созданного на мировой арене интеграционного объединения — Евразийского экономического союза.

Список использованных источников

1. Голованова Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. — М.: 2013. — С. 153—163

2. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под ред. С. П. Щербы. — М.: 2010. — С. 167 — 174.

3. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. — 2015. — № 1. — С. 55—63.

4. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц как составляющая противодействия коррупции // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 3. — С. 107—112.

5. Федоров А. В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 3. — С. 429—433

6. Официальный сайт Федеральной таможенной службы http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14018:%D0%9C%D0%B7%D0%B4%D1%83%20%D0%BD%D0%B5%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%8C!&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2055 (Дата обращения 11.03.2015).

7. Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 04.07.2014).

М. Ю. Зенков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ**

Активизация борьбы с коррупцией в России обозначила качественно новый этап в истории развития отечественного опыта противодействия этому негативному явлению. Борьба с коррупцией объявлена приоритетным направлением государственной политики. За последнее время произошли, несомненно, позитивные изменения в плане противодействия коррупции: Россия присоединилась к антикоррупционным конвенциям ООН и Совета Европы, тем самым взяв на себя обязательство по имплементации положений конвенций в российское законодательство, стала участником группы государств против коррупции (ГРЕКО). Кроме того, создан Совет по противодействию коррупции при Президенте Российской Федерации [1]. Президентом РФ утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции [2], национальные планы противодействия коррупции [3], в которых отражены основные стратегические задачи и направления борьбы с коррупцией в России, принят федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4]. Все это говорит о начале сложной и большой работы по искоренению данного негативного явления в России.

Вместе с тем, несмотря на ряд положительных результатов в сфере профилактики и противодействия коррупции как в пределах конкретных государственных органов, так и системы государственной службы в целом, необходимо обратить внимание на то, что само по себе установленное федеральным законом № 273-ФЗ определение понятия коррупция, с одной стороны, недостаточно четко определяет границы данного явления и является весьма громоздким, с другой, и вовсе — содержит коррупциогенный фактор — «либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения», что привело к тому, что помимо уголовной ответственности за коррупционное преступление фактически введены иные виды ответственности, предполагающие существенно мягкие условия наказания —

дисциплинарная (ст. 59.1, 59.2, 59.3 федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5]) и административная. Существует и терминологическая проблема — злоупотребление служебным положением явно не соответствует злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации [6]). Кроме того, законодатель по-разному предусматривает объем дисциплинарной ответственности гражданских и муниципальных служащих [7]. Используемое в российском законодательстве понятие «должностное лицо», рассматриваемое как субъект коррупционных правонарушений, явно уже, чем регламентированное международными правовыми актами против коррупции.

В научной среде, в политической сфере, прежде всего в рамках рассмотрения проблематики противодействия коррупции в Государственной Думе ведется дискуссия о законодательном определении и обособлении в рамках Уголовного кодекса России преступлений коррупционной направленности. Это, на наш взгляд, говорит и о том, что коррупция вряд ли должна рассматриваться как отдельный состав преступления (об этом как раз свидетельствует используемая на практике характеристика «преступления коррупционной направленности»). Скорее всего, коррупция представляет собой аспект субъективной стороны преступления, что позволяет использовать более строгие, жесткие меры к преступнику в результате.

Поскольку деяния, рассматриваемые в рамках понятия «коррупция» могут быть совершены от имени или в интересах юридического лица, то возникает объективный вопрос: должна ли и каким образом быть регламентирована ответственность юридического лица за коррупционные правонарушения.

Международно-правовыми конвенциями устанавливается возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Статьей 26 Конвенции ООН против коррупции предусмотрено следующее [8]:

— каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии названной Конвенцией (п. 1);

— при условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственности юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной (п. 2);

— возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления (п. 3);

— каждое государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции (п. 4).

Возможность применения уголовной ответственности юридических лиц предусмотрена и Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 18) [9]. В России же уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления отсутствует, поскольку юридические лица не являются субъектами преступления. Вместе с тем многие ученые разделяют точку зрения о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц (к примеру, Б. В. Волженкин [10], А. В. Федоров [11]). Ответственность юридических лиц предусмотрена ст. 14 Федерального закона «О противодействии коррупции», согласно которой в случае, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством РФ. В соответствии с федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции» Кодекс об административных правонарушениях РФ был дополнен нормами, устанавливающими административную ответственность юридических лиц [12].

Необходимо отметить, что уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления предусмотрена законодательством многих государств мира (в основном этот институт введен в 1990—2000-е гг.).

Вопрос введения уголовной ответственности юридических лиц для государства имеет значение еще и в связи с вопросами международной правовой помощи по уголовным делам о коррупционных правонарушениях. Государства в максимально возможной степени должны сотрудничать друг с другом в проведении расследований и разбирательств, касающихся уголовных правонарушений, признанных в качестве таковых в соответствии с Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию. Статья 26 Конвенции предусматривает, что

государства обеспечивают незамедлительную обработку запросов, полученных от органов, которые в силу своего внутреннего права могут проводить расследования или судебное разбирательство по уголовным делам в связи с правонарушениями, признанными в качестве таковых в соответствии с названной Конвенцией. При этом рассматриваются и вопросы, связанные с банковской тайной.

Так как коррупционные правонарушения, совершенные юридическими лицами, не признаются уголовными преступлениями в Российской Федерации, на практике возникают сложности в решении вопросов международной правовой помощи в ходе их административного расследования, что затрудняет правовые возможности компетентных органов в противодействии данному явлению.

В качестве способа решения проблемы ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения в КоАП РФ была введена статья 19.28, предусматривающая административную ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Необходимо обратить внимание, что фактически противоправное деяние совершается физическим лицом (которое можно привлечь в связи с этим же деянием к уголовной ответственности), а к административной ответственности привлекается юридическое лицо. При этом поведение физического лица может быть не согласованным с органами управления юридического лица, оно (физическое лицо) может действовать, не уведомляя об этом юридическое лицо, в интересах которого оно действует, вопреки волеизъявлению органа юридического лица и даже ложно понимая интересы юридического лица, заблуждаясь относительно этого интереса.

Можно констатировать, что субъект данного правонарушения не совпадает с субъектом административной ответственности: деяние осуществляется физическим лицом, которое может как занимать какую-либо должность в юридическом лице или органе управления юридического лица, так и быть собственником (одним из собственников) юридического лица, иметь личную заинтересованность в делах юридического лица, не будучи формально связанным с ним. Такое деяние может быть реализовано вопреки интересам юридического лица с целью привлечения его к административной ответственности, причинения вреда деловой репутации.

Субъектом административной ответственности в данном случае выступает формально любое юридическое лицо, как российское, так и иностранное, имеющее любую организационно-правовую форму. Вместе с тем, возникает, как минимум две проблемы:

— как привлечь к административной ответственности иностранное юридическое лицо, которое может не иметь имущества на терри-

тории Российской Федерации, не осуществлять никакой деятельности на территории Российской Федерации, в том числе не иметь контрагентов на территории России?

— как привлечь к ответственности государственные органы, органы местного самоуправления, являющиеся юридическими лицами в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации? Известно, что общая направленность административно-правового воздействия, урегулированного нормами КоАП России и законодательством субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, фактически не связана с обявлением государственных или муниципальных органов нести административно-правовую ответственность. Это же касается государственных и муниципальных служащих (отдельные нормы об ответственности которых за нарушение порядка управления появились в последние годы, но являются явно несистематизированными).

Фактически ст. 19.28 КоАП РФ предусматривает возможность оказания дополнительного к уголовно-правовому воздействию на работника юридического лица административно-правового принуждения к самому юридическому лицу. Вместе с тем, Президиум Верховного Суда РФ постановил, что производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном данной статьей, в отношении юридического лица не должно связываться с производством по соответствующему уголовному делу в отношении должностного лица [13]. Несмотря на это, правоприменитель исходит из того, что событие правонарушения образует деяние физического лица в интересах привлекаемого к административной ответственности юридического лица.

Безусловно, требует разрешения проблема юридической связи между действиями физического и юридического лица, от имени и (или) в интересах которого передается незаконное вознаграждение. Важно понять, какова была цель физического лица — получение преимуществ для себя персонально либо для юридического лица, выступало ли физическое лицо от имени юридического лица, в интересах которого действовало?

Речь также может идти об освобождении от административной ответственности юридического лица, если органы управления юридического лица активно способствовали раскрытию и (или) расследованию деяния, совершенного заинтересованным физическим лицом. При оценке правовых возможностей освобождения юридического лица от административной ответственности, предусмотренной ст. 19.28 КоАП РФ, надо учитывать положения ст. 1.5 КоАП РФ, устанавливающей, что любое лицо, в том числе юридическое, подлежит административ-

ной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (принцип презумпции невиновности). Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъектов РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

В рамках антикоррупционного законодательства предусмотрены меры предупредительного характера, включающие:

- определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;
- сотрудничество организации с правоохранительными органами;
- разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;
- принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов.

Меры, предпринятые юридическим лицом по недопущению нарушения запрета, установленного ст. 19.28 КоАП РФ, могут квалифицироваться как принятие зависящих от юридического лица мер по соблюдению указанных правил и норм и должны учитываться судом при рассмотрении административных дел по указанной статье.

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации требует существенной доработки, как в отношении государственных и муниципальных служащих, так и в отношении иных физических лиц. Включение норм об ответственности юридических лиц должно соответствовать традициям российского законодательства, но и учитывать требования международных правовых актов, принятие которых инициировала Российская Федерация, либо к которым она присоединилась. Надлежащая имплементация норм международных правовых актов должна предполагать системное изменение законодательства. Объективно, что общая уголовно-правовая направленность мер по противодействию коррупции должна учитываться российским законодателем. Попытка использовать административно-правовые меры принуждения (в частности, ст 19.28 КоАП РФ), как и дисциплинарные коррупционные взыскания, явно противоречат антикоррупционной идеологии современного российского государства. Вместе с тем, введение уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные (и иные) преступ-

ления должно обеспечиваться разработкой теоретических положений о субъекте и субъективной стороне преступления. Без теоретического обоснования данных вопросов конструкция уголовной ответственности юридических лиц превратится в антиправовой механизм.

Список использованных источников

1. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815// Рос. газ. — 2008. — 22 мая.

2. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы: указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Рос. газ. — 2010. — 15 апр.

3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы: указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 15. — Ст. 1729.

4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Рос. газ. -2008. — 30 дек.

5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Рос. газ. — 2004. — 31 июля.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

7. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Рос. газ. — 2007. -7 мар.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 26. — Ст. 2780.

9. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.

10. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. — СПб., 1998. — 40 с.

11. Федоров А. В. О возможности и целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 5. — С. 3-10.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 196-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 31 дек.

13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.04.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 6.

Е. А. Карпова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ:
МИРОВОЙ ОПЫТ**

Во многом верно замечено, что становится актуальной тема обсуждения вопросов границы между уголовными преступлениями и административными правонарушениями и возможности введения уголовной ответственности для юридических лиц в мире. В России данная тема активно обсуждается как минимум последнюю четверть века, со времен разработки ещё проектов действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Заметим, что актуальность данной проблематики связана с усилением глобализации организованной преступной деятельности как в мире, так и в России.

При рассмотрении мирового опыта правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц в различных странах, заметно, что вопрос привлечения к уголовной ответственности юридических лиц решается по-разному. Нельзя не упомянуть вслед за многими авторами (Г. Смирновым, В. Панариной и др.), что на практике сложились три базовые модели.

Первая модель института уголовной ответственности юридических лиц основывается на традиционной конструкции уголовной ответственности юридических лиц, при которой юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления [2, С. 180—181]. Раскрывая основную суть данной модели, констатируем, что здесь юридические лица могут нести уголовную ответственность как самостоятельно, так и наряду с физическими лицами.

Первая модель характерна для правовых систем стран общего права (Англии, Шотландии, Ирландии, США, Канады, Австралии, государств — бывших английских колоний) и для стран, принадлежащих к романо-германской семье права (Австрии, Бельгии, Голландии, Люксембургу Португалии, Франции, стран — бывших французских колоний, Финляндии и др.). Институт уголовной ответственности в традиционном виде инкорпорирован и в правовые системы бывших республик СССР (Грузии, Литвы, Молдовы, Эстонии).

Тем не менее, признание юридического лица субъектом преступления не вполне соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности, которая заключается в осознанном субъективном отношении субъекта к деянию и его последствию.

Для юридических лиц в этом случае могут действовать уголовно-правовые запреты, предусмотренные для физических лиц, а также специальные нормы уголовной ответственности исключительно для юридических лиц.

Тем не менее, в английской судебной практике юридическое лицо привлекается к уголовной ответственности в качестве исполнителя преступления за деяния, совершаемые от его имени в пределах своей компетенции должностным лицом органа управления. Также в зависимости от обстоятельств дела оно может быть привлечено к ответственности в качестве пособника и даже организатора преступления.

Рассматривая американскую судебную практику, нельзя не согласиться, что случаи назначения юридическим лицам уголовного наказания не получили широкого распространения в связи с тем, что эти юридические лица стремились заключить сделку о признании вины и заплатить миллионные штрафы.

Раскрывая вторую модель уголовной ответственности юридических лиц, выделим следующие её особенности. Данная модель в большей мере учитывает принцип виновной ответственности лица за совершение преступления и основывается на признании физического лица единственно возможным субъектом преступления. В случае же участия юридического лица в преступлении, совершаемом физическим лицом в его интересах, юридическое лицо наряду с физическим лицом подвергается уголовно-правовому воздействию.

Вторая модель характерна для правовых систем таких стран, как Австрия, Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу, Турция, Швейцария. С учетом того, что юридическое лицо не рассматривается в качестве субъекта преступления, как правило, неблагоприятные уголовно-правовые последствия участия в преступлении относятся не к институту уголовно-правового наказания (которое несет только физическое лицо), а к иным мерам уголовно-правового воздействия.

Важную роль в обеспечении ответственности юридических лиц играет третья модель, которая предполагает административную ответственность юридических лиц за причастность к преступлению. Конечно, данную модель с определенной долей условности можно отнести к институту уголовной ответственности юридических лиц. Третья модель характерна для правовых систем таких стран, как Россия, Германия, Италия, Швеция.

Касааясь правовой системы России, отметим, что в настоящий момент нет уголовной ответственности юридического лица. Только лишь Кодекс об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность юридических лиц.

Анализ вышеприведенных мировых моделей института уголовной ответственности юридических лиц следует сфокусировать на рассмотрении следующих плюсов и минусов их непосредственного внедрения в правовую систему России.

Так, недостаток первой модели заключается в том, что признание юридического лица субъектом преступления не вполне соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности, суть которой — в целенаправленно осознанном (психическом) отношении субъекта к деянию и его последствию. Только при наличии вины содеянное приобретает реальную общественную опасность. Объективное вменение в соответствии с законодательством большинства стран запрещено, а организация, является некоей юридической фикцией — искусственной конструкцией и не обладает психикой. Этот вывод некоторым ученым дал основание утверждать, что юридическое лицо вообще не может нести какую-либо публично-правовую ответственность. Однако эта позиция не получила широкого распространения [2, С. 1—3].

Пожалуй, трудно не согласиться с тем, что юридическое лицо, как и любое другое объединение людей на основе общности интересов, имеет некую волю, стремится к достижению определенной цели. При этом деятельность людей, объединенных в организации, носит упорядоченный системный характер, потому и воля юридического лица имеет четкую и однозначную форму выражения.

Что касается второй модели, то говоря, например, о России, подчеркнем, что для её правовой системы наиболее предпочтительна именно эта модель, так как она позволяет эффективно бороться с преступностью юридических лиц без изменения действующей доктрины уголовного права, которая в большей степени, чем другие мировые уголовно-правовые системы, проникнута принципом личной виновной ответственности.

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Бастрыкина, который считает, что «для российской правовой системы наиболее предпочтительна именно вторая модель, так как она позволяет эффективно бороться с преступностью юридических лиц без изменения действующей доктрины уголовного права России, которое в большей степени, чем другие мировые уголовно-правовые системы проникнута принципом личной виновной ответственности» [1]. Так, в настоящий момент в России возвращаются к обсуждению данной темы. Весьма показательным является то, что по поручению Президента Российской Федерации Следственный

комитет Российской Федерации подготовил первый проект изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором предусмотрена возможность введения уголовной ответственности юридических лиц.

Критически рассматривая взгляды ученых мирового сообщества, отметим, что к недостатку третьей модели относится тот факт, что в указанных странах, где она применяется, в связи со значительным ростом совокупной преступности отмечается недостаточность административных санкций и всерьез обсуждается вопрос о переходе к первой или второй модели уголовной ответственности юридических лиц.

Краткий анализ трех основных вышеперечисленных мировых моделей уголовной ответственности юридических лиц, весьма показателен, что мировые стандарты противодействия преступности юридических лиц диктуют необходимость внедрения института ответственности юридических лиц за причастность к преступлению именно в уголовное законодательство, за причастность к определенным видам преступлений.

Убедительными доводами считаем актуальную и вполне приемлемую позицию вышеупомянутого автора А. И. Бастрыкина [1], который предлагает следующие меры: исключить из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях положения, предусматривающие ответственность юридических лиц за причастность к преступлениям (на начальном этапе за исключением налоговых преступлений), оставив в кодексе только положения об ответственности юридических лиц за административные правонарушения, и ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации институт мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Список использованных источников

1. Бастрыкин А. И. Удар в юридическое лицо. Криминальные фирмы надо судить по Уголовному кодексу // Рос. газ. — № 5436 (60). — 2011.

2. Панарина В. В. О мерах, применяемых к юридическим лицам в уголовном праве Венгрии: Материалы международной научно-практической конференции «Особенности теории и практики нормативно-правового регулирования общественных отношений и правоприменения в различных правовых семьях мира в призме использования их рационального опыта в правовой системе России, в том числе в системе МВД России». — 2011. — С. 180—181 [Электронный ресурс] // http://www.klimvd.ru/files/mejd_opit/Panarina.pdf (Дата обращения 10.02.2015).

3. Смирнов Г. Уголовная ответственность юридических лиц на подступах к России // ЭЖ-Юрист. 2011. — № 4. — С. 1—3.

И. В. Князева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ
И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ**

Государственная антимонопольная (конкурентная) политика охватывает широкий круг решений, направленных на развитие экономики, повышение конкурентоспособности продукции и услуг национальных производителей, обеспечение эффективной конкуренции. Реализация комплекса мер, направленных на организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе пресечение монополистических действий и недобросовестной конкуренции, недопущение ограничения конкуренции со стороны органов власти различных уровней, контроль и надзор за процессами концентрации на рынках, а также обеспечение условий для развития конкуренции составляют основу антимонопольного законодательства. Контрольно-надзорные функции и деятельность по исполнению и реализации Федерального закона ФЗ-135 от 26.07.2006 «О защите конкуренции» [1], Федерального закона ФЗ-38 от 13.03.2006 «О рекламе», Федерального закона ФЗ-147 от 17.08.1995 «О естественных монополиях».

Ответственность за нарушение антимонопольного законодательства должностные лица органов власти, коммерческие и некоммерческие организации или их руководители, а также физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, несут гражданско-правовую, административно-правовую и уголовно-правовую ответственность (ст. 178 УК РФ)

Привлечение этих лиц к ответственности не освобождает их от обязанности исполнить решение или предписание антимонопольного органа, представить ходатайство (уведомление) для рассмотрения или совершить предусмотренные антимонопольным законодательством действия.

Данные изменения позволяют обеспечить не только комплексную, но и действенную реализацию новых положений, включенных в Закон «О защите конкуренции».

В российском законодательстве предусмотрено 12 видов уголовных наказаний, три из них являются санкциями за преступления, связанные недопущением, ограничением или устранением конкуренции: штраф. Лишение свободы на определенный срок и лишение права занимать определенную должность или осуществлять определенную деятельность.

В соответствии со ст. 178 УК РФ от 27.07.2009 г. [2], предусматривается уголовная ответственность за действия в виде:

— заключение ограничивающих конкуренцию соглашений или осуществления ограничивающих конкуренцию согласованных действий;

— неоднократное злоупотребление доминированием, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольной цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок.

В примечании к ст. 178 УК РФ отмечено, что неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности [3].

Данный состав является материальным — для наступления уголовной ответственности за указанные действия необходимо причинение крупного ущерба гражданам, государству или организациям либо извлечение дохода в крупном размере.

В качестве специальных признаков состава преступления отсутствует прямое указание в статье на форму вины и мотивы преступления, однако в обязательном порядке должен быть доказан соответствующий умысел в данных деяниях, который может привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции [4].

Квалифицирующими признаками преступления являются деяния:

— совершенные лицом с использованием своего служебного положения;

— сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства;

— причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере [2].

При наличии и доказательстве всей совокупности данных признаков преступления предусматривается ответственность:

— либо штраф в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет,

— либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

— либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового.

Деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения с применением насилия или с угрозой его применения наказываются

— принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности

— или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет

— либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности

— или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет [2].

Важно отметить, что доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает пять миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере — двадцать пять миллионов рублей; крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей, а особо крупным ущербом — три миллиона рублей.

Законодатель предусмотрел для лица, совершившего данный вид преступления, освобождение от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате действий, предусмотренных настоящей статьей, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Однако данная программа недостаточно эффективна и не обеспечивает защиту лицам добровольно заявившим о нарушении.

Важно отметить, что за весь период существования ст. 178 УК РФ практика уголовного наказания не сложилась по разным причинам, в том числе неправильного ее толкования, которая не может быть исправлена без внесения в текст закона соответствующих изменений юридико-технического характера. Кроме того, экономическое преступление в виде даже неоднократного злоупотребления доминирую-

щим положением не является настолько опасным деянием, чтобы быть уголовно наказуемым.

Нередко злоупотребление не является умыслом или преднамеренным правонарушением, а осуществляется в связи с сложившимися экономическими условиями, структурой рынка и схемами размещения производительных сил в период централизованной системы управления. В целом, невысоки пороги материальных последствий в случае выявляемых нарушений, немало антимонопольных дел возбуждается в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства.

Соответственно в течение 2014 г. ФАС России разработала законопроект в целях совершенствования антимонопольного регулирования и повышения эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений. Также, в качестве важной задачи было изъятие из ст. 178 УК криминализационного восприятия неоднократного злоупотребления доминирующим положением.

Документом предусматривается внесение изменений в ч. 1 и п. 3 примечаний к статье 178 УК РФ. В частности, кратное увеличение порогов материальных последствий (в 10 раз), усиление роли ФАС России при возбуждении уголовного дела, совершенствование программы освобождения от уголовной ответственности (в частности, синхронизации программ в уголовном процессе и в антимонопольном органе).

Комиссия Правительства РФ по законопроектной деятельности одобрила внесенный ФАС России проект федерального закона, направленного на совершенствование антимонопольного регулирования и повышение эффективности предупреждения и пресечения картельных соглашений, сообщается на сайте Правительства РФ.

В результате изучения проекта федерального закона № 260190-6 «О внесении изменений в ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — законопроект) необходимо отметить следующие проблемные положения.

Действующая редакция статьи 178 УК РФ формирует восприятие перечисленных в ФЗ «О защите конкуренции» способов нарушения антимонопольного законодательства в виде картельного соглашения и неоднократного злоупотребления доминирующим положением не в качестве альтернативных, а в качестве обязательных в совокупности.

Из представленной статьи также неясно, что уголовному преследованию подлежат не сами по себе картельный сговор и неоднократное злоупотребление доминирующим положением, а только те которые повлекли к причинению ущерба или извлечение дохода в соответствующих размерах при, а лишь такие сговор и злоупотребление, ко-

которые привели к недопущению, устранению или ограничению конкуренции.

Признавая бесспорность абсолютных запретов на осуществление антиконкурентных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 10 и ч. 1 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции», следует обратить внимание на то, что этот закон в ст. 1 определяет правовые основы защиты конкуренции, направленные в том числе, на недопущение, ограничение, устранение конкуренции.

ФАС России в 2013 году было выдано 1500 предписаний по нарушениям ст. 10 и 354 предписания ст. 11 Закона о защите конкуренции. В случае принятия законопроекта в предложенной редакции количество возможных уголовных дел по статье 178 УК РФ может исчисляться тысячами. При этом, помимо административной ответственности, уголовному преследованию будут подвергаться в том числе лица, действия которых, хотя формально и являются антиконкурентными, но при этом не повлекли за собой реальных негативных последствий для конкуренции.

П. 3 примечаний к статье 178 УК РФ не определяет критерии и условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное указанной статьей. Однако, предлагаемое условие освобождения от ответственности при практическом его применении не достигнет желаемого результата, т. к. в существующих реалиях с учетом особенностей географии Российской Федерации, предполагающей наличие часовых зон, а также с учетом количества территориальных органов внутренних дел, установить кто именно из числа соучастников сообщил первым не представляется возможным.

Чрезвычайно важным является достижение синхронизации программ освобождения от ответственности в уголовном процессе и в антимонопольном органе. По мнению Я. Кулика, представляющего точку зрения Некоммерческого партнерства «Содействие развитию конкуренции», достаточное решение вопроса это случай, если программа освобождения от уголовной ответственности будет основываться (учитывать) действия хозяйствующего субъекта в рамках примечаний к ст. 14.32 КоАП РФ. В случае принятия решения о возбуждении уголовного дела на основании сообщения о преступлении, следователь, руководитель следственного органа не позднее трех суток с момента принятия решения направляет в антимонопольный орган копию такого сообщения с приложением соответствующих документов [5].

В отличие от действующей редакции примечания к ст. 178 УК РФ, законопроект предлагает определить некоторую очередность освобождения

дения от ответственности: освобождать от ответственности предлагается лицо, первым из числа соучастников добровольно сообщившим о преступлении, что соответствует европейской практике «Политики освобождения от ответственности».

В связи с тем, что возбуждение и ведение уголовных дел осуществляется соответствующим управлением МВД России, необходимо четко прописать роль ФАС при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Уголовное дело может быть возбуждено только на основании материалов, поступивших из ФАС России. В случае принятия решения о возбуждении уголовного дела на основании сообщения о преступлении, следователь, руководитель следственного органа не позднее трех суток с момента принятия решения направляет в антимонопольный орган копию такого сообщения с приложением соответствующих документов [5].

В заключение важно отметить, что после полутора лет подготовки поправок и изменений в ст. 178 УК РФ, многочисленных согласований и обоснований целесообразности необходимых изменений 30 января 2015 года Государственная Дума во втором чтении одобрила поправки в ст. 178 УК РФ. Начальник Правового управления ФАС России Сергей Пузыревский отметил, что «законопроект разработан ФАС России в целях совершенствования уголовной политики в сфере экономики. Подготовленные поправки в Уголовный кодекс детализируют, каким образом наступает ответственность за ограничение конкуренции на товарном рынке. Уголовная ответственность будет наступать для картелей, причиняющих существенный вред экономике» [6].

Изменения в статью 178 УК РФ устанавливают также и более высокий порог ущерба и дохода, что позволит исключить уголовную ответственность для субъектов малого предпринимательства. Кроме того, поправки отменяют преследование за неоднократное злоупотребление доминирующим положением.

Также законопроект уточняет описание состава преступления, предусмотренного 178 статьей УК РФ, конкретизирует порядок освобождения от уголовной ответственности лица, содействующего раскрытию такого преступления.

Таким образом, главное направление изменений — это уход от криминализации, с уголовным преследованием, действий имеющих характер злоупотребление доминирующим положением и усиление ответственности за антиконкурентные картели. Данная практика соответствует европейским и международным стандартам ответственности за антиконкурентные деяния.

Список использованных источников

1. О защите конкуренции: федеральный закон ФЗ-135 от 26.07.2006.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_31.html (Дата обращения 11.03.2015).
3. Князева И. В. Конкурентная политика России (учебное пособие). –5 -е изд. — М.: Издательство «Омега-Л», 2011. — С.206.
4. Конкурентное право России: учебник/Д. Алешин, И. Артемьев и др: М.: Изд-во «Высшая школа экономики», 2012. — С.373.
5. Кулик Я. Уголовная ответственность за антимонопольные преступления: предпосылки и содержание реформы // Материалы презентации конференции «Актуальные проблемы применения антимонопольного законодательства: взгляд регулятора, суда и экспертов» 30-31 января 2015 г., Пермь.
6. Малый бизнес освободят от уголовной ответственности. [Электронный ресурс] // http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_36236.html (Дата обращения 11.03.2015).

А. В. Корнилов

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, г. Новосибирск*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современный терроризм представляет собой масштабное общественно опасное явление, которое представляет угрозу миру и безопасности, осуществлению международного сотрудничества, сохранению территориальной целостности государств, эффективному функционированию политических, экономических и социальных институтов, осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина.

Россия проявляет обеспокоенность постоянным наличием реальных террористических угроз национальной безопасности. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года обращено внимание на необходимость объединения усилий всего международного сообщества, повышения эффективности имеющихся форм и методов борьбы с терроризмом, принятия безотлагательных мер по его нейтрализации [1].

Данные обстоятельства предопределяют формирование соответствующих потребностям времени законодательных и организационных основ противодействия терроризму. В России за период с 1999 по 2014 гг. в нормы о терроризме внесено свыше двадцати изменений и дополнений, направленных на оптимизацию борьбы с разными проявлениями террористической деятельности. Они коснулись и изменения названия ст. 205 УК России, и установления особо квалифицированного признака за угрозу взрывом на объектах повышенной опасности, а также появления новых составов преступлений, связанных с террористической деятельностью (ст. ст. 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵ УК России), нераспространением положений об исковой давности на требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, и ужесточения санкций.

Приступая к дальнейшему совершенствованию правовых мер по противодействию преступлениям террористической направленности нельзя обойти вопрос, касающийся субъектов данных преступлений.

Согласно УК России, субъектом преступлений террористической направленности является физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста уголовной ответственности. На основании применения принципа вины к уголовной ответственности могут быть привлечены только физические лица. Юридические лица (предприятия, учреждения, общественные организации) не могут быть субъектами преступления по существующему российскому уголовному законодательству, хотя в доктрине уголовного права не раз предлагалось ввести уголовную ответственность юридических лиц. Мнение о необходимости установления в Российской Федерации мер уголовно-правового воздействия в отношении коллективных образований разделяют и представители правоохранительных органов и законодательной власти. Так, Следственный комитет РФ подготовил и 18 февраля 2011 г. направил в администрацию Президента РФ проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» и примерно в то же время в Государственной Думе Федерального Собрания РФ обсуждался проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием противодействия преступлениям, совершаемым от имени и в интересах юридических лиц».

Что касается мировой практики, то тенденция к введению уголовной ответственности юридических лиц становится необратимой, что определено не только ростом корпоративной преступности повсеместно, но и требованиями многих международных правовых актов.

Вопросы уголовной ответственности юридических лиц стали предметом регулирования разных региональных международных организаций. В процессе совершенствования уголовного законодательства Российская Федерация в части регулирования ответственности коллективных образований может воспользоваться наработками этих международных организаций.

Так, Конвенция о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. (участницей которой является и Россия) устанавливает, что каждая сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться в соответствии с ее правовыми принципами, чтобы установить ответственность юридических лиц за участие в преступлениях, указанных в статьях 5—7 и 9 данной Конвенции. Ответственность юридических лиц может выступать как в форме гражданско-правовой, административно-правовой, так и уголовной ответственности. Выбор мер ответственности должен определяться с учетом принципов, установленных статьей

11 данной Конвенции, а именно должны применяться эффективные, соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие наказания. При этом в Конвенции особо подчеркивается, что применение мер ответственности к юридическим лицам не исключает уголовной ответственности физических лиц [2].

Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г., подписана РФ 26 января 2009 г. (до сих пор не ратифицирована РФ, должна заменить собой Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г., которая была подписана РФ 7 мая 1999 года, ратифицирована 2 августа 2001 года, и вступила в силу 1 декабря 2001 года), также непосредственно касается юридических лиц. Статьей 10 данной Конвенции предусматривается уголовная ответственность для юридических лиц за совершение предикатных преступлений. В частности, подчеркивается, что каждая страна-участница принимает законодательные и другие необходимые меры для обеспечения привлечения юридических лиц к ответственности за уголовные преступления по отмыванию денег, совершенные для их выгоды любым физическим лицом, действующим самостоятельно или как орган юридического лица, которое занимает главенствующую позицию в данном юридическом лице, основанную на:

- а) праве представительства данного юридического лица; или
- б) полномочиях принимать решения от имени данного юридического лица; или
- с) полномочиях осуществлять контроль в данном юридическом лице; а также могут быть привлечены такие физические лица в качестве соучастников в вышеуказанных преступлениях.

Кроме того, страной-участницей Конвенции также должны приниматься необходимые меры для того, чтобы гарантировать, что юридическое лицо может быть привлечено к ответственности, когда недостаток надзора или контроля со стороны физического лица сделали возможным совершение уголовных преступлений физическим лицом в рамках его полномочий для выгоды этого юридического лица.

Ответственность юридического лица не должна исключать уголовного преследования в отношении физических лиц, являющихся соучастниками таких преступлений.

Каждая страна-участница Конвенции гарантирует, что на юридических лиц, привлеченных к ответственности в соответствии с указанными нормами вышеизложенной статьи, должны быть наложены эф-

фактивные, пропорциональные и соразмерные уголовные или не уголовные санкции, включая денежные санкции [3].

В Конвенции против терроризма ШОС от 16 июня 2009 г. в статье 10 установлено, что страны-участницы Конвенции принимают необходимые законодательные и иные меры с учетом своих правовых принципов для того, чтобы не допускать на своей территории причастности юридических лиц к деяниям, являющимся хотя бы одним из преступлений, охватываемых Конвенцией.

При этом каждая Сторона принимает такие меры, какие могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за случаи их причастности хотя бы к одному из преступлений, указанных в Конвенции. Страны-участницы Конвенции обеспечивают применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности за причастность к преступлениям, охватываемым Конвенцией, в частности, таких мер как:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) конфискация имущества юридического лица;
- 4) приостановление деятельности юридического лица;
- 5) запрет на отдельные виды деятельности юридического лица;
- 6) ликвидация юридического лица.

Страны-участницы Конвенции ШОС принимают законодательные меры, позволяющие признавать юридическое лицо террористической организацией и ликвидировать его по решению суда или иного уполномоченного национальным законодательством органа, когда юридическим лицом осуществляется планирование, организация, подготовка и совершение деяний, образующих хотя бы одно из преступлений, охватываемых Конвенцией ШОС. Такие же меры могут быть приняты в случаях, если планирование, организация, подготовка и совершение преступлений, указанных Конвенцией, осуществляются лицом, контролирующим реализацию юридическим лицом его прав и обязанностей [4].

На данный момент Россия идет по пути применения административной ответственности к юридическим лицам за причастность к преступлению. В науке данная модель носит название «квазиуголовной ответственности юридических лиц». Так, например, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации предусмотрены санкции для юридических лиц за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ст. 15.27 КоАП России) и за оказание финансовой поддержки терроризму (ст. 15.27.1 КоАП России) [5].

Но возникает вопрос, насколько данные санкции эффективны, пропорциональны и соразмерны совершенному преступлению?

Рассматривая вопрос уголовной ответственности юридических лиц, следует обратить внимание на основания криминализации, выполнения требований социальной обусловленности к уголовному закону [6, С. 64].

Обусловленность необходимости законодательного закрепления уголовной ответственности за преступления террористической направленности юридических лиц и иных корпоративных образований заключается в том, что:

— корпоративные образования, являясь основой политической, социальной, экономической и правовой системы государства, способны совершать деяния, обладающие более высокой степенью общественной опасности, чем те же деяния, совершенные физическими лицами;

— юридические лица и иные корпоративные образования имеют значительные средства и ресурсы для налаживания связей с террористическими объединениями и организациями, содействия террористической деятельности, финансирования терроризма, легализации доходов, полученных преступным путем;

— корпорации часто препятствуют проведению расследований и привлечению к уголовной ответственности своих сотрудников, используя инструменты обеспечения лояльности, корпоративной солидарности и т. д. При уголовной ответственности юридических лиц такое исключается;

— сложная структура управления юридическим лицом нередко не позволяет установить лиц, виновных в совершении преступления и привлечь их к уголовной ответственности;

— административная и гражданско-правовая ответственность не соразмерны вреду, причиняемому общественным отношениям преступлениями террористической направленности. Уголовно-правовые средства борьбы будут наиболее эффективны в данном случае;

— на международном уровне государства оказывают правовую помощь в преследовании преступников часто только по уголовным делам, а неправомерная деятельность корпораций будет все более носить транснациональный характер [7, С. 14].

Кроме того, необходимо учесть, что институт уголовной ответственности юридических лиц и иных корпоративных образований увеличит эффективность решения задач и достижению целей, которые ставит перед собой государство в борьбе с терроризмом и будет способствовать наиболее полной реализации принципа неотвратимости ответственности.

Однако, у института уголовной ответственности юридических лиц немало и противников. Критики отмечают, что в России введение уголовной ответственности юридических лиц вступит в противоречие с действующими требованиями национального законодательства и традиционными уголовно-правовыми доктринами виновной ответственности и потому целесообразнее применять действующий институт административной ответственности [8, С. 20], кроме того, некоторые из них считают отсутствие уголовной ответственности для юридических лиц и корпоративных образований надуманной проблемой, поскольку все возможные санкции в отношении юридического лица уже предусмотрены административным законодательством [9, С. 46].

А. Э. Жалинский предлагал задуматься над тем, кого мы все-таки хотим наказать, ведь в случае наступления уголовной ответственности для юридического лица санкция будет распространяться, прежде всего, на работников этого предприятия, так как в результате такой санкции затрудняется осуществление деятельности юридическим лицом, что в результате влечет неблагоприятные последствия для работников в виде сокращения заработной платы или увольнений [10].

Для аргументации несостоятельности доводов противников уголовной ответственности юридических лиц, предлагаю обратиться к опыту зарубежных государств. Так, Франция, входя в континентальную систему права (как и Россия), тем не менее, имеет давние традиции уголовной ответственности юридических лиц. На сегодняшний день в соответствии со ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции юридические лица, за исключением государства, подлежат уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица. Вопрос вины также решен в Уголовном кодексе Франции: вина организации определяется, как вина ее руководителя или представителя, хотя проблема вины юридических лиц широко обсуждается в уголовно-правовой науке Франции и в настоящее время [6, С. 25].

Французское законодательство предусматривает применение в отношении юридических лиц следующих санкций:

— штраф (при этом максимальный размер штрафа, применяемого к юридическим лицам, равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренного для физических лиц);

— ликвидация юридического лица в случае, если оно было создано или если речь идет о совершении преступления или проступка, который подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок свыше пяти лет для физических лиц, отошло от цели своего создания для совершения вменяемых ему в вину действий;

— бессрочное или сроком не более пяти лет запрещение осуществлять прямо или косвенно один или несколько видов профессиональной или общественной деятельности;

— помещение под судебный надзор на срок до 5 лет;

— бессрочное или сроком до 5 лет закрытие всех заведений либо одного или нескольких из заведений предприятия, служивших совершению вменяемых в вину деяний;

— бессрочное или сроком до 5 лет исключение из участия в договорах, заключаемых от имени государства;

— бессрочное или сроком до 5 лет запрещение обращаться с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг;

— запрещение пускать в обращение чеки, иные, нежели те, которые позволяют получать средства векселедателем в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, которые удостоверены, или пользоваться кредитными карточками, сроком до 5 лет;

— конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния, или вещи, которая получена в результате преступного деяния;

— афиширование или распространение вынесенного приговора либо в печати, либо любым другим способом аудио-видеосообщения [11, С. 149—150].

Французский опыт закрепления уголовной ответственности для юридических лиц, в частности системы предусмотренных санкций для таких субъектов, может выступить серьезным помощником при конструировании института уголовной ответственности для юридических лиц в Российской Федерации.

Учитывая исключительную общественную опасность преступлений террористической направленности, вред, который они причиняют достаточно широкому кругу общественных отношений, дестабилизирующего влияния на протекающие в обществе процессы, а также роли и степени поддержки террористической деятельности, террористических объединений и организаций, которую в состоянии оказать юридические лица в виде перенаправления финансовых средств, налаживания связей с террористами, террористическими образованиями и объединениями, злоумышленного использования программ, финансируемых юридическими лицами, содействия вербовке, введения в заблуждение или создания фиктивных юридических лиц, считаю необходимым закрепить в УК России уголовную ответственность юридических лиц за преступления террористической направленности, внося соответствующие изменения в статьи Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Следует также отметить, что уголовная ответственность юридического лица не ограничивается только уголовно-правовыми мерами, репутационные и финансовые риски являются зачастую самым мощным наказанием из тех, что могут быть наложены на корпорацию [10, С. 12]. А сам факт привлечения к суду в уголовном порядке может привести к потере деловой репутации, что, в свою очередь, неизбежно обернется финансовыми потерями, чего не возможно добиться в рамках гражданского или административного процесса.

Введение уголовной ответственности для корпоративных образований является важным звеном в системе противодействия терроризму.

Список использованных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс (Дата обращения 11.03.2015).

2. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (СЕТС № 196) (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс (Дата обращения 11.03.2015).

3. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (СЕТС № 198) (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс (Дата обращения 11.03.2015).

4. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества от 16 июня 2009 года «Против терроризма» [Электронный ресурс] // СПС Гарант (Дата обращения 11.03.2015).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс (Дата обращения 11.03.2015).

6. Минин Р. В., Шеслер А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: монография. — Тюмень, 2012.

7. Антонова Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: Дисс. ... д-р юрид. наук: 12.00.08. — Владивосток, 2011.

8. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.

9. Головки Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс (Дата обращения 11.03.2015).

10. Круглый стол «Введение института уголовной ответственности юридических лиц: pro et contra». [Электронный ресурс]. // <http://pravo.hse.ru/news/37032680.html> (дата обращения: 07.02.2015).

11. Голованова Н. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование): монография / Н. А. Голованова, В. И. Лафитский, М. А. Цирина. — М.: Статут, 2013.

Е. А. Кравцова

*Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц имеет давнюю историю. В феодальной Европе уголовную ответственность мог нести почти каждый, включая животных и неодушевленные предметы. В частности, судили быков, поранивших людей; свиней, загрызших детей; саранчу, уничтожившую посевы; гусениц, повредивших плодовые деревья, и т. д. В 1474 году в Базеле к смертной казни путем сожжения был приговорен петух, обвинявшийся в том, что якобы снес яйцо, — это служило доказательством его связи с нечистой силой. В США в штате Вирджиния в 1969 году был вынесен смертный приговор псу, который загрыз барана. В России в 1593 году был осужден за государственное преступление церковный колокол, в который ударили при восстании народа в городе Угличе. «Мятежный» колокол был наказан кнутом и сослан в Сибирь в г. Тобольск. Во Франции последний процесс против крыс и мышей, повредивших хлебные поля, состоялся в 1710 году [1, С. 11]. Поэтому не возникало никаких формальных препятствий для привлечения к ответственности организаций. В частности, во Франции в XVI—XVIII вв. предусматривались уголовные наказания за преступления, совершенные корпорациями и общинами.

В Новое время в странах романо-германской правовой семьи прочно утвердился провозглашенный Великой французской революцией принцип личной ответственности виновного (хотя в самой Франции институт уголовной ответственности юридических лиц все же сохранился в рудиментарной форме).

Напротив, в странах общего права изначально отрицательное отношение к возложению уголовной ответственности на корпорации по мере развития капитализма стало меняться на противоположное. В Англии идея о том, что корпорация должна нести уголовную ответственность, получила признание с середины XIX в., когда суды стали выносить решения о признании корпораций виновными в нарушении статутных обязанностей. В 1909 году в США уголовная ответствен-

ность юридических лиц была признана конституционной Верховным судом страны [2].

Таким образом, изучение современного зарубежного законодательства приводит к выводу о том, что институт уголовной ответственности юридических лиц регламентирован в различных правовых системах. И если некоторое время назад корпорации признавались субъектами уголовной ответственности только в странах общей системы права, то сегодня многие страны, принадлежащие к континентальной правовой системе, также пришли к выводу о необходимости применения уголовно-правовых санкций к юридическим лицам.

Вопрос о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности с недавних пор стал актуален и в России.

В настоящее время согласно статье 19 Уголовного кодекса РФ субъектом преступления и уголовной ответственности может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее определенного законом возраста [3]. Данное положение в теории российского уголовного права является некой аксиомой. Тем не менее, это не значит, что уголовное законодательство не нуждается в совершенствовании. Однако, несмотря на опыт некоторых зарубежных стран, которые демонстрируют возможность и целесообразность уголовной ответственности юридических лиц, в Российской Федерации данный вопрос вызвал большой резонанс.

В российской научной литературе образовалось две противоположные точки зрения.

Такие авторы, как Н. Ф. Кузнецова, Н. Н. Полянский, М. И. Бажанов, Л. Д. Ермакова, Т. В. Кондрашова, Л. К. Савюк высказывают сомнение либо полностью отрицают необходимость подобного решения. Противники уголовной ответственности для юридических лиц в России приводят следующие аргументы: 1) усилить материальную ответственность за незаконную деятельность целесообразнее в рамках гражданского и административного права; 2) у юридического лица отсутствует физическая природа человека, поэтому оно не может быть лишено свободы либо подвергнуто аресту, а это основные действенные виды уголовных наказаний; 3) уголовная ответственность юридических лиц противоречит принципу личной виновной ответственности.

Другие авторы, такие, как С. Г. Келина, А. В. Наумов, А. С. Никифоров, Р. И. Михеев, А. Г. Корчагин, Е. Ю. Антонова оценивают законодательное урегулирование указанного вопроса как шаг в борьбе с преступностью.

Сторонники концепции юридического лица как субъекта преступления аргументируют свою позицию следующим: 1) в случае наруше-

ния общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством, гражданско-правовые и административные меры недопустимы, поскольку санкции других отраслей права не отражают фактическую степень общественной опасности деяний, совершаемых юридическими лицами; 2) юридическое лицо признается со стороны закона самостоятельным субъектом права, существующим независимо от физических лиц, поэтому оно может быть признано виновным в совершении отдельных видов преступлений и привлечено к уголовной ответственности; 3) уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности физических лиц, что в свою очередь сохраняет принцип личной виновной ответственности [4].

К сторонникам уголовной ответственности юридического лица присоединился и Следственный Комитет РФ. Так, в своем законопроекте федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», Следственный Комитет РФ предлагает дополнить раздел 6 УК РФ главой 15.2 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц» и выделяет следующие основания и условия применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера в статье 104.4:

«1. Основанием применения предусмотренных настоящей главой мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц является причастность юридического лица к преступлению.

2. Юридическое лицо причастно к преступлению в случаях:

а) совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство;

б) использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления.

3. Если иное не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, выполняющим управленческие функции в юридическом лице признается единоличный исполнительный орган (руководитель юридического лица), член коллегиального исполнительного органа, член совета директоров, а также иное лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее ор-

ганизационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице.

4. Лицом, осуществляющим фактическое руководство, признается физическое лицо, не занимающее должность в органе управления юридического лица и не наделенное в соответствии с законом, уставом, договором или на основании доверенности правом осуществлять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, однако фактически определяющее решения, принимаемые таким юридическим лицом в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо вследствие иных обстоятельств.

5. Совершенным в интересах юридического лица считается преступление, одним из мотивов которого было приобретение юридическим лицом выгод имущественного характера, в том числе получение прибыли (увеличение размера прибыли), избежание убытков (уменьшение размера убытков), уклонение от имущественной или иной предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности, приобретение имущественных прав либо освобождение от обязанностей имущественного характера» [5].

Также, Следственный Комитет РФ предложил виды мер уголовно-правового характера:

1. По решению суда причастному к преступлению юридическому лицу может быть назначена одна или несколько следующих мер уголовно-правового характера:

- а) предупреждение;
- б) штраф;
- в) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот;
- г) лишение права заниматься определенным видом деятельности;
- д) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации;
- е) принудительная ликвидация.

Однако, анализ проекта, разработанного Следственным Комитетом РФ, выявил его серьезные недоработки. Так, сама модель уголовной ответственности в отношении юридического лица является очень спорной, т. к. в соответствии с УК РФ наказание несет лицо, за совершение определенных противоправных действий, а какие конкретно противоправные действия может совершить юридическое лицо не понятно.

Уголовное право предусматривает ответственность физических лиц, в связи с наличием у них воли, мышления и психического отношения к содеянному.

В свою очередь у юридического лица не может быть описанных составляющих. Действия производятся системой, которая управляет данной организацией, т. е. по сути, физическими лицами. С точки зрения УК РФ осудить организацию не представляется возможным, т. к. есть ответственное лицо, которое отвечает за деятельность организации, ведет контроль, а значит, и отвечать за нарушения законодательства должно именно физическое лицо, но никак не организация.

В данном случае юридическое лицо несет административную ответственность, например, в виде штрафа, предупреждения, лишения лицензии, квоты, преференций и льгот, лишения права заниматься определенным видом деятельности, запрета осуществления деятельности на территории России, принудительной ликвидации. Перечисленные виды ответственности Следственный Комитет РФ отнес к уголовному наказанию юридического лица. Однако данное предложение противоречит самому принципу уголовного наказания.

Кроме того, порядок исполнения наказания в законопроекте не прописан.

Необходимо отметить, что мера ответственности в виде принудительной ликвидации юридического лица на практике не будет эффективной, т. к. после ликвидации экс-руководитель может открыть новое юридическое лицо, и, управляя им, вновь нарушить закон.

Так, по мнению практикующего юриста Владимира Юрасова: «в контексте введения уголовной ответственности организации, более разумным представляется, определить конкретное физическое лицо, которое будет отвечать за противоправные действия, совершенные от имени юридического лица. Такими лицами могут быть главный бухгалтер и генеральный директор, в то время как юридическое лицо не может в принципе совершить никаких действий» [6].

Более того, целесообразнее конкретизировать и разграничить ответственность между юридическими и физическими лицами, сделав ее солидарной. Интересным представляется опыт Франции. Так, возможна ликвидация для юридического лица — в случаях, когда организация отклонилась от объявленной цели своей деятельности для совершения преступного деяния, когда речь идет о совершении преступления или проступка, за которое физическое лицо подлежит наказанию в виде тюремного заключения на определенный срок. В таком случае, будет наказано как лицо, которое совершило преступление, так и сама организация, которой лицо управляло.

Нельзя не отметить, что предложенный законопроект в текущей редакции способствует тому, что руководитель организации, бухгалтер, или другое лицо, отвечающее за ее деятельность, ограждаются от

ответственности. В результате такие лица, совершая от имени организации действие, нарушающее закон, ответственности не несут, потому, что отвечать за противоправные действия будет сама организация.

Изучив опыт зарубежных стран, проанализировав российское законодательство, мы пришли к выводам, что российская наука и практика не полностью готова к введению уголовной ответственности юридических лиц. Административное законодательство позволяет бороться с правонарушениями юридических лиц вполне эффективно, а для профилактики преступлений, совершаемых юридическими лицами, достаточно существующих мер административного, налогового, таможенного законодательства. Если требуется усилить ответственность юридических лиц, а ее действительно следует ужесточить, то это вполне можно осуществить в рамках гражданского, хозяйственного, финансового права. Кроме того, введение уголовной ответственности юридических лиц противоречит краеугольным принципам уголовного права и потребует колоссальной переработки его базовых положений.

Список использованных источников

1. Хвориков В. Уголовная ответственность для юридических лиц // Бухгалтерия. — 2011. — 17 мая.

2. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве [Электронный ресурс] http://zazakon.ru/pravovaya_informaciya (Дата обращения 11.03.2015).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

4. Уголовная ответственность юридических лиц: Опыт зарубежных стран и перспективы применения в России / В. А. Широков. [Электронный ресурс] Электронный каталог библиотеки юридического факультета СПбГУ: <http://law.edu.ru/doc> (Дата обращения 11.03.2015).

5. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект закона [Электронный ресурс] <http://sledcom.ru> (Дата обращения 11.03.2015).

6. Юрасов В. Анализ законопроекта Следственного комитета РФ об уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] <http://www.clj.ru> (Дата обращения 11.03.2015).

В. И. Крупницкая

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПУСТИМОСТИ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Вопрос о целесообразности введения института уголовной ответственности юридических лиц в России обсуждается на протяжении пары десятилетий. В 2011 г. Следственным комитетом Российской Федерации был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». В данном контексте следует четко обозначить и разделить два разноплановых явления: речь идет об уголовной ответственности юридического лица (с вытекающей проблемой соотношения с принципом вины) или уголовном преследовании юридического лица как меры уголовно-правового характера (как следует из смысла указанного законопроекта).

Сама идея публичной ответственности коллективных образований не новая. Так, в «Русской правде» предусматривалась коллективная ответственность общины, в частности, за убийство, совершенное на территории общины, когда убийца не был известен или община не хотела его выдавать, определялся штраф. Правда позднее, в отечественном законодательстве, за некоторыми исключениями не предусматривалась коллективная уголовная ответственность [1]. Большинство отечественных правоведов отрицали возможность уголовной ответственности юридических лиц. Так, Н. С. Таганцев полагал, что вопрос о возможности уголовной ответственности юридических лиц вносит неопределенность и произвол в решение установления объема и условий такой наказуемости [2]. В советский период вопрос об уголовной ответственности юридических лиц не поднимался, так как доминирующая тогда плановая экономика не требовала разрешения подобных вопросов.

Представляется, что общественные реалии того времени не требовали подобного правового регулирования, так как в экономических отношениях того времени не наблюдалась концентрация крупных

частных капиталов, и, в силу этого, не было надобности введения подобной ответственности. Тем не менее, с экономическим развитием страны и возникновением естественной потребности «объединять» капитал и усилия для экономической деятельности, меняется и теоретический взгляд на сущность юридического лица. Так, при обсуждении проекта Уголовного кодекса РФ в 1994—1996 г. г. высказывались предложения об уголовной ответственности юридических лиц в основе лежала «теория отождествления». Однако, подобные мнения при принятии Уголовного кодекса РФ тогда восприняты не были.

В зарубежном законодательстве в некоторых странах предусматривается уголовная ответственность юридических лиц. Ее введение было связано с поиском решений эффективного правового регулирования деятельности крупного частного капитала в XIX веке. В Великобритании, стране семьи классического общего права, в 1842 г. Судом королевской скамьи корпорация была обвинена в нарушении обязанности, налагаемой на неё правом [3]. Тогда английские суды при принятии решений стали руководствоваться теорией «замещающей ответственности». В настоящее время она применяется в ограниченных пределах.

Во Франции, стране континентальной правовой семьи, в настоящее время юридические лица несут уголовную ответственность за все уголовные правонарушения, предусмотренные УК Франции, за исключением тех, которые они не могут совершить по своей природе.

Однако, не все страны ввели уголовную ответственность для юридических лиц. Так, в Германии, Италии, Швеции не предусматривается ответственность для юридических лиц, однако есть административная ответственность за так называемую причастность к преступлению.

Безусловно, зарубежный опыт принятия уголовной ответственности для юридических лиц является полезным для нас, так как позволяет корректировать собственную законодательную и правоприменительную практику, исходя из уже сделанного за рубежом анализа. Ссылаясь на опыт зарубежных стран, некоторые авторы отмечают, что в большинстве зарубежных стран, где существует институт уголовной ответственности юридических лиц нет административного права, соответственно нет и возможности применения административных санкций к юридическому лицу. Следовательно, в этих странах описываемая норма введена в понятие уголовного наказания. Так, С. С. Арбузов и С. П. Кубанцев пишут: «Разработанный и используемый в России институт административной ответственности отсутствует как в странах общего права (Великобритания, США и др.), так и в странах, отно-

симых к континентальной семье права (Бельгия, Нидерланды, Франция, Швейцария и др.), где уже существует уголовная ответственность юридических лиц. То, что в России именуется административной ответственностью, там относится к так называемому малому уголовному праву или к уголовной ответственности за незначительные преступления и т. п. Поэтому публично-правовое воздействие на юридических лиц, совершивших преступления (правонарушения), в таких условиях возможно лишь в рамках уголовно-правовых мер».[4]

В контексте введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо обратиться к области регулирования гражданских правоотношений и обратить внимание на понимание самой конструкции юридического лица для того, чтобы соотнести возможность уголовной ответственности юридических лиц с принципом вины в уголовном праве. Представляется, что юридическое лицо, хотя и выступает в гражданских правоотношениях самостоятельным субъектом, тем не менее не может действовать без воли конкретных людей. Кроме того, признание юридического лица субъектом преступления не соответствует отечественной традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности, которая заключается в осознанном психическом отношении лица к деянию и его последствию. Только при наличии вины содеянное приобретает реальную общественную опасность. Объективное вменение в соответствии с законодательством не только отечественным, но и большинства стран запрещено. Возникает вопрос о возможности говорить о подобном осознании со стороны такой абстрактной конструкции как юридическое лицо. В гражданском праве выделяют две основные теории: реальности юридического лица и фикции юридического лица. В соответствии с первой теорией, юридическое лицо представляет собой союзную личность, реальное лицо с собственными органами и волей. Другая же теория, которой придерживается большая часть российских ученых, заключается в том, что юридическое лицо есть не что иное, как искусственно созданный субъект права, обладающий имущественной правоспособностью, но не обладающий дееспособностью [5].

В этом смысле определенный интерес представляет зародившаяся в США доктрина, называемая *alter ego*, в соответствии с которой корпорация рассматривается как «продолжение личности» ее участников. У нас подобная модель вины юридического лица реализована в настоящее время в налоговом законодательстве.

Однако, в соответствии с законодательной формулировкой самого принципа вины в УК РФ говорить о возможности уголовной ответственности юридического лица невозможно без изменения смысла и

содержания указанного принципа. В данном контексте логичнее обратиться к пониманию уголовного преследования юридического лица как меры уголовно-правового характера. Разработчики законопроекта, представленного Следственным комитетом РФ, обосновывают необходимость привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, как требование времени, реалий общественных отношений, требующих действенный механизм противодействия рэкету, «фирмам-однодневкам», экологической преступности и пр. Не вдаваясь в анализ криминологического обоснования введения жесткой ответственности для юридических лиц, следует определиться с целями, для чего это необходимо. В отечественном законодательстве предусматривается административная ответственность юридических лиц за причастность к совершению преступлений, однако, анализ правоприменительной практики показал единичные случаи привлечения юридических лиц к административной ответственности, в частности, например, по ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица». Кроме того, серьезных исследований по вопросу неэффективности либо наличие проблем привлечения к административной ответственности по статьям за причастность к преступлениям юридических лиц, не проводились.

Обращаясь к вопросу об уголовном преследовании юридических лиц, невозможно не затронуть и процессуальные аспекты его допустимости. Полный спектр исследований возможности в рамках действующего УПК РФ с возможными изменениями его, не представляется провести в рамках настоящей работы. Поэтому остановимся только на критических замечаниях существующего упомянутого законопроекта, предложенного Следственным комитетом РФ.

В целом, не затрагивая сам вопрос о целесообразности уголовном преследования юридических лиц, законопроект нельзя назвать нелогичным. Однако, в процессуальном аспекте следует обозначить следующие проблемы, связанные с введением уголовного преследования юридических лиц в качестве меры уголовно-правового характера.

Разработчики предлагают изменить формулировки ст. 5 УПК РФ и сформулировать понятие обвинение как: а) пункт 22 изложить в следующей редакции: «22) обвинение — утверждение о совершении определенным физическим лицом деяния, запрещенного уголовным законом, а также о причастности определенного юридического лица к преступлению, выдвинутые в порядке, установленном настоящим Кодексом;»

В ст.5 УПК РФ дается понятие уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в це-

лях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Получается, что юридическое лицо является подозреваемым и обвиняемым, последние по общему смыслу уголовно-процессуального законодательства могут быть только субъекты преступления. Таким образом, происходит подмена понятий и определенное лукавство. Говоря о том, что субъектами преступления может быть только физическое лицо, а юридические лица — только субъектом причастности, и подвергнуться не наказанию, а мерам уголовно-правового характера, мы все же сводим юридическое лицо на уровень субъекта преступления с пониманием судимости лица.

Далее, мы в обход конституционному принципу равенства всех перед законом и судом заведомо ставим руководителей юридических лиц различной организационно-правовой формы в неравное положение. Одно дело, когда руководитель коммерческой фирмы подкупает руководителя государственного или муниципального органа для выгодоприобретения по государственному закупкам. Другое дело, когда руководитель государственного или муниципального органа совершает нецелевое расходование бюджетных средств, экологическое преступление (когда приносится большой ущерб окружающей среде) и данное юридическое лицо не может быть в соответствии с законопроектом быть привлечено к мерам уголовно-правового характера. Конечно, привлечение к подобным мерам государственный или муниципальный орган было бы совершенной нелепицей, но принцип равенства никто не отменял.

По смыслу законопроекта в следственных действиях участвует представитель юридического лица. Опять это конкретный субъект со своей волей, своим сознанием, своей правовой культурой и менталитетом, он же выражает официальную позицию юридического лица, которую предлагается включить в перечень источников доказательств. Соответственно, не исключены случаи, когда его воля и позиция не совпадают с позицией работников, других руководителей, учредителей. И тогда какую позицию мы будем считать основной позицией и отталкиваться от нее при оценке всей совокупности?

Вызывает сомнение следующий момент законопроекта: «Признав доказанным, что преступление имело место, к нему причастно именно подсудимое юридическое лицо и что оно подлежит уголовно-правовому воздействию, суд с назначает подсудимому юридическому лицу одну или несколько мер уголовно-правового характера, о чем выносит постановление о назначении юридическому лицу мер уголовно-правового характера. А в случае, если физическое лицо (обвиняемый или подозреваемый) было освобождено от уголовной ответствен-

ности, в случае примирения с потерпевшим, (это предусматривает и законопроект) следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении примирившегося с потерпевшим подозреваемого или обвиняемого без прекращения уголовного дела. То есть субъект преступления- физическое лицо уже освобождено от уголовной ответственности, а в суде надо же доказывать событие преступления?

Подобных конкретных вопросов возникает множество, кроме того, практика применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера, оставляет желать лучшего. Соответственно, насколько целесообразно вводить еще одну меру уголовно-правового характера, если существуют проблемы в применении уже имеющейся.

Таким образом, в рамках конструктивной критики, возможно следует сначала изучить административную практику п/ответственности за причастность юридических лиц к преступлениям, провести серьезные исследования на предмет эффективности, целесообразности, модернизации, и тогда решать вопрос об уголовной ответственности или же об уголовном преследовании юридических лиц. Следует также понимать, что введение подобного института потребует переосмысления классически сложившихся представлений о природе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений, дальнейшего обсуждения законопроекта.

Список использованных источников

1. Смирнов Н. Н. О юридическом лице как субъекте ответственности в истории права Российского государства // История государства и права. — 2012. — № 5.

2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Часть Общая Т. I. — СПб., 1902. — С. 370—371.

3. Есаков Г. А. Уголовная ответственность юридических лиц за убийство по английскому и шотландскому уголовному праву // *Lex Russica*. Научные труды МГЮА. — М.: Изд-во МГЮА, 2005. — № 1. — С. 142—163.

4. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] // Журнал российского права. — 2012. — № 10. СПС Гарант (Дата обращения 11.03.2015).

5. Рубеко Г. Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. — Москва: Статут, 2007. — 192 с. — С. 3.

Н. Ю. Лебедев

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРАВОВАЯ ИЛЛЮЗИЯ
ИЛИ НАЗРЕВШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?**

Проблематика возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности не является новой. Данный вопрос неоднократно подымался среди учёных юристов различных отраслей права [8, С. 157—160.].

Как отмечает Б. В. Волженин, данная проблема являлась одной из наиболее острых и обсуждаемых в период проведения уголовно-правовой реформы в России и ряде других государств, образовавшихся после распада СССР. В ходе дискуссии определились позиции как активных сторонников положительного решения вопроса о введении уголовной ответственности для юридических лиц, так и не менее категоричных противников этой идеи [1].

Так, А. С. Никифоров в 1994 году отмечал, что принципиальными основаниями признания за организацией статуса субъекта преступления являются специфичные в таких случаях причинная связь и вина. Организация делегирует своему управляющему органу принятие и исполнение стратегических и оперативных решений, такие решения и основанное на них поведение по своей юридической сути являются решениями и поведением организации, соответственно, именно организация и должна нести юридическую ответственность [2, С. 65].

В настоящее время возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности активно лоббируется Следственным Комитетом Российской Федерации. Глава Следственного Комитета Российской Федерации Александр Бастрыкин предложил законопроект, предусматривающий уголовную ответственность в отношении юридических лиц. Уголовная ответственность для организаций расширит возможности правоохранительных органов в оперативности сбора необходимой информации, пояснил Бастрыкин [3].

Такой же позиции придерживается Г. Смирнов, который утверждает, что уголовная ответственность юридических лиц соответствует передовой мировой практике правового регулирования противодей-

ствия преступности корпораций [4], и приводит пример, что в частности, этот вид ответственности существует во всех странах общего (англо-американского) права, в том числе в Англии, Шотландии, Ирландии, США, Канаде, Австралии, государствах — бывших английских колониях.

В странах континентального права уголовная ответственность юридических лиц введена в Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Дании, Израиле, Исландии, Канаде, Люксембурге, Мальте, Македонии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Португалии, Румынии, Словении, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Швейцарии.

Институт уголовной ответственности юридических лиц известен также правовым системам мусульманского права (Албания, Иордания, Ливан, Сирия) и социалистического права (Китайская Народная Республика) [4].

В своей работе Роман Викторович Минин, обобщив взгляды нескольких сторонников уголовной ответственности организаций, представил их в виде тезисов [5]:

1. Преступная деятельность юридических лиц приобретает в России все большие масштабы.

2. Ущерб от общественно опасных деяний организаций значительно превышает последствия подобных действий физических лиц.

3. Санкции административного, налогового, финансового права не соответствуют характеру и степени преступного деяния юридического лица.

4. Привлечение к уголовной ответственности руководителей юридических лиц за преступления, совершенные организацией, по существу, связано с объективным вменением, поскольку преступная деятельность, например, по загрязнению окружающей среды, длится годами, а привлекают к уголовной ответственности того руководителя, при котором произошла катастрофа.

5. В тех случаях, когда преступное решение принимается большинством голосов членов коллегиального управленческого органа юридического лица, да еще и при тайном голосовании, привлечь к уголовной ответственности никого невозможно. Это противоречит принципу неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление.

6. Смысл уголовной ответственности организаций заключается в государственном осуждении и порицании юридического лица, совершившего преступление, которое (осуждение) в условиях рыночной экономики приобретает экономическое значение (снижается стоимость акций, подрывается деловая репутация и т. д.).

Таким образом, по мнению Р. В. Минина, введение института уголовной ответственности юридических лиц в уголовное право России представляется обоснованным.

В противовес представленным позициям, С. С. Арбузов и С. П. Кубанцев справедливо утверждают применение мер уголовно-правового характера к юридическому лицу должно быть обусловлено той или иной формой вины в отношении инкриминируемого деяния. Однако способностью осознать и контролировать свои действия обладает только человек. Получается, что согласно законопроекту, юридическое лицо будет претерпевать негативные последствия уголовно-правового характера за действия другого (физического) лица. И здесь еще один камень преткновения — соблюдение принципа личной уголовной ответственности, предполагающего, что лицо не должно отвечать за поступки, совершенные другими лицами [6]. В продолжение они подчёркивают: «Становится очевидным, что предложение по введению уголовной ответственности юридических лиц носят поверхностный характер, игнорируют существующую доктрину уголовного права и в случае их реализации способны дезорганизовать систему уголовного судопроизводства и стать дополнительным источником коррумпированности правоохранительных и иных государственных органов» [6].

Представим свой взгляд на поставленную проблему с позиции уголовного судопроизводства.

Уголовное судопроизводство охватывает деятельность большого количества различных физических и юридических лиц. Но трудно представить возможность совершения преступления юридическим лицом, например, ООО или ЗАО. Можно ли представить, что учредители общества с ограниченной ответственностью «Честные пацаны» решили заняться предпринимательской деятельностью, а само ООО без их ведома стало осуществлять какие-то противозаконные действия, не входящие в их планы?!

В своё время (в 2003 году) мне рассказали историю, которая произошла в республике Горный Алтай. На одном из городских праздников в толпу отдыхающих верхом на лошади врывается нетрезвый наездник и угрожает причинить серьёзный вред отдыхающим. Сотрудники (в то время) милиции пресекли действия дебошира и изолировали его для отрезвления, но через некоторое время появилась группа горно-алтайцев, требующих освободить задержанного, они утверждали, что во всём виновата лошадь, которая нарушала общественный порядок, и это её нужно задержать и привлечь к ответственности, а их товарищ ни в чём не виноват.

Так вот не пытаемся ли мы из юридического лица сделать если не «лошадь», то «козла отпущения»?!

Если вернуться к уголовному судопроизводству, то необходимо отметить, что процедура привлечения лица к уголовной ответственности и осуществления уголовного преследования в отношении него — не одно и то же. Уголовное преследование представляет собой довольно сложный и ответственный момент в деятельности следователя [9, С. 220—225], а механизм реализации норм данного уголовно-процессуального института требует достаточно серьёзной подготовки.

Отметим некоторые из них: предоставление права на защитника; разъяснение содержания статьи 51 Конституции РФ; объявление и разъяснение содержания самого подозрения или обвинения, а также иных прав обвиняемого (подозреваемого) — так кому следователь будет разъяснять данные и другие права?

Кроме того, согласно УПК РФ, после предъявления обвинения лицо должно быть допрошено в качестве обвиняемого, и первый вопрос который должен задать следователь: «Согласен ли обвиняемый давать показания? Если согласен, то признаёт ли себя виновным?». Кто будет отвечать на данные вопросы?

Можно продолжать ставить вопросы с точки зрения уголовного процесса, на которые вряд ли найдутся ответы.

Можно ли возбудить уголовное дело в отношении юридического лица, если да, то станет ли оно в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 45 УПК РФ подозреваемым?

Какой статус будут иметь сотрудники юридического лица — обвиняемого/подозреваемого в совершении преступления?

Будут ли сотрудники считаться причастными к совершению преступления?

Может ли юридическое лицо совершить преступление в соучастии с другим юридическим или физическим лицом?

Если да, то можно ли будет с ним заключить досудебное соглашение о сотрудничестве?

Особенно много вопросов может возникнуть при реализации норм Главы 18 «Реабилитация» УПК РФ [7, С. 49-51], а именно — если уголовное дело будет прекращено по реабилитирующим основаниям кто получит право предъявить требования о реабилитации — восстановление доброго имени (деловой репутации)?

Кто подсчитает убытки от упущенной выгоды в связи с незаключёнными контрактами?

Подлежит ли восстановлению доброе имя и деловая репутация сотрудников юридического лица?

Если в связи с незаконным уголовным преследованием юридическое лицо обанкротилось — кто будет возмещать многомиллионные убытки?

Подводя итог, можно с уверенностью сделать вывод, что любые законодательные предложения о внесении изменений в нормы Уголовного кодекса Российской Федерации должны проходить обсуждение и согласование с участием специалистов в области уголовного судопроизводства, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Если даже, казалось бы, отработанные механизмы осуществления уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности физических лиц, дают определённые «сбои» при их реализации, и требуют периодического вмешательства разъяснений Пленума Верховного Суда, то такое серьёзное предложение со стороны представителей уголовного права, как закрепление в УК РФ возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, требует тщательной проработки и разработки соответствующих правовых институтов во взаимосвязи с различными отраслями права — уголовно-процессуальном, оперативно-розыскном, административном и гражданском праве.

Список использованных источников

1. Волженин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Интернет журнал Ассоциации юристов Приморья «Закон» / [Электронный ресурс] http://law.vl.ru/analit/show_a.php?id=217&pub_name=%D3%CE%CB%CE%CD%DF+%CE%D2%CE%D1%D2%CE%CD%CE%D1%D2%DC+%DE%D0%CE%CD (дата обращения 09.02.15г.)

2. Никифоров А. С. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. — 1994. — № 6. — С. 65.

3. Уголовная ответственность для юридических лиц // [Электронный ресурс] <http://www.buhgalteria.ru/article/n47678> (дата обращения 09.02.15 г.).

4. Смирнов Г. Проект закона Следственного комитета РФ об уголовной ответственности юридических лиц // [Электронный ресурс] <http://zakon.ru/Blogs/OneBlog/2975> (дата обращения 09.02.15 г.)

5. Минин Р. В. Проблемы формирования института уголовной ответственности юридических лиц в России // [Электронный ресурс] <http://anatolysidorov.ru/institut-ugolovnoj-otvetstvennosti-yuridicheskix-lic.html> (дата обращения 09.02.15 г.)

6. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // [Элек-

тронный ресурс] <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4035> (дата обращения 09.02.15 г.)

7. Лебедев Н. Ю. Несовершенство процедуры частичной реабилитации в уголовном процессе как причина возникновения конфликтов // Сборник материалов криминалистических чтений / под ред. Ю. Л. Бойко. — Барнаул: Барнаульский Юридический институт МВД России, 2012. — С. 49—51.

8. Гумеров Г. Г. О необходимости реформирования досудебного производства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. — № 1. — С. 157—160.

9. Стукалин В. Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для её проведения // Общество и право. — 2010. — № 1. — С. 220—225.

А. В. Макаров, А. С. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

**ВОПРОСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ**

В современной юридической науке справедливо отмечается, что международным и национальным опытом доказана невозможность противостояния коррупции путем осуществления отдельных, разрозненных, фрагментарных мероприятий на различных направлениях. Снизить ее уровень можно лишь реализовав целостную систему последовательных мер на ключевых направлениях [7].

Коррупция, будучи сложным социальным явлением, обладает повышенным «иммунитетом» к традиционным методам противодействия [6].

Необходимо учесть, что в Индексе Восприятия Коррупции в 2013 году (ИВК) Россия набрала 2,8 баллов и заняла 133 место из 176 возможных (в 2012 г. -143 место с индексом 2,4 балла).

Зарубежные авторы также отмечают, что коррупция приобретает многонациональный и устойчивый характер преступного «поведения».

В этом контексте можно отметить высказывание Stessens G.: «На международном уровне государства оказывают правовую помощь друг другу в преследовании преступников часто только по уголовным делам, а неправомерная деятельность корпораций будет все более носить транснациональный характер» [10].

Изложенное подтверждает необходимость рассмотрения вопросов имплементации международных антикоррупционных норм в российской законодательство и важность вопроса введения коллективной уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

Законодательным достижением России сегодня следует назвать Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Но, как верно отмечает Л. В. Иногамова — Хегай, в ФЗ № 273 нет четкого определения коррупции, а представлен перечень преступных коррупционных деяний. Аналогичный подход по перечислению коррупционных преступлений имеется в Конвенции ООН против коррупции, в статьях 15-25 которой закреплены признаки корруп-

ционных преступлений. В действующем УК РФ преступления, имеющие коррупционный характер, рассредоточены по разным главам, а термины «коррупция, коррупционные связи, коррупционные акты, коррупционное поведение» вообще отсутствуют.

В этом контексте, следует процитировать Л. В. Иногамову — Хейгай: «Захлестнувшая страну коррупция потребовала особого внимания к защите государства, общества и граждан от этого злостного преступления, о чем свидетельствует ряд принятых федеральных законов» [3].

Отметим, что место, которое отводится международным договорам, включая антикоррупционные конвенции, в национальной правовой системе является фактором, который может способствовать реализации международных договорных обязательств, в том числе вытекающих из таких конвенций, либо осложнять ее.

Если международные договоры включаются в национальную правовую систему в качестве составной ее части, возникает необходимость определить положение, которое они занимают в этой системе. Иерархическая система источников внутригосударственного права располагает эти источники в зависимости от юридической силы акта в соответствии с установленным конституцией распределением компетенции между органами государственной власти. Положение международных договоров в этой иерархии обычно зависит от уровня, на котором приняты решения о согласии на их обязательность для государства, т. е. статус международного договора либо соответствует статусу внутригосударственного правового акта, посредством которого договор инкорпорируется во внутригосударственное право, либо международному договору придается приоритет в применении перед актами, равными по юридической силе с актом, посредством которого договор инкорпорирован во внутригосударственное право, и всеми нижестоящими актами.

При этом важно, что не все положения международных договоров являются конкретными по отношению к субъектам национального права. И часть положений международных антикоррупционных конвенций относятся к несомоисполнимым. Согласно пункту 3 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», для осуществления таких положений принимаются соответствующие правовые акты.

В Российской Федерации в целях выполнения международных обязательств, принятых в связи с ратификацией антикоррупционных конвенций, потребовалось внесение изменений в ряд действующих и принятие новых нормативных правовых актов. При этом в качестве основы принимается во внимание концепция, согласно которой в Российской Федерации под правовое понятие коррупции подпадают как преступления коррупционной направленности, так и иные правонарушения.

Статья 26 Конвенции против коррупции предусматривает введение института уголовной ответственности юридических лиц. В ней, в частности, говорится, что «каждое Государство—участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления» [4].

В Российской Федерации имплементация этой нормы Конвенции вступает в противоречие с действующими требованиями национального законодательства и традиционной уголовно—правовой доктриной виновной ответственности [5]. Это позволяет объяснить позицию законодателя, ограничившегося введением административной ответственности юридических лиц за коррупцию (статья 19.28 КоАП РФ).

Введение административной ответственности юридических лиц соответствует уголовно — правовой доктрине, обеспечивает большую оперативность привлечения к ответственности, позволяет дифференцировать правонарушения в зависимости от степени их опасности с большой вариативностью размеров административных наказаний.

Споры о целесообразности введения в отечественное уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц ведутся еще с начала 90—х гг. Этот институт предусматривался предварительными проектами УК РФ, на основе которых был подготовлен действующий УК РФ. Однако, законодательно вопрос не решен до сих пор.

Справедливости ради следует упомянуть, что такое понимание коррупции как преступления, совершенного юридическим лицом, было приемлемо и воспринимлемо в отдельные периоды развития российского государства. Например, по инициативе Министерства юстиции России в 1916 году прорабатывался вопрос о криминализации подкупа лиц, состоящих на общественной службе. Уже в скором времени, в соответствии с постановлением Совета Министров от 10 мая 1916 года Уложение о наказаниях уголовных и исправительных было дополнено статьей 505-1, которая устанавливала наказания, определяемые за совершение коррупционных преступлений государственными служащими, на лиц, входящих в состав частных и общественных организаций.

В настоящее время имеется необходимость введения в российское уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц, что полагаем, приведет к устранению сложностей в правоприменительной практике.

Следует отметить высказывания руководителя Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, касающиеся преступлений коррупционной направленности: «В настоящее время Россия взяла курс на модернизацию, которая невозможна без упорядочения существующих экономических отношений, особенно в сфере привлечения и размещения частного капитала. На фоне этого особую озабоченность в последние годы вызывает стремительный рост преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц»[8].

Важнейшей проблемой в аспекте уголовной ответственности юридических лиц было и остается признание юридического лица субъектом уголовного права. Данная категория является одним из четырех обязательных элементов преступления (субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона). Поскольку уголовно-правовое воздействие на лицо, виновное в совершении преступления, допустимо лишь при наличии всех элементов. Данное требование выступает, в том числе, и гарантией от объективного вменения, т. е. применения уголовно-правовой репрессии при наличии трех и менее элементов преступления в деянии лица, пусть даже и юридического, но привлекаемого к уголовной ответственности.

Как известно, обязательное условие уголовной ответственности по законодательству России — вина, понимаемая, как психическое отношение лица к содеянному. К юридическому лицу, согласно традиционной уголовно-правовой доктрине, понятие вины неприменимо, поэтому в тех странах, где закон допускает уголовную ответственность юридического лица, принято считать, что его вина воплощается в виновном поведении его руководителей или представителей.

В этом контексте следует выделить позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в Постановлении КС РФ от 27 апреля 2001 г.: «Наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо или недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно».

Эти положения подтверждают, что вина — обязательный признак при привлечении к ответственности будь то — физическое лицо или юридическое лицо.

Как отмечает Антонова Е. Ю., в англосаксонской системе права при привлечении корпораций к уголовной ответственности активно используется институт абсолютной (строгой) ответственности, когда установление вины является необязательным условием таковой [1, с. 57].

В России юридическое лицо можно воспринимать как «носителя» виновности, которая выражается и действует через должностных лиц

осуществляющих управленческие функции по отношению к уставным либо предусмотренных законом целям юридического лица. Поэтому для введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо не только «сломить» устоявшиеся стереотипы, но и усовершенствовать концепцию уголовного законодательства. В связи с чем, нуждается в решении вопрос об определении физических лиц обладающих управленческими и административными функциями, действия которых будут обуславливать причастность юридического лица к коррупционному преступлению.

В частности, принцип «вины» реализуется в УК РФ по всем составам преступлений вне зависимости от направленности — против личности, либо коррупционной.

Отметим, что именно по пути субъективного определения понятия вины развивается российское законодательство смежных с уголовным правом отраслей права.

Так, согласно ч. 4 ст. 110 НК РФ: «Вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения».

П. 2 ст. 2.1 КоАП РФ содержит положение о том, что юридические лица подлежат административной ответственности за совершение административных правонарушений в случаях, предусмотренных статьями особенной части КоАП РФ. Ст. 2.2 КоАП РФ предусматривает две формы вины: умысел и неосторожность.

Е. Ю. Антонова в подтверждение психологической концепции вины юридического лица приводит положения ст. 53 ГК РФ: «Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами..... Лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно»[1, с. 225].

Здесь же можно отметить положения ст. 56 ГК РФ, где сказано, что юридические лица, кроме учреждений, отвечают по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом.

Представляется, что применение мер уголовно — правового характера к юридическому лицу становится возможным при условии признания его субъектом уголовного права. Сегодня предпринимается попытка обойти этот значимый для уголовного права момент за счет

применения к юридическому лицу не уголовного наказания, а мер уголовно — правового характера, которые формально к уголовным наказаниям не относятся, но являются, по сути, мерами уголовного принуждения со стороны государства (уголовной санкцией или финансовой санкцией).

Однако, такой подход не избавляет от пересечения с уголовным наказанием. Например, один из видов уголовно — правовой меры, которую предложено законодателем применять к юридическим лицам, — штраф. Он же предусмотрен в ст. 46 УК РФ в качестве одного из видов уголовного наказания, применяемого как в качестве основного, так и в качестве дополнительного.

30 мая 2014 г. глава СК РФ А. Баstryкин на встрече с депутатами Госдумы — членами Общероссийского народного фронта заявил, что коррупция в России прогрессирует и приобретает все более извращенные формы. В ходе заседания руководитель СК РФ высказал предложение в целях повышения эффективности борьбы с коррупцией вернуться к вопросу о возвращении в российское уголовное законодательство института конфискации имущества как меры наказания [9].

Отметим, что Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривал в качестве вида наказания конфискацию имущества, предполагающую безвозмездное изъятие всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного, которая была исключена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

По мнению В. М. Лебедева, такое решение было принято законодателем в соответствии с положениями ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., провозглашающими право любого человека иметь собственность, которой он может быть лишен только по судебному решению при установлении обстоятельств, свидетельствующих, что это имущество нажито преступным путем.

Статья 54 Конвенции ООН против коррупции регламентирует механизм изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации, а именно: «Каждое Государство-участник в целях предоставления взаимной правовой помощи согласно статье 55 настоящей Конвенции в отношении имущества, приобретенного в результате совершения какого-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, или использованного при совершении таких преступлений, в соответствии со своим внутренним законодательством» [4].

Статья 55 указанной Конвенции закрепляет положение о том, что Государство — участник, получившее от другого Государства-

участника, под юрисдикцию которого подпадает какое-либо преступление, признанное таковым в соответствии с Конвенцией, просьбу о конфискации доходов от преступлений, имущества, оборудования или других средств совершения преступлений, находящихся на его территории, в максимальной степени, возможной в рамках его внутренней правовой системы [4]. Ч. 4. Ст. 26 закрепляет: «Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции [4, Ст. 26].

Важно заметить, что положения международных норм полностью дают возможность отнести к числу субъектов коррупционных преступлений юридические лица (коллективы, корпорации и др.). Тем более, ст. 5 Конвенции против коррупции «Криминализация участия» (ч. 2) предусматривает следующее положение: «Осознание, намерение, умысел, цель или сговор могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела». Соответственно, все вышеуказанные обстоятельства являются признаками субъективной стороны любого коррупционного преступления, так как субъективная сторона коррупционного преступления выражается в виновном, противоправном предоставлении материальных (иных) преимуществ лицам, выполняющим государственные (административно — управленческие) функции.

В целом, даже с учетом современного подхода законодателя возможно применение конфискации имущества как меры правового характера к коррупционному «поведению» юридических лиц без изменения субъективного подхода уголовно — правовой доктрины. Кроме того, мировая практика, антикоррупционные международные нормы позволяют совершенствовать УК РФ в строгом соответствии с принципом виновной уголовной ответственности юридического лица (организации) в совершении преступлений физическими лицами в его интересах.

Полагаем, единственным решением «проблемы» введения уголовной ответственности юридических лиц на территории России должна стать системная работа по совершенствованию российского уголовного закона с учетом имеющихся теоретических разработок и правоприменительной практики. Первым шагом на пути совершенствования целесообразно признать юридическое лицо субъектом уголовного права.

На современном этапе развития науки, правоприменительной практики и теоретических разработок признание юридического лица субъек-

том уголовного права России — не проблема, а задача, требующая решения и определенных действий со стороны законодателей. Соответственно, стоит наделить правоохранительные органы полномочиями по привлечению юридических лиц к уголовной ответственности при условии строгого соблюдения гарантий прав человека в международном сотрудничестве государств — укрепляя режим законности.

Список использованных источников

1. Антонова Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. — Спб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2011. — 421 с.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2012 г.). — М.: Общественная палата Российской Федерации, 2013. — 144 с.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Нарушение должностных обязанностей государственными гражданскими служащими как основание юридической ответственности//Труд и социальные отношения. — 2010. — № 4. — С. 78—81.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г., ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40 — ФЗ с заявлениями] // Бюллетень международных договоров. — 2006. — № 10.
5. Макаров А. В., Жукова А. С. Некоторые законодательные особенности конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера по устранению корыстной мотивации совершения преступлений//Российский следователь. — 2013. — № 5. — С. 17—20.
6. Репецкая А. Л. Современная характеристика и тенденции российской коррупционной преступности и основные направления борьбы с ней//Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 3. — С. 126—130.
7. Сурков К. В. Курс общего антикоррупционного права: учебник в 3-х частях (Т.1). — Чита: ЗабГУ, 2013. — С. 16-17.
8. Официальный сайт «Следственный комитет Российской Федерации» [Электронный ресурс] <http://sledcom.ru/blog/detail.php?ID=46194> (дата обращения: 25.09.2014г.)
9. Правовое антикоррупционное СМИ [Электронный ресурс] <http://pasm1.ru/archive/106931> (дата обращения: 29.09.2014.)
10. Stessens G. Corporate criminal liability: a comparative respective. P. 493-520.

А. А. Макарецв

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

**СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК СУБЪЕКТ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ СТ. 5.5 КОАП РФ)**

Привлечение средства массовой информации к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 5.5 КоАП РФ «Нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов, референдумов» имеет важное значение для его дальнейшей деятельности. Это связано прежде всего с тем, что повторное привлечение средства массовой информации к административной ответственности может являться основанием применения к нему закрепленной ст. 16.1 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» такой меры правового воздействия как временное приостановление его выпуска.

Необходимо отметить, что фактически привлечение средства массовой информации к административной ответственности за нарушения правил информационного обеспечения выборов возможно только в случае повторного совершения правонарушения. В соответствии с п. 2.1 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» действия, совершаемые при осуществлении представителями организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, профессиональной деятельности и совершающиеся с целью побудить избирателей голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), признаются предвыборной агитацией, если они были совершены с такой целью неоднократно.

Дополнение Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного ст. 5.5. КоАП РФ, таким квалифицирующим признаком как неоднократность, по нашему мнению, не в полной мере соответствует не-

которым положениям КоАП РФ. Во-первых, в соответствии со ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Исходя из данной статьи, дополнение содержания объективной стороны административного правонарушения иными федеральными законами невозможно.

Во-вторых, положения п. 2.1 ст. 48 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», позволяющее средствам массовой информации неоднократно нарушать правила информационного обеспечения выборов, не согласуется с целью административного наказания, закрепленной в статье 3.1 КоАП РФ, и направленной на предупреждение совершения новых правонарушений.

В-третьих, не в полной мере учитываются положения ст. 4.3 КоАП РФ, в соответствии с которыми повторное совершение однородного административного правонарушения, является обстоятельством, отягчающим административную ответственность. В нашем случае, совершение повторного правонарушения является не отягчающим обстоятельством, а лишь основанием привлечения к административной ответственности.

Рассматриваемое положение ст. 48 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» игнорирует права других заинтересованных лиц, в том числе кандидатов (избирательных объединений), против которых можно вести незаконную агитационную деятельность. Это даёт возможность представителям организаций осуществляющих выпуск средств массовой информации, неоднократно и безнаказанно совершать действия, побуждающие избирателей голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), то есть злоупотреблять своими правами.

Необходимо отметить, что за рамками законодательства остается проблема фиксирования факта неоднократности совершенного средством массовой информации правонарушения. С одной стороны, данные отношения в силу их некоторого несоответствия положениям административного законодательства, как это было отмечено выше, не регулируются административным законодательством. С другой стороны, порядок фиксирования факта неоднократности совершенного правонарушения не определяется и Законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». На практике в случае совершения средством массовой информации правонарушения в первый раз избирательная комиссия, как правило, не возбуждает дело об административном правонарушении.

В связи с этим, можно предположить, что факт правонарушения в любом случае должен быть зафиксирован уполномоченными лицами и, как следствие, должно быть возбуждено дело об административном правонарушении. В связи с этим, при поступлении в избирательную комиссию заявления о нарушении средством массовой информации правил информационного обеспечения выборов, она обязана, в случае подтверждения факта правонарушения, составить протокол об административном правонарушении и направить его в соответствующий суд. Исходя из логики положения ст. 48 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» судебный орган, при установлении факта совершения средством массовой информации подобного правонарушения в первый раз, должен принять решение о прекращении производства по делу.

Подход, закрепленный в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не всегда находит реализацию в избирательной практике. Судебные органы при анализе обстоятельств избирательного спора признают наказуемым правонарушением и однократно совершенное противоправное деяние. Это связано с тем, что при столкновении с формальными составами административных правонарушений, юрисдикционные органы особое внимание должны уделять вредоносности противоправного деяния [1, С. 57]. И даже однократное нарушение закона способно причинить вред охраняемым общественным отношениям. Так, 28 января 2008 г., в период избирательной кампании по выборам Президента Российской Федерации, в телевизионной программе «Час Пик», являющейся передачей производства ЗАО «Телекомпания Т-2», работающей на территории Томской области, была обнародована недостоверная информация о том, что на счетах одного из зарегистрированных кандидатов на должность Президента Российской Федерации находится сумма 2,7 миллиарда рублей. В передаче «Час Пик» от 29 января 2008 г. было объявлено, что эта информация не соответствует действительности: на счетах кандидата находится сумма 2,7 миллиона рублей. В судебном заседании представитель телекомпании заявил, что в действиях ЗАО «Телекомпания Т-2» отсутствует состав административного правонарушения, так как оспариваемая информация была обнародована со ссылкой на сайт издания «Газета». Более того, как только была установлена недостоверность сведений, были приняты меры по их опровержению. Суд, рассмотрев дело, признал факт вины телекомпании в нарушении порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов и назначил наказание в виде административного штрафа [2].

Решение суда является справедливым. В соответствии со ст. 49 Закона «О средствах массовой информации» журналист должен проверять достоверность сообщаемой им информации. Это положение находит развитие в требовании, закрепленном п. 5 ст. 39 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»: информационные материалы, размещаемые в средствах массовой информации, должны быть объективными, достоверными, не должны нарушать равенство кандидатов. В связи с этим средство массовой информации в целом, и журналист в частности несут ответственность за объективность и достоверность информации. Используя для подготовки телевизионной программы информацию с сайта «Газета», журналист не воспользовался возможностью проверить её достоверность. При том, что официальные сведения об источниках доходов кандидатов в Президенты Российской Федерации были опубликованы в «Российской газете» от 26 января 2008 г. и размещены на сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Обнародовав недостоверную информацию, журналист злоупотребил своим правом на распространение информации и фактически нарушил российское законодательство.

Важной особенностью привлечения средства массовой информации к административно-правовой ответственности, предусмотренной ст. 5.5 КоАП РФ, является возможность привлечения к ответственности как юридического лица, так и его должностных лиц. Рассмотрение содержания ст. 2.1 КоАП РФ позволяет высказать мнение, что действующее законодательство прямо не разрешает и не запрещает одновременное применение административных санкций к должностным лицам и организациям. Анализ положений административного законодательства позволяет сделать вывод о закреплении в нем диспозитивного установления возможности выбора должностным лицом, которому предоставлено право составить протокол, субъекта административной ответственности. От последствий принятия этого решения будет существенно различаться размер административного штрафа: на должностных лиц накладывается штраф в размере от трех тысяч до четырех тысяч рублей; на юридических лиц — от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей.

Избирательная практика показывает, что только в случае неоднократного нарушения средством массовой информации правил информационного обеспечения выборов, уполномоченные лица привлекают к ответственности юридическое лицо. Примером могут служить факты избирательной кампании по выборам мэра г. Новосибирска 2004 г., когда одна из региональных телекомпаний неоднократно нарушала

избирательное законодательство. В связи с этим Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссией на неё было составлено более десяти протоколов об административных правонарушениях на основе ст. 5.5 КоАП РФ, которые нашли подтверждение в судебных органах [3].

Вызывает интерес дело, возникшее в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Совета депутатов г. Новосибирска пятого созыва (декабрь 2009 г. — март 2010 г.), и связанное с отказом средства массовой информации в опубликовании агитационного материала. 25 февраля 2010 г. в Новосибирскую городскую муниципальную избирательную комиссию поступила жалоба от кандидата в депутаты Совета депутатов по одномандатному округу № 5 П. о нарушении избирательного законодательства редакцией газеты «С-и». В результате проведенной проверки избирательной комиссией было установлено, что газета «С-и» в закрепленные законом срок публиковала свои расценки по предоставлению печатной площади зарегистрированным кандидатам и уведомила городскую избирательную комиссию о готовности предоставлять печатную площадь для размещения агитационных материалов. Вскоре, между зарегистрированным кандидатом П. и ООО «В» (редакция газеты «С-И»), в лице генерального директора, был заключен договор, в соответствии с которым редакция обязана оказывать услуги по предоставлению печатной площади за плату для публикации агитационных материалов в течение всей избирательной кампании. На основании данного договора 15 февраля 2010 г., после предварительной оплаты, был опубликован агитационный материал кандидата. 16 февраля 2010 г. кандидатом было оплачено размещение агитационного материала в следующем выпуске газеты от 22 февраля 2010 г. Однако, денежные средства П. были возвращены без объяснения причин на его специальный избирательный счет, и материал не был опубликован.

В соответствии с п. 4 ст. 52 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», редакции негосударственных периодических печатных изданий, вправе отказать в предоставлении печатной площади для проведения предвыборной агитации. Вместе с тем, такой отказ может быть сделан до заключения договора, а не после оплаты за размещение соответствующего агитационного материала. Таким образом, по мнению Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссией, редакцией газеты «С-и» был нарушен порядок предоставления печатной площади для размещения агитационных материалов зарегистрированных кандидатов, что влечет ответственность главного редактора газеты по ч. 1 ст. 5.5. КоАП РФ [4].

В связи с необходимостью рассмотрением всех обстоятельств дела, особого внимания заслуживает объяснение главного редактора газеты «С-и». По его словам, отказ в опубликовании агитационного материала был связан с тем, что газета «С-и» является коммерческим изданием, существующим за счет рекламодателей, которое бесплатно распространяется среди жителей района. Номер газеты от 15 февраля 2010 г., в котором были опубликован первый агитационный материал кандидата П, был изъят из почтовых ящиков домов района, что вызвало недовольство рекламодателей. По мнению последних, уничтожение тиража газеты было проведено конкурентами кандидата П., и им бы не хотелось, чтобы такая судьба постигла и следующие номера. Обстоятельства, указанные в показаниях главного редактора, можно считать фактами, смягчающими вину, и как следствие — способствующими сделать выбор между юридическим лицом и должностным лицом как субъектами правонарушения, в сторону последнего.

Приведенный пример также демонстрирует двойственность административной ответственности юридических лиц, которая заключается в пересечении особенностей механизмов частного и публичного правового регулирования. Происходит конфликт правовой природы административной ответственности, и правовой природы статуса субъекта, который к ней привлекается [5, С. 4]. С одной стороны, административная ответственность, является составной частью публично-правовой ответственности. Возможность привлечения к ней средства массовой информации, определяется его участием в публично-значимых отношениях — в информационном обеспечении выборов. С другой стороны, правонарушение, совершенное средством массовой информации, связано не только с публичным правом, но и имеет прямую связь с гражданско-правовыми отношениями, в которых оно участвует как юридическое лицо, целью деятельности которого, является получение финансовой прибыли.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на большое количество дел, связанных со ст. 5.5 КоАП РФ нельзя утверждать о наличии единой сформировавшейся судебной практики. Необходимы законы, учитывающие не только количественные параметры правового регулирования административной ответственности за нарушение избирательного законодательства, но и содержательные характеристики составов административных правонарушений и санкций за их совершение. В связи с этим появляется необходимость закрепления в административном законодательстве квалифицирующих признаков правонарушения определяющих основания разграничения вины между юридическим лицом и его должностным лицом.

Также возникает вопрос адекватности штрафа как административной санкции за нарушение средством массовой информации избирательного законодательства. Исходя из действующего административного законодательства, штраф является единственным способом борьбы с административными правонарушениями. Но, в избирательных отношениях штраф не всегда является соразмерным наказанием за совершенное средством массовой информации правонарушение, так как расценки за опубликование (обнародование) официальных агитационных материалов могут во много раз превосходят размер штрафов. В этой связи, было бы желательно, дополнить перечень наказаний за правонарушения, совершенные средством массовой информации такими санкциями как отстранение от должности главного редактора, журналиста, ответственного за нарушение условий проведения информационного обеспечения выборов.

С целью оптимизации механизмов ответственности в избирательном праве необходимо отказаться от такого квалифицирующего признака правонарушения, совершаемого при осуществлении представителями организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, профессиональной деятельности и совершающиеся с целью побудить избирателей голосовать за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них), как неоднократность.

Список использованных источников

1. Шерстобоев О. Н. К вопросу о малозначительности административных правонарушений: некоторые проблемы теории и практики // Российская юстиция. — 2008. — № 10. — С. 54—58.

2. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Кировского судебного района г. Томска от 19 марта 2008 г.

3. Постановление по делу об административном правонарушении Центрального районного суда от 5 марта 2004 г.; Постановление по делу об административном правонарушении Центрального районного суда от 19 марта 2004 г.; Постановление по делу об административном правонарушении Центрального районного суда от 30 марта 2004 г. и др.

4. Решение Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссией от 4 марта 2010 г. № 41/204 [Электронный ресурс] // <http://izbirkom.novo-sibirsk.ru> (дата обращения 15.12.2010).

5. Морозова Н. А. Административная ответственность юридических лиц. История, теория, практика. Автореф. на соискание... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — С. 4.

А. В. Мангир

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИИХ», г. Новосибирск*

**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ВРЕДА В РАМКАХ
СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ВИНОВНОГО
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Одним из условий правильного и эффективного применения уголовного закона является выявление судебными и следственными органами всех признаков совершенного преступления и точное установление их законодательных характеристик. Среди этих признаков важное значение отводится вреду, причиненному преступлением. Преступный вред является самостоятельным элементом преступного деяния и в числе других признаков состава преступления учитывается при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении к уголовной ответственности. Размер преступного вреда определяет степень общественной опасности совершенного деяния и вследствие этого влияет на признание его преступным, на индивидуализацию ответственности и наказания. Поэтому характер и размер преступного вреда относятся к одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовных дел. Всестороннее, объективное исследование преступного вреда позволяет наиболее полно и точно установить и другие признаки состава преступления, например, форму и вид вины; установить момент окончания преступления, наличие квалифицирующих обстоятельств, размер подлежащего возмещению ущерба [1. с. 3].

Исследование понятия преступного вреда затрагивает целый комплекс научных проблем. Это обусловлено сложностью преступного вреда, его антисоциальной значимостью и тем многообразием связей, которые возникают в обществе при его причинении. Как уголовно-правовое явление, преступный вред изучается прежде всего наукой уголовного права. Она дает основополагающие теоретические выводы, раскрывающие понятие, содержание и значение преступного вреда, которые используются при исследовании преступного вреда в таких дисциплинах, как теория доказательств в уголовном процессе, криминалистика, гражданское право, криминология и т. д.

«Уголовно-правовые исследования преступного вреда опираются на методологические положения, созданные такими науками, как философия, этика, психология, физиология и т. д. Это связано с тем, что преступный вред — социально-психологическое явление. С одной стороны, он выступает как заключительный элемент, преступного деяния, в котором воплощаются объективные и субъективные свойства деяния, а также черты, совершающей его личности. С другой стороны, преступный вред выражается в отрицательных изменениях, которые происходят в подвергнутых посягательству социальных благах и ценностях и могут существовать долгое время после окончания преступления. Поэтому раскрытие сложной и противоречивой природы преступного вреда должно опираться на прочную методологическую основу. Такой основой является философско-психологическая теория деятельности и теория общественных отношений» [1. с. 6].

Применительно к общему понятию преступления наиболее приемлемым является понятие «преступный вред» или «вредное изменение объекта посягательства». В терминах «вред», «урон» «ущерб» — оцениваются социально вредные изменения, произведенные любыми правонарушениями [2. с. 9]. Так, результаты гражданских правонарушений описываются в законе через термины «вред», «ущерб», «убытки». Для административных правонарушений употребляется такое общее понятие, как «вредные последствия». Результаты преступлений характеризуются через понятия «общественно опасные последствия», «вредные последствия», причиненный преступлением ущерб.

Понятие вреда в законодательстве не определяется на протяжении уже долгого времени. Стоит рассмотреть взгляды ученых на указанный вопрос при сравнении законодательства советского периода и действующего в настоящее время. В гражданско-правовой литературе термины «вред» и «ущерб» в большинстве случаев употребляются в качестве синонимов и понимаются как любые умаления имущественных и неимущественных прав субъектов отношений. Убытки трактуются в более узком значении как денежное выражение имущественного вреда [3. с. 36]. Но имеется и несколько иное толкование этих понятий. Так, В. Т. Смирнов и А. А. Собчак рассматривали вред как родовое понятие отрицательных имущественных последствий правонарушений. Ущерб — это «натурально-вещественная форма выражения вреда», а «убытки — это денежная оценка вреда, подлежащего компенсации» [4. с. 58].

Близкой к этой является позиция М. М. Бабаева. По его мнению, наиболее обобщающим служит понятие «последствие», которое определяется с помощью родового понятия «вред» и видовых — «урон»,

«ущерб», убытки» [5. с. 11]. Эти признаки — вред, ущерб общественным отношениям — выражают, как отмечал В. С. Прохоров, сущность и преступного посягательства [6. с. 29]. Этот момент подчеркивался во всех определениях преступного вреда.

Например, Н. Ф. Кузнецова пишет, что преступные последствия это «вредные изменения в охраняемом уголовным законом общественном отношении» [7. с. 10]. Подобные определения давали Т. В. Церетели, А. С. Михлин, П. И. Гришеев и Г. В. Тимейко [8. с. 16; 9. с. 26; 10. с. 83; 11. с. 61].

В юридической литературе называют и другие свойства преступного вреда. А. Н. Трайнин считал, что преступные последствия по своей природе разнородны, по всегда поддаются конкретному учету, имеют относительный характер и находятся в постоянном окружении многочисленных последствий [12. с. 154].

Н. Ф. Кузнецова выделяет следующие признаки, характеризующие вредные последствия: 1) неоднородность преступных последствий; 2) две возможные разновидности — реальный ущерб и создание угрозы его причинения; 3) множественность последствий; 4) изменения степени вредности [13. с. 51].

Н. Д. Дурманов понимал под результатом преступления «те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства» [14. с. 56—57].

В. В. Мальцев включал в понятие преступного последствия свойство результата деятельности воплощать предметное содержание деятельности и объекта посягательства [15. с. 27].

Большинство ученых включает в понятие вреда правовой признак — предусмотренность уголовным законом [16. с. 134—135].

В настоящее время у ученых нет единого мнения и единого подхода к понятию вреда. Все работы проводят четкое разделение вреда в зависимости от способов и видов воздействия на объект преступления: моральный, физический или имущественный (материальный), не давая общего единого понятия вреда как такового в целом.

Обобщая эти свойства, можно выделить два наиболее существенных признака преступного вреда. Вред это:

1. Конструктивный, системообразующий элемент преступного деяния, состоящий из вредного изменения объекта посягательства и являющийся основным объективным показателем его общественной опасности (социальной вредности).

2. Обязательный признак состава преступления, влияющий на квалификацию преступления и индивидуализацию ответственности.

С учетом различий во вредном результате и последствии преступного деяния Землюков С. В. дал следующее их определение, с которыми автор полностью согласен:

«Результат преступления — это социально вредное изменение охраняемого законом объекта, произведенное целенаправленным воздействием лица, либо косвенно наступившее от такого воздействия.

Последствие преступления — это тоже социально вредное изменение охраняемых законом отношений, но причиненное неосторожным поведением лица, либо наступившее от произведенного этим лицом преступного результата. Последствием является также вредное изменение охраняемого законом объекта, происшедшее при виновном воздержании лица от совершения требуемого действия» [1. с. 24].

На основании изложенного немаловажно классифицировать социальные последствия преступлений и преступности. Классификационные схемы могли бы включать такие «разделительные» признаки:

1. Содержание наносимого преступлением ущерба. Оно может быть материальным, психологическим, психическим (нанесение вреда психическому здоровью), соматическим (нанесение вреда физическому здоровью), нравственный вред, поскольку преступление всегда посягает на нравственные устои общества, правда, с разной интенсивностью (к нему примыкает ущерб, наносимый культурным, религиозным, национальным ценностям, политике государства и его отдельных автономных субъектов), либо лишением жизни. Обязательно нужно иметь в виду Нравственный вред наиболее масштабен. Одно и то же преступление может одновременно нанести все перечисленные виды ущерба.

2. Объект уголовно-правовой охраны, которому наносится вред: человек, малая социальная группа (в первую очередь семья), система правосудия, экономика, государственная власть и т. д.

3. Тяжесть наступивших последствий в результате преступного посягательства: от лишения человека жизни до незначительного материального ущерба при краже или переживания, наступившего вследствие нанесенного оскорбления. Не каждый ущерб может найти точное денежное выражение, особенно если он нравственного, религиозного и т. д. характера, если преступление посягает на жизнь, здоровье или достоинство человека.

4. Время наступления общественно опасных последствий. Реальный вред может наступить непосредственно за преступным действием, или много лет спустя после его.

5. Последствия преступления как фактор, порождающий новое нарушение уголовно-правового запрета. В этом аспекте насилие осо-

бенно опасно тем, что практически всегда влечет за собой новое насилие, во-первых, создавая общую атмосферу вражды, ненависти и недоверия, во-вторых, вызывая ответственные агрессивные акты мести. Второе достаточно ясно видно при анализе убийств из мести, в том числе кровной, а также случаев политического, религиозного и националистического терроризма. Мощным криминогенным фактором могут быть и корыстные преступления: например, хищения имущества на предприятии, если для их пресечения не предпринимались необходимые меры, с течением времени начинают приобретать массовый характер. В их совершение оказываются втянутыми и те лица, которые занимают высокое должностное положение [17. с. 17].

6. Сфера жизнедеятельности людей, где имеет место нанесение ущерба. Такой сферой могут быть высшие или низшие уровни государственной власти и государственного управления, производство, финансы, предпринимательство, семья и ее окружение, интимная жизнь человека и т. д. Сферы, где фиксируются социальные последствия преступности, полностью совпадают со всеми сферами жизнедеятельности людей.

Сказанное позволяет четко различать социальные последствия отдельных преступлений и социальные последствия преступности в целом. Об общественно опасных последствиях (они являются частью и притом наиболее существенной социальных последствий преступлений) уголовное законодательство упоминает неоднократно (например, в ст. 5, 25, 26, 63 УК РФ). В некоторых случаях без упоминаний самого слова «последствия», закон говорит о конкретном вреде, причиняемом здоровью, имуществу или другим охраняемым правом ценностям. Стремясь определить возможные социальные последствия преступлений, в расчет, очевидно, следует принимать такие последствия, которые: а) имеют значение для наличия состава преступления и результат как бы определяет юридическое содержание данного состава; б) могут выступать в качестве криминогенного фактора, т. е. способны породить новые преступления; в) могут быть учтены в той или иной форме (в том числе в области теории), но не обязательно обрести стоимостное выражение; г) могут иметь значение для криминологического прогнозирования.

Список использованных источников

1. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1991.
2. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.

3. Шиминова М. Я. Компенсация вреда гражданам. Гражданское правовое регулирование. — М., 1979.
4. Смирнов С. В., Собчак А. А. Общее учение о деликатных обязательствах в советском гражданском праве. Учеб. пос. — Л., 1983.
5. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. Учеб. Пос. М., 1982.
6. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. — Л. 1984.
7. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — М., 1958.
8. Михлин А. С. Последствия преступления. — М., 1969.
9. Объективная сторона преступления // Советское уголовное право. Вып. 7. — М., 1961.
10. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов, 1977.
11. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. — М., 1963.
12. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М., 1957.
13. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М., 1969.
14. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. — М., 1948.
15. Мальцев В. В. Проблемы уголовно-правовой оценки общественно-опасных последствий. — М., 1989.
16. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. — М., 1960.
17. Верченко Н. И. Незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности /Монография. — М., 2013. Сер. Уголовное право.

И. В. Матвеев, В. В. Ульянова

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ», г. Новосибирск*

**ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

В последние годы значительно возросло количество преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц [11, с. 489]. Данные преступления представляют реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота. В частности, они оказывают негативное влияние на инвестиционную привлекательность России, что обуславливает отток из страны капитала. Кроме того, преступность юридических лиц дестабилизирует фундаментальные основы экономики, что опосредованно способствует спаду основных экономических показателей, в том числе росту инфляции, снижению производства, уходу капитала в теневой сектор экономики. Наконец, преступность юридических лиц способствует повышению уровня криминогенности общества в целом, в частности создает условия для развития таких опасных социальных явлений, как коррупция, терроризм, организованная и экологическая преступность [7, с. 66; 13, с. 846].

Реакцией на такой рост корпоративной преступности стало обсуждение вопроса о создании таких юридических конструкций, в том числе уголовно-правовых, которые могли бы вводить не только адекватные содеянному санкции, но и предупреждать данную деятельность в будущем.

Особенно актуальной для Российской Федерации данная проблема стала после ее присоединения к Конвенциям ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [1] и против коррупции от 31 марта 2003 г. [2], а также к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27 января 1999 г. [3], поскольку на несоответствие административного воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступле-

ниям, требованиям указанных конвенций было указано Группой государств против коррупции (ГРЕКО) в отчете по Российской Федерации за 2010 г. [14]

Вместе с тем в вопросе о введении уголовной ответственности юридических лиц в национальное уголовное право не все однозначно. Существует значительное количество авторов (например, Н. Ф. Кузнецова, М. И. Бажанов, Л. Д. Ермакова, Т. В. Кондрашова, Л. К. Савюк и др.), высказывающихся против введения данного института. В качестве основного аргумента указывается, что установление уголовной ответственности юридических лиц нарушает принцип личной виновной ответственности [8, с. 777].

В частности отмечается, что сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно. Вины как психического отношения лица к своему деянию у юридических лиц нет. Таким образом, для введения уголовной ответственности организаций потребуется разделение уголовного закона на две системы принципов и оснований уголовной ответственности с наказанием. При этом отсутствует целесообразность коренного изменения действующего уголовного права, когда цели усиления ответственности юридических лиц можно достичь с использованием возможностей административного, гражданского, хозяйственного и финансового законодательства [10, с. 20].

Действительно, отход от классических принципов современного российского уголовного права, отвергающих невиновную и коллективную ответственность в случае признания организации «полноценным» субъектом преступления, вряд ли возможен и целесообразен в настоящее время. Однако сложно отрицать, что нередко юридические лица образуются исключительно в целях совершения преступлений, что означает их превращение в преступные организации. В этом случае наказание руководящих лиц этих организаций не может быть достаточно эффективной мерой.

Необходимость наказаний организаций особенно явно проявляется, когда фактические деяния отдельных лиц являются незначительными по сравнению с тяжестью совершенного преступления или когда физическое лицо, совершившее его, не может быть установлено [5, с. 7].

Таким образом, постановка вопроса об использовании возможностей института уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном праве является обоснованной и актуальной. Но для успешного его решения ключевое значение будет иметь модель, в которой данный институт может быть включен в уголовный закон, не нарушая сбалансированное и проверенное соотношение основных принципов и механизмов уголовного права.

В связи с этим требуется обратиться к зарубежному опыту правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц.

В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц существует в законодательстве государств всех континентов и всех правовых традиций: в Австралии, Великобритании, Бельгии, Венгрии, Дании, Индии, Израиле, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канаде, Кении, Китае, Корее, Латвии, Люксембурге, Молдове, Нидерландах, Норвегии, Пакистане, Польше, Румынии, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии и т. д.

Вместе с тем, как отмечает Б. В. Волженкин, вопросы уголовной ответственности юридических лиц за рубежом также достаточно дискуссионны [8, с. 779]. На практике в зарубежных странах, как правило, применяются три модели правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц.

Первая из них характерна для правовых систем стран общего права. Она имеет традиционный характер и основывается на принципах, согласно которым юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления. Такая модель применяется в Англии, Шотландии, Ирландии, США, Канаде, Австралии и Индии.

Образцом служит американская система корпоративной уголовной ответственности, согласно которой для привлечения корпорации к уголовной ответственности необходимо, чтобы ее представитель совершил незаконное действие (*actus reus*) в здравом состоянии рассудка (виновная воля — *mens rea*), то есть удовлетворяющее требованиям состава преступления. Кроме того, он должен действовать, не выходя за рамки своих полномочий, и намереваться принести пользу организации. При этом в США существуют два вида ответственности корпораций за совершение преступлений: 1) замещающая ответственность (*vicarious liability*) юридических лиц за малозначительные преступления; 2) уголовная ответственность юридических лиц за совершение серьезных преступлений (*corporate criminal liability*). К корпорациям, признанным виновными в совершенных именно ими преступлениях, могут назначать штраф, конфискация имущества, ликвидация и т. д. [9, с. 8, 76]

Традиционная англосаксонская модель широкой уголовной ответственности юридических лиц была использована и законодательством ряда государств постсоветского пространства, в частности Грузии, Литвы, Молдовы и Эстонии.

В российском уголовном праве также имеются приверженцы рассмотренного подхода к правовому регулированию уголовной ответственности

ности юридических лиц. Так, А. И. Бастрыкин в своей статье, по сути, комментирующей представленный Следственным комитетом Российской Федерации законопроект, отмечает: «...организация, будучи некоей юридической фикцией, то есть искусственной конструкцией, не обладает психикой», но здесь же добавляет, что «трудно не согласиться с тем, что юридическое лицо, как и любое другое объединение людей на основе общности интересов, имеет некую волю, стремится к достижению определенной цели. В некотором смысле волю можно усмотреть даже у неконтролируемой толпы. В отличие от неконтролируемой толпы деятельность людей, объединенных в организации, носит упорядоченный системный характер, потому и воля юридического лица, как правило, имеет четкую и однозначную форму выражения. Также сложно поспорить и с тем, что, вступая в гражданский оборот и в иные общественные отношения, юридическое лицо действует не хаотично, а осознанно и упорядоченно. Таким образом, юридическое лицо как целостное образование обладает сознанием и волей, которые представляют собой консолидированные определенным образом сознание и волю его участников» [6].

Вторая модель уголовной ответственности юридических лиц учитывает принцип виновной ответственности лица за совершение преступления и предполагает в первую очередь признание физического лица в качестве единственного возможного субъекта преступления. В этом случае, если юридическое лицо участвует в преступлении, совершаемым физическим лицом в его интересах, оно также подвергается уголовно-правовому воздействию. Такая модель применена в законодательстве Албании, Испании, Латвии, Мексике, Турции, Швейцарии и многих других государств. Преимущество данной модели состоит в том, что она позволяет бороться с преступностью юридических лиц без изменений действующей уголовно-правовой доктрины «виновной ответственности». В рамках данной модели юридическое лицо не рассматривается в качестве субъекта преступления. Неблагоприятные уголовно-правовые последствия участия в преступлении относятся не к институту уголовного наказания (его несет физическое лицо), а к иным мерам уголовно-правового воздействия [9, с. 11].

Представляется, что подобный подход более приемлем для России, так как его использование позволит не отходить от принципа личной виновной ответственности субъекта преступления.

Третья модель предполагает применение административной ответственности юридических лиц за причастность к преступлению. В науке данная модель носит название «квазиуголовной ответственности юридических лиц». Такая модель применяется в Германии, Италии, Польше. По пути реализации данного подхода в настоящее время

движется и российский законодатель. Так, в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ КоАП России [4] был дополнен ст. 19.28, установившей административную ответственность в виде штрафа, налагаемого на юридическое лицо, за незаконное вознаграждение от его имени, то есть, по сути, за причастность юридического лица к таким преступлениям как коммерческий подкуп (ст. 204 УК России) и дача взятки (ст. 291 УК России).

Однако, как уже было отмечено выше, мировой опыт и современные российские реалии свидетельствуют о том, что более эффективным решением проблемы привлечения организаций к ответственности за причастность к преступной деятельности представляется в рамках уголовного закона [12, с. 78]. К тому же в вышеуказанных странах (Германия, Италия, Польша) также намечаются тенденции перехода к первой или второй модели правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц [9, с. 11].

В связи с этим Следственным комитетом Российской Федерации (далее — СК России) был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [15], который во избежание коренного изменения традиционной для российского уголовного права доктрины личной виновной ответственности предусматривает правовую конструкцию, предполагающую отнесение уголовно-правового воздействия в отношении причастных к преступлению юридических лиц не к одному из видов уголовного наказания, а к иным мерам уголовно-правового характера.

При этом причастность к преступлению определяется в проекте закона как совершение преступления в интересах юридического лица либо как использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления. Причастность будет иметь место лишь в случаях совершения преступления специальным субъектом, в качестве которого предусмотрены физическое лицо, выполняющее в юридическом лице управленческие функции, либо физическое лицо, осуществляющее в нем фактическое руководство. В целях недопущения уклонения от уголовно-правового воздействия компаний, в которых практикуются схемы номинального руководства, к категории лиц, осуществляющих фактическое руководство, проектом закона отнесены лица, которые, хотя и не занимали должности в юридическом лице и не действовали от его имени на основании доверенности, однако фактически определяли решения, принимаемые юридическим лицом.

Предлагаемый СК России проект закона предусматривает широкий спектр основных и дополнительных видов мер уголовно-правового воз-

действия, которые могут быть применены судом в отношении юридического лица. К ним относятся: предупреждение, штраф, лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, лишение права заниматься определенным видом деятельности, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, принудительная ликвидация.

Такие виды мер воздействия, как ликвидация и запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации предусмотрены в качестве исключительных и могут быть назначены только юридическим лицам, созданным в целях совершения или сокрытия преступления, то есть «фирмам-однодневкам». Для защиты и восстановления нарушенных преступлением имущественных прав потерпевшего в случае назначения этих мер воздействия проектом закона предусматривается право суда признать недействительными сделки, заключенные ликвидируемым юридическим лицом в целях совершения или сокрытия преступления, применив к таким сделкам предусмотренные гражданским законодательством Российской Федерации последствия недействительности ничтожной сделки.

Аналогичная правовая конструкция известна законодательству многих стран с развитым правовым регулированием экономического оборота. Например, в США суд, установив, что компания учреждена для удовлетворения личных интересов ее учредителей, в том числе для совершения ими противоправного деяния, сокрытия от налогообложения или от взыскания имущества, то есть является своеобразным «продолжением личности» ее учредителя, может признать такую корпорацию фиктивной, отказав ей в защите как юридическому лицу. Эта процедура, называемая «снятием с компании корпоративной вуали» (to pierce the corporate veil), применяется в целях исключения лимитированной (ограниченной) ответственности учредителя за действия учрежденной им фиктивной компании и предполагает переложение бремени ответственности за совершенные от ее имени действия на учредителя. Сделки, заключенные такой компанией, считаются заключенными от имени ее учредителя [15].

Кроме того, проектом закона предусмотрено неблагоприятное правовое последствие признания юридического лица причастным к преступлению в виде судимости. Учет судимости юридического лица позволяет добросовестным участникам коммерческого оборота проявлять большую осмотрительность при выборе контрагента. В том числе это обстоятельство может учитываться органами государственной власти и местного самоуправления при проведении приватизации или размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд.

Таким образом, завершая исследование проблемы поиска оптимальной модели правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц, целесообразно отметить следующее.

Во-первых, современное российское уголовное право содержит несколько подходов к возможному включению института уголовной ответственности организаций в систему национального законодательства. Несмотря на разнообразие мнений по данной проблеме, складывающаяся в современной России обстановка и мировой опыт свидетельствуют о том, что для повышения эффективности уголовно-правового противодействия целому ряду преступных явлений целесообразно использовать возможности института уголовной ответственности юридических лиц, однако делать это нужно с учетом подходов и традиций российского уголовного права.

Во-вторых, наиболее подходящим представляется подход, в соответствии с которым возможности уголовного права будут реализованы по отношению к юридическим лицам как иные меры уголовно-правового характера. При этом меры воздействия на организацию должны применяться наряду с привлечением конкретного исполнителя преступления — физического лица к уголовной ответственности.

В-третьих, уголовная ответственность юридических лиц должна быть исключительно акцессорной, то есть применение мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц должно быть обусловлено совершением физическим лицом преступления в пользу юридического лица.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 40. — Ст. 3882.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 марта 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 6. — Ст. 2780.

3. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27 января 1999 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии кор-

рупции»: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6235.

5. Антонова Е. Ответственность юридических лиц в уголовном праве: аргументы за и против // Уголовное право. — 2009. — № 5. — С. 6—7.

6. Бастрыкин А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Рос. газ. — 2011. — 22 мар.

7. Верченко Н. И. Экономические предпосылки распространения коррупционных преступлений // Актуальные проблемы уголовной политики Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции. — Омск: Омская юридическая академия, 2013. — С. 66—71.

8. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии, 1963–2007 гг. — СПб.: Изд-во Р. Асланова: «Юридический центр Пресс», 2008. — 971 с.

9. Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В. И. Лафитский. — М.: Статут, 2013. — 312 с.

10. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях / Н. Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 1993. — № 4. — С. 12—21.

11. Мангир А. В. Уровень криминогенности в России и Новосибирской области // Кущенко С. В., Литвинцева Г. П., Осьмук Л. А. Качество жизни населения в России и ее регионах: монография. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2009. — С. 487—506.

12. Смирнов Г. Перспективы и условия введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право. — 2011. — № 2. — С. 76—79.

13. Ульянова В. В. Проблемы уголовно-правового регулирования противодействия незаконному экспорту из Российской Федерации или передачи контролируемых товаров и технологий // Национальная безопасность / Nota bene. — 2014. — № 6. — С. 845—855.

14. Доклад ГРЕКО по Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://www.anti-corrupcioner.ru/node/99> (Дата обращения 11.03.2015).

15. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона [Электронный ресурс] // <http://sledcom.ru/document/1133> (Дата обращения 11.03.2015).

А. Л. Мишуточкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**ТАКТИКА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ**

Расследование преступлений, совершенных юридическими лицами имеет свои особенности. Криминалистика разрабатывает методические рекомендации на основе изучения практического опыта расследования преступлений, поэтому речь в данной статье пойдет скорее о теоретических выкладках, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, совершенных юридическими лицами, иными словами (используя сослагательное наклонение), с какими сложностями столкнулся бы следователь, расследуя данные преступления и проведя отдельные следственные действия.

Хотелось бы рассмотреть не все, а именно те следственные действия, при проведении которых следователь может столкнуться с определенными проблемами при расследовании преступлений, совершенных юридическими лицами.

К наиболее сложным, как представляется, в тактическом отношении, следует отнести такие следственные действия, как осмотр, обыск и допрос.

Тактика осмотра места происшествия проводимого по факту совершения преступления юридическим лицом имеет свои особенности, а также сложности:

— в организации охраны места происшествия до прибытия следственно-оперативной группы, поскольку сотрудники организации могут внести изменения в обстановку места происшествия в силу своих должностных обязанностей (технический персонал, клининговые компании и т. д.). На большинстве предприятий уборка, как внутри помещений, так и на прилегающей территории начинается в утренние часы;

— в обеспечении присутствия представителей организации и материально-ответственных лиц, при проведении осмотра;

— в наличии территорий, помещений, складов, офисов и т. п., принадлежащих разным юридическим лицам, расположенных в одном здании или на участке местности, но находящихся в различных отно-

шениях собственности (собственники, арендаторы, субарендаторы и т. п.);

— в определении границ предполагаемого места совершения преступления, а следовательно, места осмотра в случаях отсутствия представителей юридического лица и отсутствии указателей, табличек, наименования предприятия и т. п.;

— в ограничении по применению технико-криминалистических средств фиксации (фото, — видеосъемки), поскольку в кадре могут оказаться объекты и предметы расположение рядом с местом происшествия, но не принадлежащие организации, в отношении которой было совершено преступление, что в последствии может оказаться предметом судебного спора.

Сложности тактического характера при проведении обыска во многом переключаются со сложностями указанными при проведении осмотра места происшествия. Вместе с тем, можно отметить, что организация проведения обыска на предприятиях и организациях имеет свои особенности. Сложности различного характера обусловлены теми обстоятельствами, что обыск проводится у юридического лица, следовательно, необходимо учитывать при подготовке к обыску следующие обстоятельства:

— более организованный уровень противодействия со стороны юридического лица (наличие собственной системы безопасности и охраны, наличие коррумпированных и личных связей сотрудников организации с сотрудниками правоохранительных органов и органов федеральной и муниципальной власти);

— существующие финансовые и технические возможности высокого профессионального уровня создания тайников, тайных комнат и более сложных систем кодирования и защиты информации находящейся на электронных на локальных и удаленных носителях;

— экстренная система оповещения сотрудников о предстоящем обыске и возможных способах уничтожения или повреждения имущества, документов и иных объектов имеющих значение при проведении обыска;

— нахождение мест предполагаемого обыска на значительном удалении друг от друга, например, когда офис предприятия находится в центре города, а логистические помещения далеко за его пределами.

Следует обратить внимание, что при проведении обыска на предприятиях и организациях необходимо уделять большое внимание его подготовке с учетом особенностей рассматриваемых криминалистической тактикой в целом и в частности настоящими рекомендациями.

Тактика допроса имеет общие черты с тактикой допроса участников групповых и организованных преступлений, проводимых в условиях конфликтной ситуации, но также имеет свои особенности. Во-первых, в отличие от организованной группы или сообщества, где присутствует преступная иерархия (организатор, непосредственный исполнитель, физический или интеллектуальный пособник), у юридического лица присутствует профессиональная иерархия соподчинения (начальник, простой работник, бухгалтер, технический персонал и т. д.), что, в свою очередь, может оказывать влияние на полноту и правдивость показаний соучастников. Во-вторых юридическое лицо может умело противодействовать расследованию создавая ложное алиби, при проверке которых можно столкнуться с проблемой, когда тактические приемы позволяющие изобличить группу в совершении преступления не будут иметь должный эффект.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что при расследовании преступления должны быть установлены характер и степень вины каждого лица совершившего преступление, вместе с тем, возникают закономерные вопросы о предмете и пределах доказывания, поскольку юридическое лицо обезличено. Надеюсь, что дальнейшее обсуждение данных вопросов позволит сформировать единую позицию теоретиков и правоприменителей по данному вопросу.

Т. В. Нутрихина

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ

В системе права России существует пять основных видов юридической ответственности:

- гражданско-правовая (из договорных и внедоговорных обязательств),
- материальная (сторон трудового договора друг перед другом — по разным основаниям для работника и работодателя),
- дисциплинарная (ответственность работника, служащего за нарушение дисциплины),
- административная (за совершение административных правонарушений, установленных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях);
- уголовная (за совершения преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации).

В последнее время по причине наличия соответствующих кодексов и своих отличительных особенностей выделяется ещё два вида юридической ответственности, производные от административной: налоговая и бюджетная.

Юридическое лицо как субъект правоотношения по действующему законодательству России не может быть привлечено к дисциплинарной и уголовной ответственности, но его представители (физические лица, занимающие соответствующие должности) могут быть привлечены к каждому виду юридической ответственности (при наличии соответствующего состава в их деянии и соблюдении установленной процедуры).

Однако в ряде случаев у одного правонарушения (административного проступка) возможен различный субъектный состав (субъектом ответственности может быть юридическое лицо, его должностное лицо, физическое лицо), а тяжесть применяемой меры ответственности зависит именно от субъекта, к которому она применяется. В результате, во-первых, у органа, применяющего юридическую ответственность

к нарушителю, возникает возможность (проблема) выбора: какого именно субъекта привлечь к юридической ответственности. То есть, нет единого порядка выбора субъекта, и применяемые меры ответственности непосредственно зависят от правоприменителя, а не от тяжести правонарушения.

Кроме того, во-вторых, тяжесть применяемой меры ответственности не соответствует тяжести правонарушения и обстоятельствам его совершения, так как деление субъектов и мер ответственности проводится по формальному признаку (организационно-правовая форма, возможность выделить виновное физическое лицо), а не по качественным, существенным признакам.

Например, за нарушения трудового законодательства меры административной и уголовной ответственности должны зависеть от численности работников, права которых нарушались работодателем, от невыплаченной каждому работнику доли заработной платы, от возможности существовать на полученные средства, так как именно эти показатели реально отражают тяжесть проступка (какие отношения, как сильно и применительно к какому количеству субъектов были нарушены), а не общий размер невыплаченной заработной платы.

В связи с отсутствием единого порядка выбора субъекта ответственности и прямой зависимости меры ответственности от тяжести правонарушения не соблюдаются принципы юридической ответственности:

- законности (так как единый порядок выбора субъекта и меры ответственности законом не определён),

- справедливости (так как вид и мера наказания не соответствует тяжести правонарушения),

- целесообразности (так как мера воздействия на нарушителя не соответствует целям юридической ответственности),

- неотвратимости (так как на практике можно посчитать субъектом ответственности одно физическое или должностное лицо, не устанавливая полный круг виновных и не привлекая их к ответственности: ответственность в таком случае наступает не за каждое нарушение и не для каждого нарушителя).

Раз при существующем порядке применения норм о юридической ответственности нарушаются все её принципы, то существенно страдают (не выполняются) и функции юридической ответственности:

- превентивная, воспитательная и регулирующая, — зная о возможности уклониться от ответственности вообще или от её тяжёлой меры в частности, субъект не стремится соблюдать установленные правила поведения;

— карательная и праввосстановительная (компенсационная) — из-за несоразмерности применяемой кары, иногда даже уничтожающей возможность праввосстановления или компенсации.

Например, бывает чрезмерное наказание за незначительное нарушение, если к административной ответственности в форме штрафа за нарушение трудового законодательства привлекается юридическое лицо, не имеющее прибыли и/или с малой численностью работников. Такое наказание может привести к ликвидации работодателя, в результате чего не только не будет восстановлено право работников на выплату задержанного заработка, а и вообще утратятся все трудовые права в связи с признанием работодателя банкротом. А бывает и недостаточное наказание, когда за такое нарушение привлекается к ответственности должностное лицо крупного юридического лица или индивидуальный предприниматель с очень большой численностью работников: субъект вообще не воспримет такое наказание как кару и продолжит нарушать права работников, соответственно, праввосстановления опять же не произойдёт.

Для соблюдения принципов и выполнения функций юридической ответственности необходимо вводить в соответствующие законы вместо применяемых другие виды субъектов (например, вместо юридических лиц и индивидуальных предпринимателей — малые, средние и крупные организации/предприниматели) и другие составы объективной стороны правонарушения (например, вместо общего размера суммы нарушения — количество пострадавших и доля их страдания, включая, в частности, возможность или невозможность существовать на сумму, выплаченную работникам вместо должного размера заработной платы).

Кроме того, возникает вопрос: зачем применителю юридической ответственности (кроме уголовной) вообще разбираться, какое именно должностное лицо виновно в совершении конкретного правонарушения, когда можно привлечь к ответственности юридическое лицо в целом в лице его представителя?

Какое именно должностное лицо виновно и в какой мере — этот вопрос должен разбираться от имени юридического лица «внутри» него самого или путём обращения в юрисдикционные органы (например, для взыскания с виновного суммы штрафа в рамках материальной ответственности или для привлечения виновного работника к дисциплинарной ответственности) либо органами дознания и следствия (при возбуждении уголовного дела). Такое разделение возможно и в рамках действующего законодательства, так как им предусмотрена возможность привлечения и к административной ответственности (например,

при возбуждении дела прокурором — ст. 28.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях), и к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации (ст. 23 Уголовного кодекса РФ). Только нужно исключить пересечение административной ответственности и решить вопрос с конфликтом интересов.

Пересечение административной ответственности юридического лица и конкретного его должностного лица возможно, так как сейчас назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо (и наоборот). Чтобы исключить пересечение ответственности, нужно

— либо разграничить меры ответственности (виды административного наказания), например, не применять штрафы к должностным лицам (только к организациям, предпринимателям и простым физическим лицам, не выступающим в рассматриваемом составе в качестве должностного лица);

— либо автоматически привлекать к административной ответственности не организацию, а всех её представителей (по учредительным документам и распорядительным актам — главного начальника и всех его заместителей, имеющих право принимать соответствующее решение). Тогда не будет возможности найти одного «без вины виноватого», и руководители начнут осознавать степень своей ответственности за все деяния организации и её представителей.

Возможно и объединение указанных мероприятий: и разграничение мер взысканий, и автоматическое привлечение к административной ответственности и организации, и всех представляющих её должностных лиц.

Такое автоматическое привлечение к ответственности всех представителей почти буквально следует из существующих формулировок норм различных отраслей российского права. Согласно положениям гражданского законодательства, ответственность за деятельность юридического лица возлагается на его учредителей (участников) и/или должностных лиц юридического лица (в соответствии с учредительными документами и распорядительными актами этих лиц). По нормам трудового законодательства, права и обязанности организации–работодателя в трудовых отношениях осуществляются органами управления юридического лица (организации) или уполномоченными ими лицами и иными лицами, уполномоченными на это в соответствии с федеральным законом (ст. 20 Трудового кодекса РФ). Законные и уполномоченные представители организации рассматриваются и в ст. 27, 29 Налогового кодекса РФ.

Конфликт интересов при привлечении к юридической ответственности в настоящее время возможен не только в государственных и муниципальных, но и в частных организациях. Например, уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя организации или с его согласия, однако сам руководитель может быть непосредственно виновным, в связи с этим не согласным с возбуждением дела о привлечении его к ответственности, и при том он может каким-либо незаконным образом препятствовать иным (зависимым) лицам подать соответствующее заявление.

Если же вводить уголовную ответственность юридического лица, то необходимо коренным образом пересматривать все положения об уголовном наказании: не только субъектов уголовной ответственности, но и её формы и меры (абсолютное большинство видов уголовных наказаний неприменимо к организациям), порядок привлечения к ней (как бы не пришлось создавать отдельные суды — менять судебную систему) и её последствия (судимость).

Для квалификации преступления исключительное значение имеет такая составляющая субъективной стороны преступления, как форма вины. Но возможно ли говорить о форме вины юридического лица, если само по себе это лицо является юридической фикцией? В действующем законодательстве, если применительно к юридическому лицу и используется категория вины, то уж точно без разграничения на умысел и неосторожность: она или есть, или отсутствует (часто — исходя из действующих презумпций, в случае спора — исходя из представленных доказательств). Например, для привлечения юридического лица к административной ответственности, по сути, достаточно неосторожной вины, так как юридическое лицо признаётся виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ). Как тогда разграничить применительно к организации умышленные и неумышленные преступления и виды умысла? Справедливости ради нужно отметить, что, например, содержащиеся в Уголовном кодексе РФ составы преступлений в сфере нарушения трудового права не имеют в качестве квалифицирующего признака форму вины.

Одной из важнейших особенностей уголовного наказания является то, что со дня вступления в законную силу обвинительного приговора суда до момента погашения или снятия судимости лицо, осуждённое за совершение преступления, считается судимым (ст. 86 Уголовного кодекса РФ). Судимость учитывается при рецидиве преступлений, назна-

чении наказания и влечёт за собой иные правовые последствия в установленных федеральными законами случаях и порядке (так как по действующему законодательству России субъектом уголовной ответственности может быть только физическое лицо, никаких последствий судимости для юридического лица в российском праве нет). Длительность судимости (срок, по истечении которого она погашается) зависит:

— от продолжительности испытательного срока, назначенного судом (для осужденных условно);

— от формы уголовного наказания (при осуждении к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы, судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения наказания);

— от тяжести преступления, за которое лицо осуждено к лишению свободы (судимость может длиться от трёх до десяти лет после отбытия наказания или после освобождения от отбывания наказания);

— от поведения осуждённого после отбытия наказания, наличия его ходатайства и решения суда (снятие судимости до истечения срока её погашения);

— от актов амнистии (с лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость).

Рецидив преступлений — это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершённое умышленное преступление (ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса РФ). Поэтому, исходя из сказанного ранее о формах вины юридических лиц, применительно к последним в рамках действующего законодательства судимость могла бы учитываться только при назначении уголовного наказания.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В настоящее время институт юридической ответственности в российской системе права не совершенен, как в части установления состава правонарушений (видов субъектов и объективной стороны), так и в части установления порядка применения (выбора) субъекта, форм и мер юридической ответственности, что приводит к нарушению принципов и невыполнению функций юридической ответственности.

Для решения проблем с видами субъектов юридической ответственности и соразмерности применяемых к ним взысканий, надо вместо юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ввести другие виды субъектов — малые, средние и крупные организации (предприниматели), — именно от этих категорий должна зависеть тяжесть меры взыскания (как и от тяжести правонарушения).

Для решения проблем объективной стороны административных проступков надо исходить не столько из общего размера причинённого ущерба (вреда), сколько из степени вреда, причинённого охраняемым

общественным отношениям. В частности, вместо общего размера невыплаты заработной платы и иных выплат установить в качестве критерия количество пострадавших и долю их страдания, включая возможность или невозможность существовать на сумму, выплаченную вместо должной (например, исходя из выплаченной части, её соотношения с величиной прожиточного минимума, количества иждивенцев, наличия иных источников для их содержания).

Для решения проблемы обеспечения единообразия выбора субъекта ответственности и применяемых к нему форм и мер взысканий можно, во-первых, разграничить формы взысканий (видов наказаний) между различными видами субъектов ответственности (для каждого установить свой перечень без пересечений), и, во-вторых, автоматически привлекать к административной ответственности и организации, и всех представляющих её в нарушенных отношениях лиц.

Введение же уголовной ответственности для юридических лиц в российской действительности вряд ли оправдано, так как, с одной стороны, потребует пересмотра основ уголовного законодательства, и, с другой стороны, особой меры ответственности оно не создаст: штраф в большем размере можно установить и в пределах административного права. Ведь если радикально не менять виды уголовного наказания, то при введении уголовной ответственности юридических лиц изменятся только название, отраслевое регулирование (штраф вместо административного будет уголовным) и судимость юридического лица будет влиять на меру наказания (размер штрафа).

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

И. Г. Рагозина

*Частное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Омская юридическая академия», г. Омск*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗА И ПРОТИВ

Дискуссия по вопросу о целесообразности установления в российском уголовном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц ведется на протяжении почти 20 лет. Проект Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривал такую возможность, однако законодатель от этой идеи отказался.

В 2011 г. в дискуссию активно включился Следственный комитет Российской Федерации, который подготовил проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». По мнению авторов проекта, внесение представленных поправок должно изменить ситуацию.

Основные аргументы, нашедшие отражение в теории уголовного права в пользу установления такой ответственности, сводятся к следующему.

Во-первых, участие в событии преступления юридического лица значительно повышает общественную опасность деяния, поскольку коллективный субъект обладает большими финансовыми, организационными и иными возможностями для подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Во-вторых, отсутствие уголовной ответственности юридических лиц не соответствует принципу справедливости уголовного наказания.

В-третьих, наличие уголовной ответственности юридических лиц будет способствовать повышению превентивной роли уголовного закона в сфере предупреждения преступности.

В-четвертых, введение уголовной ответственности юридических лиц позволит привести законодательство Российской Федерации в соответствие с международными стандартами. В-пятых, возможность доказывания в рамках административного производства по сравнению с уголовным судопроизводством весьма ограничены, а именно по таким делам не могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия.

Достаточно часто сторонники уголовной ответственности юридического лица обращаются к зарубежному законодательству, отмечая, что этот вид уголовной ответственности существует в странах англосаксонского права, в том числе в Англии, Австралии, США, Шотландии, Ирландии, Канаде. Ответственность юридических лиц введена в государствах Евросоюза.

Г. К. Смирнов отмечает, что одной из основных причин происшедших в последние годы авиационных катастроф, потоплений судов, обрушения угольных шахт, а также других техногенных катастроф, повлекших человеческие жертвы, была экономия на закупку оборудования, обеспечивающего безопасность производства, а также обучение персонала. По его мнению, установление за такие преступления уголовной ответственности юридических лиц позволит сместить вектор наказания за преступление в сторону неблагоприятных последствий для организации, которая наряду с физическим лицом будет нести ощутимые имущественные потери. Кроме того, угроза уголовно-правовых санкций будет мотивировать компании более ответственно подходить к обеспечению безопасности, инвестиционной стратегии и способствовать принятию ими действенных мер контроля за членами органов управления [1 с. 69].

Сложно возразить автору относительно причин, которые приводят к совершению преступлений, связанных с нарушением правил безопасности ведения работ, предусмотренных, например, ст. ст. 216, 217, 219, 269 УК РФ и др. Однако не следует забывать и о человеческом факторе, играющем немаловажную роль в совершении этих преступлений, например, нарушение указанных правил, причиной которого послужило алкогольное опьянение конкретного лица, за которое придется расплачиваться всей организации.

Административное законодательство знает меры воздействия на юридическое лицо в случае, если им допускаются предусмотренные КоАП РФ противоправные действия. Глава 9 посвящена вопросам ответственности за административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике. Например, ст. 9.1, предусматривающая ответственность за нарушения требований промышленной безопасности, содержит наказание в виде административного штрафа для юридического лица в размере от двухсот до трехсот тысяч рублей. Еще более строгое наказание — от пятисот тысяч до одного миллиона рублей — предусмотрено наказание по ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение установленного порядка строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, ввода его в эксплуатацию. Кроме этого, санк-

ция статьи допускает возможность приостановления деятельности организации на срок до девяноста суток. Заметим, что санкция ч. 1 ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» предусматривает наказание в виде штрафа до восьмидесяти тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо без такового. Другое дело, что суды, к сожалению, практически не пользуются правом лишать виновных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Если мы обратимся к преступлениям в сфере экономики, которые, по мнению экспертов, представляют серьезную опасность экономической безопасности и отличаются корыстной направленностью, то можем констатировать, что наказание за них назначается, как правило, минимальное, совершенно несоизмеримое с причиненным ущербом. Мы предвидим возражения относительно того, что причиненный вред и наказание это разные вещи, что абсолютно верно и не оспаривается нами. Возмещение вреда, причиненного действиями руководителя или иного лица, достаточно полно регламентируется нормами гражданского законодательства.

В качестве примера можно привести решение арбитражного суда по иску страховой компании «Энергогарант» к ОАО «Омский речной порт». «Энергогарант» потребовал с виновника крушения теплохода «Полесье-8» сумму в 26,7 миллиона рублей. Эти деньги страховая компания выплатила в качестве компенсации семьям жертв и пострадавшим на «Полесье-8», а затем предъявила регрессное требование к компании — работодателю виновных лиц. Пассажирский теплоход «Полесье-8» потерпел крушение в августе 2013 г. в результате столкновения с баржей на Иртыше. Шесть человек погибли, 50 получили травмы. Виновными признали капитана теплохода, выпущенного в рейс с признаками алкогольного опьянения, и сотрудника речного порта, выпустившего его в рейс, — бывшего начальника службы пассажирских перевозок. Виновные были приговорены соответственно к 4,5 и 3 годам лишения свободы условно. Представитель ОАО «Омский речной порт» попросил снизить в 10 раз регрессное требование страховой компании на основании того, что предприятие и так находится в тяжелом финансовом положении. Однако эти доводы во внимание приняты не были [2].

Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 61 ГК РФ в качестве крайней меры юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда в случае допущенных при его создании грубых нарушений закона, если эти нарушения носят неустранимый характер, либо осуществления деятельности без надлежащего разрешения (лицензии), либо за-

прещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов, либо при систематическом осуществлении некоммерческой организацией, в том числе общественной или религиозной организацией (объединением), благотворительным или иным фондом, деятельности, противоречащей ее уставным целям, а также в иных случаях, предусмотренных ГК РФ.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. № 14-П положение п. 2 ст. 61, согласно которому юридическое лицо может быть ликвидировано по решению суда, если данное юридическое лицо осуществляет деятельность с неоднократными нарушениями закона, признано не противоречащим Конституции Российской Федерации. Поэтому, что касается мнения нарушения принципа справедливости наказания для физических и юридических лиц, то можно поспорить, для кого наказание окажется строже. Ликвидация юридического лица — это, по сути, вынесенный для него смертный приговор. Кроме этого, если к уголовной ответственности будет привлечен руководитель и в качестве наказания он будет лишен права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то организация лишится возможности заниматься преступной деятельностью.

Что касается довода относительно необходимости проведения оперативно-розыскной работы, то ее вполне достаточно в рамках установления виновности физического лица — руководителя организации. Полагаем, что в настоящее время существует достаточный арсенал правовых мер, позволяющих реализовать ответственность и физических, и юридических лиц при совершении ими противоправного деяния, что исключает введение уголовной ответственности юридических лиц. Нестабильность закона, в том числе и уголовного, влечет за собой снижение его эффективности. Любые изменения в законе должны быть взвешенными, продуманными, а не рефлекторными. Как известно, разрушить всегда проще, чем создать новое. Более того, установление такого вида ответственности приведет к необходимости реформирования административного, гражданского, налогового законодательства, к чему в настоящее время наша правовая система.

Список использованных источников

1. Смирнов Г. К. Какой будет уголовная ответственность юридических лиц // Уголовный процесс. — 2014. — № 10. — С. 69.
2. С «Омского речпорта» взыскали 26 миллионов за компенсации жертвам «Полесья-8» [Электронный ресурс] // <http://www.bk55.ru/news/article/46052/> (дата обращения 04.02.2015)

И. В. Розумань

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Проблема вины и основание уголовной ответственности в уголовном праве детально изучена и описана, но в связи с переходом к рыночным отношениям возникает ряд трудностей в процессе применения норм уголовного законодательства, посвященных преступлениям в сфере экономической деятельности, экологическим преступлениям, коррупционным преступлениям, преступлениям экстремистской и террористической направленности.

В связи с этим, вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц является широко обсуждаемым. Ситуация довольно спорная, потому что появляется противоречие самому пониманию виновности лица, установленной Уголовным кодексом.

Так, например, проведенное в 1999-2005 гг. анкетирование сотрудников правоохранительных органов по вопросу «Как вы относитесь к установлению уголовной ответственности юридических лиц?» показало: из всех опрошенных 40,5 % ответили, что данный вопрос требует изучения; 38,7 % — против установления такой ответственности; 15,3 % высказались за установление уголовной ответственности юридических лиц, а 5,5 % ответили, что постановка этого вопроса преждевременна. Прокуроры (18 %) и судьи (15,3 %) считали, что институт уголовной ответственности юридических лиц требует дальнейшего изучения. Аналогичного мнения придерживались 7,2 % следователей.

В результате проведенного в 2005-2008 гг. анкетирования среди профессорско-преподавательского состава юридических вузов и факультетов, а также социологических опросов работников правоохранительных органов был выявлен возросший интерес к проблеме уголовной ответственности юридических лиц по сравнению с периодом 1999—2005 гг. Из всех опрошенных 59,3 % ответили, что данный вопрос требует изучения; 18,2 % — против установления такой ответственности; 18,8 % были за установление уголовной ответственности юридических лиц, а 2,7 % ответили, что постановка этого вопроса преждевременна. [1. с. 15.]

Уголовное право предусматривает ответственность физических лиц в связи с наличием у них воли, мышления и психического отношения к содеянному, т. е. согласно теории права — вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающимся в форме умысла или неосторожности [2, с. 304].

При законодательном оформлении уголовной ответственности юридических лиц необходимо учитывать, что преступления, совершаемые юридическими лицами, имеют свои особенности. Общим основанием для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности является совершение преступления, предусмотренного законом. В уголовном законодательстве должно быть оговорено, в каких случаях юридическое лицо может быть субъектом преступления.

В силу своей особенности юридические лица в большинстве случаев могут совершить преступления лишь посредством физических лиц (индивидов), выступающих в качестве его законного представителя. В силу этих обстоятельств юридическому лицу может вменяться в вину только поведение таких лиц, которые находятся в определенной связи с этим коллективно хозяйствующим субъектом, предприятием, учреждением, организацией, т. е. индивида, правоспособного представлять юридическое лицо в его внешней и внутренней деятельности. Общеизвестно, что волеизъявление юридического лица, выражающееся в его поведении, признается настоящей его волей, если от его имени выступают (действуют или бездействуют) уполномоченные на это его представители.

Уголовный закон должен связывать преступления, совершенные юридическими лицами, не только с совершением самого действия (бездействия), но и с наступлением тяжких последствий (гибель людей, значительная недостача товаров и материальных ценностей). Ответственность юридических лиц должна возникать только при условии, что существует причинная связь между причиненным ущербом (тяжкими последствиями) и антиобщественным и противоправным поведением юридических лиц.

Всесторонняя оценка преступного поведения юридических лиц включает в себя оценку целей, субъективных намерений этого поведения. Понимание вины как определенного психологического отношения к совершенному преступному деянию и его последствиям неприменимо к юридическому лицу. Вина юридических лиц, совершивших преступные деяния, может быть понята лишь как деяние ее правоспособных представителей, которые могут действовать как умышленно, так и неосторожно. Вина предполагается при любом преступном деянии

юридических лиц. Представляется, что уголовная ответственность юридических лиц должна наступать лишь за определенное преступление или за определенную группу преступлений, при этом она должна быть как бы «трансформацией» уголовной ответственности физических лиц — предприятий, учреждений, организаций.

Необходимо признание того, что виновность юридических лиц есть виновность лиц, его составляющих, а также лиц, организующих его деятельность. Однако вина конкретных лиц или конкретных структур юридического лица, совершивших преступное деяние, должна дифференцироваться с учетом всех обстоятельств совершения преступления.

Сущность юридического лица и его природу как сложного социального явления позволяет определить одна из теорий — «теория фикций», согласно которой — юридическое лицо в качестве субъекта правоотношений существует лишь в силу закона и благодаря социально-экономической необходимости в участии в экономическом обороте наряду с физическими лицами их специальных социальных образований (корпораций).[3]

Поэтому, фиктивность юридического лица как субъекта права свидетельствует о том, что корпорация не может совершить какого-либо деяния (в том числе и уголовно-противоправного) как некая самостоятельная личность, абстрагированная от коллектива ее составляющего. Таким образом, деяние юридического лица — это фикция.

Таким образом, согласно основным положениям уголовного права, вина как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и его последствиям в форме умысла или неосторожности, выражается в совокупности определенных психических процессов, происходящих в центральной нервной системе человека. Следовательно, юридическое лицо (фиктивное по своей природе, не обладающее ни телом, ни разумом) не может быть признано субъектом преступления.

Список использованных источников

1. Абашина Л. А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.

2. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении. Том 1. Учеб. для вузов. /под ред. Н. Ф. Кузнецовой. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — 624 с.

3. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. — М., 2003.

Н. В. Рубцова

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
г. Новосибирск*

**ПРОЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ**

Согласно ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Легальное определение предпринимательской деятельности дано в ст. 2 Гражданского кодекса РФ: предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Предпринимательская деятельность является основой рыночной экономики. Через призму понятия предпринимательской деятельности осуществляется правовое регулирование экономических отношений.

Право граждан заниматься предпринимательской деятельностью — одна из важнейших гарантий свободного развития личности. На конституционном уровне наряду с понятием «предпринимательская деятельность» используется термин «экономическая деятельность». Подобная терминология встречается и в иных нормативно-правовых актах. Так, согласно ст. 1 Арбитражного процессуального кодекса, правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации.

В судебной практике также используют термин «экономическая деятельность», но не расшифровывают данное понятие.

Исходя из данных актов, экономическая деятельность — более широкое понятие, которое полностью поглощает предпринимательскую деятельность. В научной литературе предпринимательская деятельность нередко сравнивается с иными видами деятельности.

Вместе с тем, термин «экономическая деятельность» редко используется в научной литературе. Целесообразность использования этого понятия объясняется лишь тем, что в законодательстве встречаются его производные, так или иначе отражающие различные аспекты экономики и учитываемые в правовом регулировании экономических отношений.

Также в законодательстве и литературе встречается термин «хозяйственная деятельность», существовавший не только во времена рыночной, но и в период плановой экономики. Термин «хозяйственная деятельность» шире, чем предпринимательская.

Несмотря на то, что в современных научных исследованиях чаще всего используется термин «экономическая деятельность», в нормативно-правовых актах предпочтение отдается термину «хозяйственная деятельность». В частности, такая терминология используется в Гражданском кодексе РФ (ст. ст. 107, 748, 1350 и др.), Жилищном кодексе РФ (ст. ст. 120, 150—152), Земельном кодексе РФ (ст. ст. 1, 7, 12, 13, 31, 56 и др.), Налоговом кодексе РФ (ст. ст. 150, 288.1, 333.2, 346.26 и др.), Трудовом кодексе РФ (ст. 193), Уголовном кодексе РФ (ст. 185.1) и т. д. В ст. 54 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ» предлагается следующее соотношение хозяйственной и предпринимательской деятельности: предпринимательская деятельность как часть хозяйственной деятельности.

Вместе с тем, заметим, что законодательство ряда стран оперирует термином «хозяйственная деятельность». Так, согласно ст. 3 Хозяйственного кодекса Украины под хозяйственной деятельностью понимается деятельность субъектов хозяйствования в сфере общественного производства, направленная на изготовление и реализацию продукции, выполнение работ или предоставление услуг стоимостного характера, которые имеют ценовую определенность. Также украинское законодательство ограничивает предпринимательскую хозяйственную деятельность (осуществляется с целью получения прибыли) от некоммерческой хозяйственной деятельности (осуществляемой без цели получения прибыли).

Следовательно, предпринимательская деятельность — одна из разновидностей экономической деятельности.

Исходя из легального определения, многие исследователи характеризуют отдельные признаки предпринимательской деятельности.

1. Предпринимательская деятельность осуществляется на постоянной основе. Для такой деятельности характерен особый субъектный состав: юридические лица и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

2. Для предпринимательской деятельности характерен профессионализм, поскольку для успешного ее осуществления недостаточно лишь провозгласить цель получения прибыли, необходимо уметь квалифицированно, т. е. профессионально выполнять ту или иную деятельность. Для полноценного функционирования предприниматель должен обладать такими качествами, как инициативность, готовность к оправданному риску. Признак профессионализма является одним из основных. Неслучайно в развитии теории предпринимательства существовало несколько направлений, связанных с исследованием этого признака.

3. Также предпринимательская деятельность характеризуется рисковым характером. Под коммерческим риском в юридической и экономической литературе понимают возможные неблагоприятные имущественные последствия деятельности предпринимателя, не обусловленные какими-либо упущениями с его стороны.

4. Предпринимательская деятельность направлена на извлечение прибыли. В соответствии с гражданским законодательством прибыль является безусловной целью предпринимательской деятельности.

5. Квалифицирующим признаком предпринимательской деятельности можно считать и систематический характер извлечения прибыли.

6. Предпринимательская деятельность осуществляется от своего имени и под свою имущественную ответственность.

7. Самостоятельность и инициативность предпринимательской деятельности. Однако существуют легальные ограничения самостоятельности, такие как, например, лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности, официальное признание статуса несамостоятельных (ограниченно самостоятельных) предпринимателей (дочерних и зависимых хозяйственных обществ) и ряд других.

Несмотря на свободу и самостоятельность осуществления предпринимательской деятельности, данная деятельность подлежит государственному и муниципальному контролю со стороны уполномоченных органов.

Согласно Федеральному закону № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 г. государственный контроль (надзор) представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями (далее также — юридические лица, индивидуальные предпри-

ниматели) требований, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, посредством организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями.

Отдельные полномочия по осуществлению федерального государственного лесного надзора (лесной охраны), федерального государственного пожарного надзора, государственного надзора в области использования и охраны особо охраняемых природных территорий, государственного портового контроля в соответствии с федеральными законами могут осуществляться государственными учреждениями, подведомственными соответственно федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

При осуществлении государственного и муниципального контроля не исключены злоупотребления со стороны уполномоченных органов, что, в свою очередь, может порождать факты коррупции. Причины злоупотребления, на наш взгляд, обусловлены, прежде всего, недостаточной конкретизацией мер и правил проведения такого контроля. Кроме того, не все виды предпринимательской деятельности подлежат контролю в соответствии с Федеральным законом № 294-ФЗ. В частности, отдельным законодательством урегулирован налоговый, экспортный, лицензионный контроль, контроль в сфере образования и многие другие (всего около 30-ти видов).

Представляется, что основными мерами предупреждения коррупции при осуществлении государственного контроля при осуществлении предпринимательской деятельности должны стать сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами, а также приоритетное применение мер по предупреждению коррупции. Применение последней меры возможно только при чётком и наиболее полном законодательном урегулировании всех действий государственных и муниципальных органов при осуществлении ими контроля (надзора).

Д. А. Савченко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, г. Новосибирск*

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(XI—XIII ВЕКА)**

1. Уголовная ответственность юридических лиц является разновидностью мер карательного характера, налагаемых на определенный коллектив как субъект правовых отношений. Подобные коллективные карательные меры издавна применялись представителями политической власти в качестве правового средства защиты общественных отношений от противоправных, с их точки зрения, посягательств. Они были продолжением военных мер защиты политических интересов господствующих социальных групп.

Летописи свидетельствуют о том, что и Древнерусское государство не было исключением в этом отношении. Карательные меры защиты политических интересов русских князей активно использовались для охраны политических отношений и обеспечения безопасности их участников.

Репрессии могли быть индивидуальными, адресованными конкретным лицам, совершившим действительное или мнимое правонарушение политического характера, так и могли носить коллективный, массовый характер, распространяясь на определенные группы населения.

2. Одной из первых упомянутых в летописях массовых карательных акций явилась расправа, осуществленная над жителями города Киева сыном князя Изяслава Ярославича Мстиславом весной 1069 г. Репрессии стали реакцией на восстание киевлян против своего князя Изяслава, в результате которого князь был из Киева изгнан, а княжеский двор разграблен.

Летописи сообщают, что в 1067/1068 г., после поражения князей Изяслава и Всеволода от половцев и нападения половцев на Киев, в городе возникло враждебное князю Изяславу движение. Князь, с которым у горожан и ранее были конфликтные отношения, был обвинен в поражении и отказе выдать горожанам оружие и коней для защиты от половцев.

Недовольство князем перешло в открытое столкновение. «Створившее» вече на торговище (на Подоле), киевляне решили заменить Изяслава полоцким князем Всеславом, который содержался под стражей в княжеском порубе. Изяслав с Всеволодом бежали со двора, а Всеслав был провозглашен князем. Спустя 30 лет, вспоминая об этом событии, киевляне приписывали освобождение Всеслава партии злоумышленников: «высекшее Всеслава ис поруба, злии они, и поставиша князя себе, и много зла бысть про то граду нашему».

Изяслав отправился в Польшу к своему родственнику королю Болеславу Смелому. Весной 1068/1069 г. он и Изяслав выступили в поход на Киев.

Всеслав бежал в Полоцк: «Приде Изяслав с Ляхи, а Всеслав бежа Полотьску и погоре Подолие».

Киевское вече приглашало на княжение братьев Изяслава — князей Святослава и Всеволода Ярославичей: «И створиша вече, послашася к Святославу и к Всеволоду, глаголющее: мы же зло створили есмы, князя своего прогнавшие, а се ведеть на ны землю Лядскую; а поиде в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегши город свой, и ступити в Грецискую землю».

После получения отказа киевляне решили подчиниться Изяславу, который пообещал братьям «не губить» город Киев. В то же время, он направил вперед своего сына с отрядом дружины. Мстислав осуществил расправу над киевлянами: 70 человек было казнено через отсечение головы. Кроме того, много киевлян был ослеплено [1. С. 321].

2 мая 1069 г. Изяслав вторично вокняжился в Киеве. Летописи (Ипатьевская. С. 121—122, 246; Лаврентьевская. С. 168; Первая Новгородская. С. 2) сообщают, что торговище, на котором происходили вече, было переведено с Подола на Гору («взгна торг на гору»), чтобы исключить возможность собираться вдали от княжьего двора [2. С. 68—75].

Таким образом, Киев не претерпел разрушительных военных мер, обычно применяемых к захваченным силой городам. В то же время, имела место система карательных мер, призванных обезопасить княжение Изяслава на перспективу.

Она включала сожжение Подола и перевод торговища из этого района в район княжьего двора, а также убийство и массовое ослепление жителей города. При этом Лаврентьевская летопись осуждает князя за то, что он произвел казнь без суда — «иных без вины погубил».

3. События 1069 г. в Киеве стали свидетельством, пожалуй, первой попытки применить в древнерусской практике карательные меры защиты политических интересов князя в его отношениях с населением,

вытекающие из христианской идеи богоустановленности власти и почитания властей.

Как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, в условиях вечевого строя русских земель борьба населения или его части со своим князем расценивалась как «обычная политическая борьба партий, а не как преступление» [1. С. 321].

С точки зрения населения борьба горожан против своих князей означала не борьбу против княжеской власти, а «стремление отыскать наилучшего князя». Кроме того, городские восстания (особенно при смене князя) могли расцениваться как своеобразная форма преследования (осуждения) представителей власти за неисполнение ими своих обязанностей [1. С. 67—68, 322].

В то же время, духовенство с самого начала христианской церкви на Руси переносило на государственную власть византийские понятия. Нередко по отношению к русским князьям применялись и византийские термины. Так, в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» (XI в.) святой Владимир называется «самодержцем всея русския земли». В так называемом Мстиславовом Евангелии (начала XII в.) и служебнике Варлаама Хутынского (конца XII в.) русские князья называются цесарями, а их княжение цесарством. Те же титулы употребляют в приложении к некоторым древнерусским князьям летописи Ипатьевская и Лаврентьевская [3. С. 459].

Поэтому церковь выступала с осуждением попыток насильственного, с нарушением признаваемого в христианском государстве порядка, менять князей. Она поддерживала меры, предпринимаемые по восстановлению порядка.

Древнерусская практика уже знала примеры расправы князя с горожанами, посягнувшими на его интересы. Так, летописи под 1015 г. сообщают, что, когда в Великом Новгороде при Ярославе новгородцы перебили княжеских варягов, князь отомстил им избиением их «народных мужей» [1. С. 54].

Однако форма карательных мер, примененных Мстиславом, была для Руси необычной. В их выборе прослеживается византийское влияние.

4. Как известно, по византийскому праву за злоумышление против императора полагалась смертная казнь. М. Бенеманский полагал, что в этом случае имелось ввиду отсечение головы. «Очевидно, — пишет он, — этот вид смертной казни был самым распространенным» [4. С. 425].

Об обезглавливании как наказании для бунтовщиков против воинского начальника говорил и дополнявший Эклогу воинский закон (Nomos stratotikos): «Тот, кто осмелится организовать заговор, или

(тайное) сообщество, или бунт против своего архонта под каким-либо предлогом, будет подвергнут отсечению головы, в особенности предводители заговора или бунта» [5. С. 243—258].

Массовое ослепление участников вооруженного восстания как карательная мера устрашающего воздействия также была заимствована русским князем, вероятно, из византийского опыта.

Наиболее показательным был пример византийского императора Василия II, который приказал ослепить 14 000 болгар, захваченных в плен после победы в сражении при Беласице 29 июля 1014, в ходе военных действий против болгарского правителя Самуила, провозгласившего себя царем. Во главе каждой сотни ослепленных византийцы поставили одноглазого поводыря и отослали их на родину к Самуилу.

Массовое ослепление было применено византийцами и к русским воинам, которых в 1043 г., в царствование Константина Мономаха, киевский князь Ярослав направил в морской поход против Царьграда со своим старшим сыном Владимиром во главе. Со своей точки зрения греки русскую войну рассматривали как «бунт подданных василевса».

Русские потерпели поражение, а восемьсот пленных во главе с воеводой Вышатай были приведены в Царьград и ослеплены. По этому поводу А. В. Карташев писал: «Попавших в плен воинов Ярослава греки (как и болгар ... при Василии Болгаробойце) безжалостно ослепили: казнь для революционеров-бунтовщиков, а не для воинов» [3. С. 204—205].

Через три года, после заключения Русью мира с Византией, Вышата со слепой дружиной был отправлен на родину. После поражения Ярослав «прекратил политику против греков» [6. С. 67].

Ослепление как наказание упоминалось в Эклоге, которая предписывала: «Того, кто войдет в алтарь днем или ночью и украдет что-нибудь из священных вещей — ослепить...» (XVII. 15). В то же время, ослепление не считалось обыденным членовредительским наказанием, так как оно несло специфический смысл. Наказанному и его окружению как бы давалось понять: «Зачем тебе глаза, если ты не можешь отличить добро от зла, право от не-права, сакральное от профанного».

Ослепление как кара, вероятно, было заимствовано из книги «Бытие» Ветхого Завета, в главе 19 которой рассказано, как ангелы ослепляют жителей Содомы, которые хотят сотворить им зло: «А людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа» (19: 11).

Новозаветные идеи о «свете» и «мраке» дополняли смысловое обоснование ослепления как низвержения во мрак. Так, в «Евангелии от Матфея» говорилось: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; Если же око твое бу-

дет худо, то все тело твое будет темно...» (6: 22—23). По мнению российского теолога Владимира Лосского: «Если Бога познают как свет, то лишение этого познания — мрак. Мрак — это отсутствие Бога... в онтологическом плане — это состояние существ, находящихся в окончательном разрыве с Богом».

Таким образом, есть основания полагать, что под влиянием византийского религиозно-правового опыта расправе князей с киевлянами в 1069 г. была придана форма не обычной мести князя, а возмездия за злодеяние, совершенное жителями города. Не случайно летописец вложил в уста киевлян характеристику своего выступления как «зла» [7. С. 56].

В то же время, летопись осудила князя за осуществление расправы без суда («иных без вины погубил»). Это соответствовало внедрению церковью представлению о справедливости, основанному на христианском правосудии, реализуемом в необходимых процедурно-процессуальных формах.

Отметим в этой связи, что часто применявшееся в ходе военных действий сожжение населенных пунктов могло получить религиозное обоснование в ветхозаветном предписании о сожжении «совращенного города» (Второзаконие, 13: 12—16).

5. Наряду с имеющими религиозную подоплеку карательными мерами, которые применялись князьями, из византийского опыта в древнерусскую практику были заимствованы и массовые наказания непосредственно религиозного характера, налагаемые иерархами христианской церкви.

Речь идет, прежде всего, о так называемом «запрещении на город». Оно заключалось в запрете населению города отправлять религиозный культ («затворение церквей») за совершенные в городе преступления.

Такая мера была применена, в частности, митрополитом Михаилом в отношении Великого Новгорода в 1136 г., о чем упоминает Никоновская первая летопись. Запрещение стало наказанием за то, что новгородцы «ссадили со стола» своего князя Всеволода Мстиславовича, не получив, вероятно, на это церковного благословения.

Новгородское вече осуществило суд над князем за неисполнение им своих обязанностей. Поводом для изгнания послужил неудачный поход князя на Суздаль и заключение мира с князем Юрием [1. С. 77, 82, 322].

Изгнанный князь Всеволод был вынужден уйти к киевскому князю Ярополку. Новгородцы же призвали на княжение Святослава Ольговича, который до этого вел военные действия против киевского князя.

Наложенное на Новгород митрополитом запрещение способствовало развитию в городе движения против нового князя, который через некоторое время был изгнан сторонниками киевского князя Ярополка.

6. Ко второй половине XII в. относится летописное сообщение о применении князьями к населению массовой карательной акции имущественного характера. Речь идет о расправе киевского князя Ярослава с киевлянами после временного перехода власти в Киеве к черниговскому князю Святославу. Святослав захватил в Киеве имущество, семью и дружину Ярослава, после чего возвратился в Чернигов.

Ярослав вернулся в Киев и «на гневех замысли тяготу кияном река: подвели есте вы на мя Святослава, промышляйте, чем выкупить княгиню и детей».

Он наложил тяжелую пеню («попрода») на всех горожан: «игумены и попы, и черницы, и Латину, и затворы, и гости, и все Кьяны, и много зла створи Кыеву» (Лаврентьевская летопись С. 347—348). «И затвори все Кьяны» (Ипатьевская летопись С. 393). «И многая насилия Кияном творящее, да слагаются на откуп княгини его» (Гусинская летопись С. 315). Грушевский М. С. писал, что «под затворами одни понимают кельи отшельников, другие — склады товаров. «продажа» — судебная пеня, а «продавать» значит подвергать пене» [2. С. 235—236].

О применении к горожанам коллективных санкций имущественного характера говорится и в летописных сообщениях, относящихся к XIII веку.

Речь идет об уставной грамоте Владимиро-Волынского князя Мстислава Даниловича, данной жителям г. Берестья (ныне г. Брест) [8. С. 209—211; 9. С. 5]. В грамоте идет речь о коллективной имущественной ответственности «за крамолу».

В грамоте указано на 2 вида такой ответственности. В первой статье на берестян возложена регулярная повинность — «ловчее» в натуральной форме («...устанавливаю ловчее на берестьяны и в веку за их коромолу»). Вторая статья предусматривала «единовременный экстраординарный штраф» — своеобразную контрибуцию, возложенную на каждого горожанина — владельца городской усадьбы («А на горожанах 4 гривны кун», то есть 1 гривна серебра).

Официальная княжеская летопись г. Владимира-Волынского помогает уяснить, какое именно событие в уставной грамоте квалифицировано как «крамола».

Берестье вместе с другими городами бездетный Владимирский князь Владимир Василькович завещал своему двоюродному брату Мстиславу. Этот город находился на торговом пути, связывавшем Га-

лицкое и Волынское княжества с Прибалтикой. По мнению В. Т. Пашуто, во владении Берестьем были заинтересованы галичские князья, обладавшие Львовом и Дорогичиним. По их инициативе жители Берестья, вопреки воле владимирского князя и воспользовавшись его болезнью, заключили соглашение с князем холмским Юрием Львовичем — племянником Мстислава, по которому он стал княжить в этом городе и в других городах северной части Волыни — Каменце и Бельске.

Путем дипломатических переговоров и военных угроз Мстислав Данилович заставил князя Юрия уйти из занятых им городов и в начале 1289 года вступил в Берестье.

Зачинщики «коромолы» бежали из Берестья в Дорогочин, принадлежавший Юрию. Поэтому в летописи не сохранились сведения о наказании главных «коромольников».

Иные жители города, оказавшиеся причастными к «коромоле», претерпели меры имущественного характера, при этом не связанные с полной конфискацией имущества.

Летопись показывает, что под «коромолой» в данном случае понимался заговор, характеризующий междукняжеские противоречия и направленный на передачу города во владение князю (господину), не имеющего на то законных оснований.

При этом ответственными за «коромолу» считались как главные заговорщики, так и все жители города — на них возлагалась коллективная ответственность имущественного характера.

Интересно, что в самой уставной грамоте князя Мстислава содержится прямое предписание зафиксировать «коромолу» берестян в летописи. Оно документально подтверждало правильность освещения политики именно этого князя в историческом труде, посвященном его княжению.

7. Таким образом, летописи свидетельствуют о распространенной практике применения в Древнерусском государстве карательных мер коллективного характера в качестве правового средства защиты политических интересов русских князей.

Коллективным субъектом правонарушения признавался город, не подчинившийся воле князя. Наказуемыми считались действия горожан, причинившие князю имущественный, моральный и политический вред.

Содержанием ответственности были карательные меры личного характера, применяемые к отдельным представителям горожан, а также лишения религиозного и имущественного характера, возлагаемые на все городское население.

Список использованных источников

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. — 640 с.
2. Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. — Киев, 1891. — 517 с.
3. Карташов А. История русской церкви. Т. 1. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 848 с.
4. Бенеманский М. Закон градский. Значение его в русском праве. — М., 1917 — 476 с.
5. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. — СПб.: Алетейя, 2001. — 426 с.
6. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. — М.: РОЛЬФ, 2000. — 320 с.
7. Жильцов С. В. Смертная казнь в истории России. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — 464 с.
8. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М.: Юридическая литература, 1984. — 432 с.
9. Савченко Д. А. Ответственность за наиболее опасные правонарушения по Псковской судной грамоте // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 2 (12). — С. 5—16.

Е. К. Сенокосова

*Главное государственное-правовое управление Омской области,
г. Омск*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА СУБЪЕКТОМ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Дискуссия о введении в уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц имеет длительную историю. Так, в доктрине отечественного права необходимость уголовной ответственности юридических лиц обосновывалась еще в середине XIX века, в период, когда государственная власть стремилась к ограничению злоупотреблений со стороны организаций посредством применения к ним уголовных санкций [1, с. 9]. В настоящее время в условиях борьбы с экономической и коррупционной преступностью решение данной проблемы является тем более актуальным в свете разработки Следственным комитетом Российской Федерации законопроекта, предусматривающего введение института уголовной ответственности юридических лиц в уголовное законодательство.

Рассмотрение вопроса о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности требует анализа доктрины уголовного права, принципов и системы действующего гражданского, административного и уголовного законодательства. При этом зарубежный опыт введения указанного института в уголовное законодательство, активно используемый в качестве аргумента в пользу положительного решения данного вопроса, может быть принят во внимание с учетом концепции уголовного законодательства Российской Федерации и отечественной доктрины уголовного права.

Классическая доктрина уголовного права не признает юридическое лицо субъектом уголовной ответственности в силу ряда причин. Исходя из принципов российского уголовного законодательства и общих условий уголовной ответственности, в качестве субъекта уголовной ответственности можно рассматривать только физическое лицо. Так, сущность принципа равенства граждан перед законом состоит в установлении равенства условий привлечения к уголовной ответственности независимо от обстоятельств, к числу которых относятся формы общественного сознания (религия), мыслительные конструкции

(убеждения), признаки общественного положения (имущественное, должностное положение), не присущие юридическому лицу.

Как следует из принципа вины, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, то есть психическое отношение лица к совершенному им деянию. Во всех юридических системах понятие виновности включает в себя элемент ответственности, которая в соответствии с классической уголовной теорией может относиться только к физическому лицу [2, с. 31]. Вина как психологическая категория, сочетающая интеллектуальный и волевой компоненты, индивидуализирует ответственность, противопоставляющую объективному вменению и коллективной ответственности.

В то же время в основе образования юридического лица лежит коллектив его участников, что позволяет рассматривать данный институт в качестве юридической фикции, наделенной правосубъектностью в соответствии с гражданским законодательством. «Фиктивный» характер юридического лица обуславливает отсутствие у него сознания и воли в психологическом контексте. Воля юридического лица, направленная на достижение правовых последствий, выражает волю его участников (физических лиц). В этой связи возникает проблема квалификации деяний, совершенных уполномоченными участниками юридического лица в его пользу.

Положительное решение данной проблемы означает признание юридического лица виновным в действиях (бездействии) его участников. К примеру, по мнению А. С. Никифорова, принципиальными основаниями признания за юридическим лицом статуса субъекта уголовной ответственности являются специфичные в таких случаях причинная связь и вина [3, с. 65]. Так как организация делегирует своему управляющему органу принятие и исполнение стратегических и оперативных решений, такие решения и основанное на них поведение по своей юридической сути являются решениями и поведением организации, поэтому она и должна нести ответственность [2, с. 7].

Рассмотрим следующий пример. В Венгерской Республике введен институт уголовной ответственности юридических лиц за совершение определенных преступлений, например, за незаконное занятие медицинской практикой [4]. Аналогичный состав преступления предусмотрен в Уголовном кодексе Российской Федерации (статья 235 — незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности) [5]. Кроме того, статья 235 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает также квалифицированный состав указанного

деяния — незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Между тем деятельность юридического лица не может повлечь по неосторожности смерть человека, так как последняя находится в причинно-следственной связи с действиями (бездействием) конкретного физического лица, осуществлявшего медицинскую или фармацевтическую деятельность.

С одной стороны, изложенное позволяет предположить, что юридическое лицо может нести уголовную ответственность исключительно за формальные составы преступлений. Вместе с тем поставленный вопрос не имеет такого однозначного ответа. Как представляется, юридическое лицо может отвечать за последствия в рамках нарушения установленного законом порядка осуществления деятельности ради достижения цели, ради которой оно создано. Указанные последствия могут причинить вред обществу в целом либо иметь экономический (финансовый) характер.

Так, в Китайской Народной Республике организация несет уголовную ответственность за нарушение пограничных санитарно-эпидемиологических правил, вызвавшее распространение эпидемии инфекционного заболевания или создавшее угрозу его распространения (статья 332 Уголовного кодекса КНР). Последствие, указанное в конструкции объективной стороны данного состава преступления, причиняет либо создает угрозу причинения вреда здоровью населения в целом и может быть следствием деятельности юридического лица как организационно-имущественного комплекса. Уголовный кодекс КНР также предусматривает привлечение организаций к уголовной ответственности за иные преступления против общественного порядка и управления (против управления культурными ценностями, режима государственной границы, общественного порядка), преступления против социалистического рыночного экономического порядка (изготовление, сбыт поддельных и некачественных товаров, финансовое мошенничество и другие), преступления против интересов обороны и государства, а также за коррупцию и взяточничество [6].

Учитывая наличие материальных предпосылок признания юридического лица субъектом уголовной ответственности, с одной стороны, и его гипотетическую недопустимость с точки зрения действующего уголовного законодательства и существующей уголовно-правовой доктрины, с другой стороны, можно предположить, что введение института уголовной ответственности юридических лиц требует создания необходимых правовых условий.

Так, признание юридического лица субъектом уголовной ответственности предполагает, во-первых, корректировку принципов уголовного права и уголовного законодательства Российской Федерации, в частности, изменение конструкции вины с учетом специфики деятельности юридического лица, во-вторых, соответствующее дополнение общих условий уголовной ответственности.

Необходимо указать, что законодательство зарубежных государств, как правило, выбирает один из вариантов привлечения юридических лиц к ответственности — механизм административно-правового либо уголовно-правового воздействия. К примеру, как отмечают С. С. Арбузов и С. П. Кубанцев, разработанный и используемый в России институт административной ответственности юридических лиц отсутствует как в странах общего права, так и в государствах континентальной правовой семьи. То, что в Российской Федерации именуется административной ответственностью, в указанных государствах относится к уголовной ответственности за незначительные преступления (*misdemeanors*) [7, с. 101]. Поэтому публично-правовое воздействие на юридических лиц, совершивших преступления, в таких условиях возможно лишь в рамках уголовно-правовых мер, и необходимости в разграничении категорий вины в законодательстве об административных правонарушениях и в уголовном законодательстве в указанных случаях не возникает.

Вместе с тем изменение конструкции вины в российском уголовном праве требует учета содержания вины юридического лица, установленного в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях.

Согласно части 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых данным Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Понятие «неорганизованности юридического лица», близкое к категории вины, предусмотренной частью 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, содержит Уголовный кодекс Швейцарской Конфедерации. Наличие «неорганизованности юридического лица» должно быть установлено судом вместо вины, то есть необходимо доказать, что юридическое лицо не предприняло все «благоразумные» и необходимые меры для недопу-

щения преступного поведения физического лица, являющегося представителем компании [8, с. 44].

Следует отметить, что назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности виновное физическое лицо. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, хотя виновность юридического лица в совершении административного правонарушения является так или иначе следствием виновности его должностных лиц или работников, такое правовое регулирование, будучи обусловленным спецификой административной деликтоспособности юридических лиц, сопряженной с причастностью к совершению административных правонарушений не отдельных индивидов, а создаваемых в установленном порядке коммерческих и некоммерческих организаций, является конституционно допустимым. Необходимо указать, что в данном случае суд также учел тот факт, что в отличие от физических лиц юридические лица не являются субъектами уголовной ответственности [9].

Аналогичный подход применительно к решению проблемы признания юридического лица субъектом уголовной ответственности продемонстрировал Конституционный Суд Федеративной Республики Германия, который указал, что если к организации предъявляются претензии уголовно-правового характера в связи с совершением виновных действий, то определяющей в этом случае может быть лишь вина лиц, уполномоченных на осуществление действий в ее интересах [10, с. 17]. Подобное решение вопроса заключает в себе противоречие, так как вина юридического лица как субъекта уголовной ответственности в данном случае приравнивается к психическому отношению причастных к совершению преступления уполномоченных представителей юридического лица — физических лиц, что в свою очередь подтверждает необходимость установления категории вины в уголовном праве применительно к организациям.

Иными словами, применение опыта зарубежных государств в части формирования института уголовной ответственности юридических лиц возможно лишь с определенными оговорками, то есть с учетом специфики российской правовой действительности, норм законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях и концепции уголовного законодательства Российской Федерации.

Во всяком случае, без введения уголовной ответственности юридических лиц, как указывает Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, невозможно экстерриториальное уголовное преследование иностранных организаций, финансирующих террористическую деятельность, а также другие транснацио-

нальные преступления, совершаемые на территории Российской Федерации [11]. В этой связи Следственным комитетом Российской Федерации разработан законопроект, предусматривающий введение института уголовной ответственности юридических лиц. Аналогичная инициатива выдвигалась Следственным комитетом Российской Федерации в 2011 году, и разработанный в указанное время законопроект предусматривал включение в раздел Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященный иным мерам уголовно-правового характера, главы, устанавливающей меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц [12].

В то же время иные меры уголовно-правового характера являются формой реализации уголовной ответственности наряду с наказанием, и данным мерам свойственны те же черты, что и наказанию: применяются к лицу, совершившему преступление, являются правовым последствием совершения преступления [13, с. 228—229]. С другой стороны, иная мера уголовно-правового характера не имеет правовых последствий, следующих за применением уголовного наказания. Иными словами, применение к юридическому лицу иных мер уголовно-правового характера также предполагает признание его субъектом уголовной ответственности.

Таким образом, предлагаемое введение института уголовной ответственности юридических лиц, имеющее объективные основания в условиях сложившейся экономической обстановки, но не предусмотренное действующим уголовным законодательством Российской Федерации, требует тщательной проработки норм уголовного законодательства Российской Федерации, законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Лафитский В. И., Семькина О. И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. — 2014. — № 2.
2. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. — Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998.
3. Никифоров А. С. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. — 1994. — № 6.

4. Zoltán András Nagy. Some problems of the criminal responsibility of legal entity in criminal dogmatics [Электронный ресурс] // <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/trest/nagy.pdf> (Дата обращения: 09.02.2015)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 года [Электронный ресурс] // <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code> (Дата обращения 11.03.2015).

7. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. — 2012. — № 10.

8. Цупиков Т. Н. Особенности правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц в государствах романо-германской и англосаксонской правовых семей // Международное публичное и частное право. — 2013. — № 2.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года № 4-п // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 10. — Ст. 1087.

10. Панкратова О. В. К вопросу о необходимости признания юридического лица субъектом состава преступления, предусмотренного статьей 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. — 2012. — № 4; Schueman В. Unternehmenskriminalitet und Strafrecht. Koeln, — 1979. — S. 234.

11. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина «Российской газете». Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // sledcom.ru/press/interview/88736 (Дата обращения: 09.02.2015)

12. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона: официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // sledcom.ru/document/1133 (Дата обращения: 09.02.2015)

13. Уголовно-правовое воздействие: монография/ под ред. А. И. Рагога. — Москва: Проспект, 2012.

А. В. Сигарев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ЗА ПРОИЗВОДСТВО
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ
МАТЕРИАЛОВ**

Статьей 20.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях [1] предусмотрена ответственность за «массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения» для граждан, должностных и юридических лиц.

Что касается граждан, изготовление и распространение ими экстремистских материалов осуществляется в основном с помощью принтеров и копировальных устройств и, как правило, имеет ограниченный масштаб. Юридические лица (издательства, средства массовой информации, книжные магазины) имеют намного больше возможностей распространения таких материалов, следовательно, выше и степень общественной опасности совершаемого ими правонарушения.

Определение экстремистских материалов содержится в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2]: это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В соответствии со статьей 13 упомянутого закона на территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских

материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации. Копия вступившего в законную силу решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется судом в трехдневный срок в федеральный орган государственной регистрации, который в течение тридцати дней вносит их в федеральный список экстремистских материалов. Федеральный список экстремистских материалов подлежит размещению в сети Интернет на официальном сайте федерального органа государственной регистрации. Указанный список также подлежит опубликованию в средствах массовой информации в установленном порядке.

На первый взгляд, всё вполне логично: если суд признает информационный материал экстремистским, он вносится в единый список, и дальнейшее распространение этого материала запрещается под угрозой административного наказания.

Проблема состоит в том, что описание информационных материалов в федеральном списке экстремистских материалов [3] настолько мало информативно, что идентифицировать их практически невозможно.

В лучшем случае в федеральном списке указываются названия и авторы этих материалов. Например, под номером 2439 в данном списке значится: «Тексты (стихотворения) «Призыв», «Время самообороны», «Русским НС», «Учись убивать», размещённые Грачёвым Николаем Владимировичем под псевдонимом «Крев Лютый» в сети «Интернет»...».

Часто описание информационного материала ограничивается адресом, на котором он был обнаружен в сети Интернет (например, пункт 2577: Интернет-ресурс <http://www.vedi-ra.info/dopinfo/index.php?20130911>) или указанием на место его физического размещения (например, пункт 2059: три листовки с рукописным текстом, которые размещены 22 сентября 2012 года на электрическом столбе и здании магазина, расположенных по улице Калинина, с. Коноково Успенского района Краснодарского края).

Содержание экстремистских материалов в открытом доступе в федеральном списке, естественно, не представлено. Тексты экстремистских материалов не предоставляются и по запросу заинтересован-

ных организаций для ознакомления и сопоставления с другими «подозрительными» материалами. В этой ситуации издательство или средство массовой информации, решая вопрос об опубликовании того или иного материала, не может достоверно определить, включен ли он в список экстремистских материалов или нет. Например, если гражданин направляет для опубликования статью в газету или журнал, нет никакой возможности проверить, не является ли этот текст содержанием той самой листовки, которая включена в список экстремистских материалов под номером 2059.

К тому же экстремистский материал может быть представлен под другим названием или с указанием другого автора.

В соответствии с частью 2 статьи 2.1. КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Таким образом, если у организации, осуществляющей издательскую деятельность, практически отсутствует возможность определить, включен ли тот или иной материал в список экстремистских материалов, вина этой организации исключается.

Свою позицию по данному вопросу выразил Конституционный Суд РФ в определении от 25.11.2010 № 1701-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Издательство Белые Альвы» на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [4].

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ ООО «Издательство Белые Альвы» просило признать противоречащей Конституции РФ часть 4 статьи 13 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», согласно которой копия вступившего в законную силу судебного решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется в федеральный орган государственной регистрации.

Как следует из описательной части данного определения, ООО «Издательство Белые Альвы» обратилось в Федеральную регистрационную службу (которая на тот момент вела федеральный список экстремистских материалов) с просьбой предоставить для ознакомления информационные материалы, включенные в этот список. Цель этого обращения, по видимому, заключалась в том, чтобы сопоставить текст, имеющийся в издательстве, с текстом, включенным в федеральный список экстремистских материалов.

Федеральная регистрационная служба отказалась предоставить заявителю запрашиваемый материал, поскольку законом это не предусмотрено. Издательство обжаловало отказ Федеральной регистрационной службы в арбитражный суд, который отказал в удовлетворении заявления. Затем издательство обжаловало решение арбитражного суда в вышестоящих инстанциях, которые также отказали в удовлетворении заявления.

Заявитель утверждал, что оспариваемое законоположение, как не предполагающее направление в федеральный орган государственной регистрации наряду с копией вступившего в законную силу решения суда о признании информационных материалов экстремистскими самими этими материалами, не позволяет организациям, осуществляющим издательскую деятельность, получать от названного органа такие материалы для ознакомления, с тем чтобы избежать опубликования текстов, совпадающих с признаваемыми экстремистскими.

Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению. В «отказном» определении он отметил, что оспариваемая норма части 4 статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» не создает препятствий для организации, осуществляющей издательскую деятельность, в случае возникновения сомнений относительно характера материалов, представленных для опубликования, — исходя из определения понятия «экстремистские материалы», данного в пункте 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также с учетом того, что федеральный список подобных материалов, в силу части пятой его статьи 13, размещается в международной компьютерной сети Интернет на сайте федерального органа государственной регистрации и в средствах массовой информации, — в каждом конкретном случае принимать решение о допустимости или недопустимости соответствующей публикации.

Позиция Конституционного Суда РФ, таким образом, заключается в том, что издательство должно руководствоваться не только федеральным списком экстремистских материалов (как было показано выше, делать это проблематично), но и определением экстремистских материалов, данным в законе. То есть издатель должен самостоятельно оценивать содержание публикуемых им материалов, соотнося его с признаками, указанными в законе.

Следуя такому подходу, необходимо иначе сформулировать и состав правонарушения, предусмотренного статьей 20.29 КоАП РФ: административная ответственность должна наступать за производство и массовое распространение материалов, попадающих под признаки,

указанные в пункте 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» независимо, включен ли данный материал в список экстремистских или нет.

В заключение отметим, что федеральный список экстремистских материалов в целом показал слабую эффективность в целях практического противодействия экстремизму. Его основной порок состоит в том, что внесенные в него материалы невозможно идентифицировать, а значит невозможно пресечь их дальнейшее распространение.

Список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3031

3. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения 23.01.2015)

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Издательство Белые Альвы» на нарушение конституционных прав и свобод частью четвертой статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1701-О-О // СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

Л. В. Смешкова

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск*

**О ПЕРСПЕКТИВАХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Во все времена существования российского уголовного права и процесса отечественному правоприменителю не был известен институт уголовной ответственности юридических лиц. В уголовно-правовой теории вопросы о возможности придания юридическим лицам статуса субъекта преступления долгое время не получали сколь-нибудь серьезного внимания со стороны ученых. Ситуация начала меняться к середине 90-х годов XX века, когда в законодательстве об административных правонарушениях в качестве самостоятельных субъектов ответственности начали фигурировать юридические лица. Очевидно, что такие изменения во взглядах законодателя способствовали появлению научных работ, предметом исследования которых выступали те или иные аспекты уголовной ответственности юридических лиц [1]. Нужно отметить, что научные дискуссии по этому поводу не утихают, и каталог защищенных диссертационных работ регулярно пополняется наименованиями тем, связанных с исследованием перспектив законодательного закрепления возможности применения уголовной ответственности к юридическому лицу.

В теории уголовно-процессуального права идея о введении процессуального института уголовного преследования юридических лиц не получила столь же фундаментального обоснования, и перспектива ее развития до недавнего времени была весьма туманной. В научных дискуссиях процессуалистов обсуждались различные аспекты процессуального статуса юридических лиц, выступающих в качестве потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков, а также гарантии реализации их прав.

В свете инициативы Следственного комитета РФ, проявившейся в 2011 году в виде проекта Федерального закона, предусматривающего

применение в отношении юридических лиц мер уголовно-правового воздействия, вопросы о возможности привлечения к уголовной ответственности этого нового для уголовно-процессуального закона субъекта получили новое звучание.

12 октября 2011 г. на Интернет-портале «Российской Газеты» был опубликован проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»[2]. В комментарии к подготовленному проекту председатель СК РФ, А. И. Бастрыкин отметил: «масштаб преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц, позволяет утверждать, что в России окончательно сформировался качественно новый вид преступности — преступность юридических лиц (зарубежный аналог данного термина «преступность корпораций» или «корпоративная преступность») [3].

Основные аргументы, отражающие необходимость принятия законопроекта, состоят в следующих тезисах:

— возможности установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства весьма ограничены. Производство по делам об административных правонарушениях проводится по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование. При производстве по этой категории правонарушений не могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия;

— законодательство об административных правонарушениях не предусматривает всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности, в том числе лишения лицензии, запрета на осуществление определенного вида деятельности, принудительной ликвидации юридического лица и др.;

— несоответствие административного воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступлению, требованиям международных стандартов. В частности, такие требования содержатся в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенции ООН против коррупции, Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и др., к которым присоединилась и Российская Федерация.

Последний аргумент подкрепляется строкой из отчета ГРЕКО об оценке эффективности антикоррупционной системы РФ за 2013 год. ГРЕКО (Группа государств против коррупции) является международной организацией, функционирующей в целях мониторинга соответствия законодательства и правоприменительной практики государств-

участников антикоррупционным стандартам Совета Европы. Поскольку Россия входит в состав участников этой международной организации, рекомендации ГРЕКО являются основным ориентиром при планировании и осуществлении антикоррупционной работы органами государственной власти РФ.

Эксперты-оценщики констатировали, что из 26 обязательств, принятых на себя Российской Федерацией в сфере борьбы с коррупцией, частично выполнены были 11, в числе которых: установление режима исключительного уголовного преследования за коррупционные преступления и закрепление ответственности юридических лиц, причастных к коррупционным деяниям [4].

Возвращаясь к обсуждаемому законопроекту, предлагаем остановиться на ряде процессуальных аспектов, позиционирующих осуществление уголовного преследования в отношении юридических лиц.

1. Уголовно-процессуальный статус юридического лица как участника уголовного процесса со стороны защиты. Вполне естественно, что законопроектом не предполагается наделение юридического лица статусом подозреваемого, поскольку это принципиально не совместимо с нормами ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Юридическое лицо предлагается считать *обвиняемым в причастности к преступлению* (курсив мой — Смешкова Л. В.). Причастность юридического лица к преступлению понимается как участие юридического лица в событии преступления при следующих обстоятельствах:

— совершение преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство;

— использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления.

Далее по аналогии с нормами ст. 47 УПК РФ юридическое лицо признается обвиняемым с момента вынесения в отношении его постановления об обвинении. Обвиняемое юридическое лицо, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым юридическим лицом. Обвиняемое юридическое лицо, которому на основании постановления суда назначена одна или несколько мер уголовно-правового характера, именуется осужденным юридиче-

ским лицом. Обвиняемое юридическое лицо, в отношении которого производство о применении мер уголовно-правового характера прекращено судом, признается оправданным юридическим лицом.

2. Форма предварительного расследования. Законопроект не содержит прямого указания на то, в какой форме осуществляется предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, к совершению которых причастны юридические лица. Анализ норм ст. 446²– 446¹⁰ проекта позволяет предположить, что досудебное производство в таких случаях осуществляется в порядке предварительного следствия.

3. Особенности процессуального статуса обвиняемого юридического лица выражаются в их абстрактности. Проектом регламентированы права не обвиняемых юридических лиц, а вполне осязаемых граждан, выступающих его представителями. Иначе и быть не может, поскольку с позиций общей теории государства и права юридическое лицо представляет собой не что иное, как искусственно созданный посредством простой фикции субъект права [5]. Памятуя об этом, авторы законопроекта предусмотрели, что юридическое лицо будет «говорить» в ходе процессуальных и судебных действий со следователем и судьей через представителя, в качестве которого могут быть допущены физические лица, уполномоченные представлять интересы юридического лица в уголовном судопроизводстве на основании доверенности либо правомочные в соответствии с ГК РФ представлять интересы юридического лица без доверенности.

Посредством взаимодействия органов следствия и суда с представителем обвиняемого юридического лица, оно имеет возможность:

- быть уведомленным о производстве следственных и иных процессуальных действий;

- получать процессуальные документы (их копии);

- выражать свою позицию по уголовному делу, которая представляет собой мнение юридического лица по существу его обвинения в причастности к преступлению; это правомочие является весьма важным, поскольку увязывается с правом представлять доказательства. В соответствии со ст. 446⁴ проекта позиция юридического лица представляет собой источник получения доказательств, помимо предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

- быть уведомленным о предъявлении обвинения и знакомиться с постановлением об обвинении юридического лица;

- быть уведомленным об окончании следственных и иных процессуальных действий и знакомиться с материалами оконченого предварительного следствия;

— представлять доказательства и произносить защитную речь в прениях сторон;

— обжаловать постановление суда о прекращении уголовного преследования в отношении юридического лица, постановление о назначении юридическому лицу мер уголовно-правового характера.

4. Особенности окончания предварительного следствия выражаются в трех вариантах решения следователя:

— вынесение обвинительного заключения и направление его прокурору с материалами уголовного дела в порядке гл. 30 УПК РФ;

— вынесение постановления о прекращении уголовного дела;

— вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд для применения мер уголовно-правового характера в отношении юридического лица.

Если по уголовному делу обвиняются как физическое лицо, так и одно или несколько юридических лиц, следователь составляет обвинительное заключение в отношении каждого из обвиняемых, как и живых, так и фиктивных. Если в результате прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых либо в связи с выделением уголовного дела в отношении обвиняемых юридических лиц в отдельное производство по уголовному делу, в качестве обвиняемого осталось только юридическое лицо (юридические лица), следователь принимает одно из двух последних вышеупомянутых решений.

5. Особенности проведения судебного разбирательства. Вне зависимости от формы окончания предварительного расследования, судебное следствие начинается с изложения прокурором доводов о необходимости применения в отношении подсудимого юридического лица мер уголовно-правового характера. Судебное следствие осуществляется в порядке, предусмотренном гл. 37 УПК РФ. В качестве участника прений сторон выступает представитель обвиняемого юридического лица. По окончании судебного разбирательства судья выносит одно из двух возможных решений: о назначении юридическому лицу мер уголовно-правового характера либо о прекращении уголовного преследования юридического лица.

Интересно, что разработанный Следственным комитетом РФ законопроект так и не был внесен в Государственную Думу для первичного обсуждения парламентариями. Ответ на вопрос о причинах, породивших такую ситуацию, автор статьи не смог найти ни в пояснительной записке к проекту, ни в официальных комментариях главы Следственного комитета РФ.

Возможно, разгадка кроется в тексте самого проекта, который даже при беглом прочтении обнаруживается множество неоднозначных формулировок и противоречивых норм. Ряд правоведов и практикующих юристов выражают достаточно жесткое мнение, о том, что предложения по введению уголовной ответственности юридических лиц носят поверхностный характер, и в случае их реализации способны дезорганизовать систему уголовного судопроизводства и стать дополнительным источником коррумпированности правоохранительных и иных государственных органов [6].

Содержание норм обсуждаемого законопроекта может послужить предметом критического анализа для серии научных статей. Вот лишь небольшая перечень вопросов, обращающих внимание процессуалистов:

— причастность юридического лица к событию преступления обуславливается фактом совершения преступления в его интересах лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим фактическое руководство. Соответственно, виновность юридического лица может быть установлена судом только после вынесения решения о виновности обвиняемого, являвшегося его фактическим руководителем или управляющим финансово-хозяйственной деятельностью. Статья 44б¹⁴ проекта содержит совершенно противоположную по смыслу норму: «Если по уголовному делу обвиняется как физическое, так и юридическое лицо, то решение о назначении юридическому лицу мер уголовно-правового характера либо о прекращении уголовного преследования юридического лица должно быть принято до постановления судом приговора либо прекращения или приостановления производства по уголовному делу»;

— неясен субъектный состав лиц, допускаемых в качестве защитника обвиняемого или подсудимого юридического лица. Можно ли назвать защитником представителя юридического лица? Статья 44б¹¹ проекта дает однозначный ответ на этот вопрос, но почему-то в отношении его участия исключительно в судебном заседании: представитель подсудимого юридического лица участвует в судебном производстве в порядке, установленном настоящим Кодексом для защитника, в том числе приобретает права и осуществляет обязанности данного участника.

В соответствии с другими нормами проекта представитель выступает субъектом, транслирующим волеизъявление обвиняемого или подсудимого юридического лица, знакомится от его имени с предъявленным ему обвинением, возражает против обвинения, заявляет позицию обвиняемого юридического лица в ходе досудебного производства, а также подсудимого в любой момент судебного следствия. Не-

сложно заметить, что представитель пользуется комплексом прав, характерным для обвиняемого и подсудимого. Каким же образом в одном субъекте уживаются два участника уголовного судопроизводства, хотя и реализующие одноименную функцию, но обладающие совершенно различным процессуальным статусом?

— юридическое лицо становится участником уголовного судопроизводства после приобретения статуса обвиняемого, то есть с момента вынесения постановления об обвинении. Имеет ли юридическое лицо право на участие в следственных и процессуальных действиях, производимых следователем до предъявления обвинения этому юридическому лицу? Если да, то в каком качестве представитель пока еще ни в чем не обвиняемой организации может присутствовать при производстве следственного действия?

Подводя краткие итоги, приходится констатировать, что предложенный законопроект порождает больше вопросов, чем ответов, и нуждается в серьезной корректировке с учетом существующей доктрины уголовного права и принципов действия уже устоявшихся уголовно-процессуальных институтов.

Список использованных источников

1. Аминов Д. И. Уголовно-правовая охрана кредитно-финансовых отношений от преступных посягательств: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук. — М: Академия управления МВД России, 1999. — 46 с.

2. Антонова Е. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1998. — 24 с.

3. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 1999. — 312 с.

4. Иванцов П. П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. — 23 с.

5. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: Новые идеи. — М., 1994. — С. 52-59; Наумов А. В. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Советское государство и право. — 1992. — № 8. — С. 38—46.

6. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-

правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона [Электронный ресурс] // <http://www.rg.ru/2011/10/12/proekt-site-dok.html> (Дата обращения 11.03.2015).

7. Комментарий к подготовленному в СК России проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // <http://sledcom.ru/document/1135> (Дата обращения 11.03.2015).

8. Новый отчет ГРЕКО по России [Электронный ресурс] // <http://transparency.org.ru/v-rossii/novyi-otchet-greko-po-rossii>

9. Проценко С. В. К вопросу о целесообразности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц // Юрист. — 2008. — № 9 (141). — С. 62—69.

10. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс] // <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4035> (Дата обращения 11.03.2015); Козлов А. Г. Кто ж его посадит? Он же памятник! [Электронный ресурс] // <http://www.klerk.ru/law/articles/262594/> (Дата обращения 11.03.2015).

В. Б. Стукалин

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

К ДИСКУССИИ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИДЕИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Дискуссия о целесообразности включения в российское уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц ведется достаточно давно [10,6,7]. Наиболее активно эта дискуссия развернулась в начале 1990-х гг., когда происходила разработка проекта уголовного законодательства РФ. После принятия действующего УК РФ накал дискуссии снизился, но не прекратился [8, 9, 11, 5, 13]. Обсуждение вопроса об уголовной ответственности активировалось после внесения в начале 2011 года руководителем Следственного Комитета РФ законопроекта проекта о внесении в уголовное законодательство ответственности юридических лиц [12] (далее по тексту Проект). Обоснованием разработки законопроекта, по словам А. И. Бастрыкина, являлось то, что появился и быстро развивается «качественно новый вид преступности преступность юридических лиц», который за рубежом принято называть «корпоративная преступность». В России проявлениями такой преступности разработчики считают коррупцию в сфере государственных закупок, монополистические сговоры о завышении цен, создание фирм однодневок.

В пояснительной записке авторы законопроекта объясняют необходимость его принятия следующими факторами:

— возможности установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства весьма ограничены;

— производство по делам об административных правонарушениях проводится по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование;

— при производстве по этой категории правонарушений не могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия;

— законодательство об административных правонарушениях не предусматривает всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности, в том числе лишения лицензии, запрета на осуществление определенного вида деятельности, принудительной ликвидации юридического лица и др.;

— несоответствие административного воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступлению, требованиям международных конвенций о противодействии коррупции признало и ГРЕКО, указав в отчете за 2010 год на неисполнение Российской Федерацией рекомендации о введении уголовной ответственности юридических лиц.

Законопроект Государственной Думой рассмотрен не был, его обсуждение активизировалось только после выступления Президента РФ осенью прошлого года.

Как представляется, одной проблемой, обуславливающей непринятие указанного выше законопроекта, является необходимость внесения существенных изменений не только в систему уголовного законодательства РФ, но и в его концепцию, а также теорию уголовно-правовой науки. Помимо этого требуются изменения и в уголовно-процессуальное законодательство, что предусматривает предложенный Проект, а также в административное и в уголовно-исполнительное законодательство.

Предложенный Проект вызывает достаточно большое число вопросов, относящихся не только к уголовно-правовому, уголовно-процессуальному, но и к криминалистическому аспекту применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера. Некоторые из этих вопросов хотелось бы рассмотреть в рамках данной статьи.

Для того, чтобы привлечь юридическое лицо в качестве обвиняемого по уголовному делу, следователю необходимо вынести постановление, которое должно быть основано на сведениях, содержание которых, в свою очередь, определяется предметом доказывания [15, С. 111-112]. В предмет доказывания, предусмотренный ч. 2 ст. 73 УПК РФ, законодатель включил такие обстоятельства:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В ч. 2 ст. 446⁴ Проекта разработчиками предложены несколько иные обстоятельства, которые подлежат доказыванию:

1) время, место, способ совершения преступления, характер и размер вреда, причиненного преступлением;

2) причастность юридического лица к преступлению (время, место, характер действий и решений юридического лица, определяющих его участие в событии преступления либо в деятельности по сокрытию преступления или его последствий);

3) характер и размер имущественных выгод, получаемых юридическим лицом в результате преступления;

4) данные, характеризующие обвиняемое юридическое лицо (привлечение ранее к административной ответственности или применение уголовно-правового характера, наличие непогашенной судимости, стратегическая значимость деятельности для региона (государства), осуществление благотворительной и иной общественно полезной деятельности).

Анализируя эти два перечня возникает закономерный вопрос: «Какие обстоятельства необходимо доказывать при расследовании уголовного дела — и те, которые предусмотрены ч. 2 ст. 73 УПК РФ, и те, которые предусмотрены ч. 2 ст. 446⁴ Проекта, либо только каких одних?»

Ответ на данный вопрос, как представляется, должен звучать следующим образом: «доказыванию подлежат как обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 73 УПК РФ, так и обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 446⁴ Проекта». Такой ответ определяется изложением текста самой части второй ст. 446⁴: «по уголовному делу *в части производства* (здесь и далее выделено автором) в отношении юридического лица доказыванию подлежит». Т. е. необходимо доказать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания ч. 2 ст. 73 УПК РФ и, если

будет установлена причастность юридического лица к расследуемому преступлению, доказать обстоятельства ч. 2 ст. 446⁴ Проекта. Но тогда возникает закономерный вопрос: «Зачем разработчики проекта включили в ч. 2 ст. 446⁴ Проекта ряд обстоятельств?», например, п. 1 «время, место, способ совершения преступления, характер и размер вреда, причинённого преступлением». Данное обстоятельство уже предусмотрено в ч. 2 ст. 73 УПК РФ — п. 1 «событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)», п. 4 «характер и размер вреда, причиненного преступлением».

Также возникает вопрос: «Является ли п. 4 ч. 2 ст. 446⁴ Проекта «данные, характеризующие обвиняемое юридическое лицо (привлечение ранее к административной ответственности или применение уголовно-правового характера, наличие непогашенной судимости, стратегическая значимость деятельности для региона (государства), осуществление благотворительной и иной общественно полезной деятельности)», расшифровкой п. 3 ч. 2 ст. 73 УПК РФ «обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», либо он являются заменой данного пункта?».

Предложенный Проект, по сути, вводит в уголовное право специального субъекта уголовно правовых отношений — юридическое лицо. Данный специальный субъект из трёх традиционных признаков субъекта (ст. 19 УК РФ) содержит только часть одно «лицо», а остальные признаки — вменяемость и возраст, относятся к физическому лицу и не могут быть признаками юридического лица. Из этого закономерно вытекает следующий вопрос, который возникает в ходе анализа обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании уголовных дел в отношении юридического лица: «Каким образом может быть доказан п. 2 ч. 2 ст. 73 УПК РФ «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы?». В уголовном праве вина традиционно определяется как психическое (субъективное) отношение лица к совершённому к общественно опасному деянию и его последствиям. Т. е. лицо должно реально осознавать, что оно совершает общественно опасное деяние, в результате которого наступили (или могут наступить) общественно опасные последствия. Представляет, что в данном случае должно говорить о каком-то общем разуме или интеллекте, который и должен осознавать эти моменты. Поскольку в уголовном праве вина характеризуется как интеллектуальным, так и волевым моментом, то этот общественный разум должен обладать ещё и волей по достижению преступного результата.

Ещё более проблемным в этой связи, видится возможность доказывания в результате расследования формы вины и тем более мотива, который всегда считался личностной характеристикой физического лица.

Продолжая логическую цепочку рассуждений, можно сделать вывод, что доказать п. 2 ч. 2 ст. 73 УПК РФ объективно невозможно. Продляя логическую цепочку, следует заметить, что данный вывод является промежуточными влечёт за собой ещё один, о том, что, в этом случае, нет преступления, поскольку в уголовном праве под *преступлением* понимается *виновно* совершённое общественно опасное деяние ...

Представляется, что необходимость доказывания рассмотренного выше обстоятельства обоснована иначе. Разработчики Проекта в ст. 104⁴ в рамках определения оснований применения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц выделили его причастность к преступлению. В качестве условий данной причастности было определено:

— совершение «преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство»»

— использование «юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство».

В таком случае, как видится, можно говорить о том, что необходимость доказывания виновности лица в совершении преступления имеет под собой основания. Но возникают другие аспекты, связанные с этим [14, С. 43—48]. Один из них можно проиллюстрировать, исходя из положений криминалистической методики расследования преступлений. В числе обстоятельств подлежащих доказыванию по любым составам преступлений, в том числе и экономическим, подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства: — кто совершил преступление, — мотив и цель, были ли соучастники, — если да, то какова роль каждого в совершении преступления. Как видим, установление и доказывание данных обстоятельств логически вписывается в доказывание обстоятельства, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 73 УПК РФ, но раскрывают его более полно и объективно, т. е. в отношении лица, выполняющего управленческие функции или осуществляющего фактическое руководство юридическим лицом, необходимо установить и доказать рассматриваемые криминалистикой обстоятельства. И это более верно и корректно, поскольку из формулировок условий, предложенных разработчиками Проекта, можно сделать вывод, что сотрудники юридического лица состоят только из его управленца или руководителя. А если в организации или учреждении, которое является юридическим лицом, работают ещё граждане, которые не знали о

том, что руководитель или лицо, фактически руководящее организацией, совершают преступления в интересах юридического лица либо используют юридическое лицо в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления, они что должны нести ответственность в рамках мер уголовно-правового характера, которые предусмотрены Проектом. В данном случае может возникнуть ситуация безвиновного наказания, что противоречит Конституции РФ.

Ещё одним вопросом предмета доказывания, определяемого ч. 2 ст. 446⁴, является включение в него пункта 2 «причастность юридического лица к преступлению (время, место, характер действий и решений юридического лица, определяющих его участие в событии преступления либо в деятельности по сокрытию преступления или его последствий)». Представляется, что разработчикам Проекта данный пункт необходимо было определить как основной, доказывание которого определяет необходимость доказывания всех последующих пунктов, и, соответственно, разместить его под номером 1. Теперь перейдём к рассмотрению содержания данного пункта. Разработчики Проекта при определении момента наступления ответственности юридического лица использовали термин «причастность». Представляется весьма спорным использование данного термина для определения наступления ответственности. В толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова причастность определяется как «принадлежность к числу участвовавших в чём-нибудь». К синонимам причастности относят — включенность, заинтересованность, касательство, отношение, прикосновение, прикосновенность, приобщенность, сопричастие, сопричастность, соучастие. Если исходить из этого, то субъектами, которые причастны к преступлению являются все участники. Это и непосредственно связанные с событием преступления, которыми могут быть и потерпевшие — юридические лица, обвиняемые (подозреваемые) — юридические лица. Это могут быть юридические лица, которые ведут вполне законную хозяйственную деятельность, которая может быть использована недобросовестными лицами в целях сокрытия следов преступления или его последствий. При этом эти юридические лица могут понести определённые вредные последствия, например в виде материального ущерба или ущерба деловой репутации, а затем ещё их могут привлечь к ответственности как причастных к преступлению.

Данную коллизию не разрешит и предложенное разработчиками дополнение в ст. 5 УПК РФ, в котором они предлагают определение причастности: «30¹) причастность юридического лица к преступлению — участие юридического лица в событии преступления при об-

стоятельствах, предусмотренных статьей 104⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации»

Представляется, что изложенные замечания не являются полным перечнем вопросов, связанных, как с Проектом, так и с самой возможностью введения в уголовное законодательство ответственности юридических лиц.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 21.07.2014)

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2014)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2014)

4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона [Электронный ресурс] <http://sledcom.ru/document/1133> (Дата обращения 11.03.2015).

5. Антонова Е. Ю. Уголовная ответственность юридических лиц: Монография / Под ред. проф. А. И. Коробеева. Владивосток, 2005.

6. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998; Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право: Новые идеи. М.: ИГП РАН, 1994.

7. Кузнецова Н. Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. — 1992. — № 6.

8. Михеев Р. И., Корчагин А. Г., Шевченко А. С. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. Монография. — Владивосток, 1999.

9. Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. — М., 2002.

10. Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право. — М., 1990.

11. Ситковский И. В. Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве // Уголовное право. — 2002. — № 4.

12. Федоров А. В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2014. — № 2.

13. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. — 2009. — № 1.

14. Лебедев Н. Ю. Некоторые вопросы преодоления уголовно-процессуальных конфликтов при производстве по уголовному делу // Проблемы юриспруденции сборник научных статей и тезисов. М-во образования и науки Российской Федерации, Новосибирский гос. Технический ун-т. — Новосибирск, 2010. — С. 43—48

15. Гумеров Г. Г. О принципиальных коллизиях процессуального положения некоторых уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. / Под редакцией С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. — Томск, 2009. — С. 111—112.

Р. Р. Ушницкий

*Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск*

СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ОСНОВАНИЯ ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1. Последние новеллы в главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации внесли революционные изменения в понимание сущности юридического лица в гражданском праве [6]. Законодатель превратил юридическое лицо в полную фикцию, назвав в статье 53 ГК РФ органы юридического лица его представителями. Такой крутой разворот в понимании юридического лица, полагаю, никто из цивилистов не ожидал. [7, С. 3—7]

Считаю, что с этой новеллой мы вернулись к временам, когда началась дискуссия о сущности юридического лица, в середину XIX столетия, к тому моменту, когда Ф. К. Савиньи выдвинул свою теорию «фикции». Он считал, что юридическое лицо — это искусственный, фиктивный субъект, допускаемый только для юридических целей и только в частном праве. Как простая фикция, юридическое лицо не может иметь сознания и воли, оно недееспособно, и этот недостаток восполняется представительством. [12, С. 120]

2. Я более двадцати лет занимаюсь проблемой сущности юридического лица. Мои исследования показали, что сущность юридического лица может быть определена только через сущность того отношения, которое вызвало к жизни эту правовую конструкцию. Юридическое лицо — это юридическое последствие, результат возникновения особого правоотношения, которое в настоящее время приобрело эпитет «корпоративное». Правовая конструкция юридического лица — это самое сложное явление не только в гражданском праве, но и в праве вообще. Ни одно другое правоотношение не возникает с рождением нового субъекта права. Я пришел к выводу, что сущность корпоративного правоотношения состоит в абсолютном праве участия в юридическом лице, которое, с одной стороны, предоставляет его обладателю определенные имущественные и неимущественные блага и право участвовать в формировании воли этого юридического лица, с другой

стороны, обременяет его обязанностями и возлагает на него риски, связанные с участием в этом юридическом лице.

3. На основе разработанной концепции об абсолютной природе корпоративного правоотношения я прихожу к выводу, что юридическое лицо — это правовое средство, правовая конструкция, созданное и существующее в рамках особого правоотношения — правоотношения, связанного с участием в юридическом лице или с управлением им (корпоративного правоотношения).

Теорию правового средства в России предложил В. Б. Ельяшевич [11, С. 449—454], который считал юридическое лицо приемом юридической техники. Есть сторонники этой теории в современной юриспруденции, например, Б. И. Пугинский [13, С. 162], И. П. Грешников [10, С. 158].

Теорию правового средства традиционно относят к теории фикции. Такой подход в определении сущности юридического лица основан на философском понимании вопроса. В отличие от философии методология юриспруденции имеет свои особенности, обусловленные предметом исследования. Всё, что охватывается понятием «правовое явление» — это с философской точки зрения абстракция. Но право есть специфическая область человеческого знания. Не отрицая абстрактную сущность этих явлений с философской точки зрения, мы должны уметь выделять правовые абстракции в чистом виде и, наравне с ними, явления, которые приобретают для юристов значение «правовой реальности». Нормы права (правовые институты) есть правовые абстракции в чистом виде. Они устанавливают абстрактные требования к участникам отношений (правосубъектность), основания возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей (юридические факты), определяют правовой режим объектов. Вся эта абстракция реализуется в конкретном жизненном отношении, в котором четко определены конкретные участники, а также то, по поводу чего это отношение сложилось (объект), основания, которые породили это отношение (юридический факт), в результате у участников возникли взаимные субъективные права и юридические обязанности (содержание правоотношения). И эти права и обязанности являются правовой реальностью. Так как они определены нормой права. Защита субъективного права, исполнение юридической обязанности обеспечивается возможностью применения принудительных мер, установленных объективным правом. Если нарушено право, не исполнена обязанность, то к нарушителю будут применены реальные меры правовой ответственности. И это касается, в первую очередь, ключевой категории юриспруденции — правоотношения. Правоотношение должно изучаться,

применяться как явление «правовой реальности». Так как правовая форма отношения определяется не обычным философским знанием, а особым «знанием», закрепленным в норме права, соблюдение которой обеспечено принудительной силой государства. По замечанию Е. А. Флейшиц, ««Абстрактных правоотношений» вообще не существует, есть лишь абстрактное изображение в правовой норме конкретных общественных отношений, в которых норма права призвана реализовываться и действительно реализуется, если участники соответствующего отношения ее не нарушают» [14. С. 262]. Всё сказанное говорит о существовании в юриспруденции особого метода исследования. Его можно назвать специально-юридическим методом исследования.

На основе специально-юридического метода исследования есть все основания сделать вывод, что правоотношение, связанное с участием в юридическом лице или с управлением им, должно рассматриваться как явление правовой реальности, следовательно, юридическое лицо как правовое средство является правовой реальностью. Такой подход полностью соответствует пониманию юридического лица с точки зрения гражданского (частного) права, ведь отношение, порождающее конструкцию юридического лица, является гражданско-правовым. На этом основании позволим себе утверждение, что юридическое лицо в гражданском (частном) праве не является фикцией.

4. Можно ли говорить о юридическом лице как правовой реальности в публичном праве? Как это предлагают делать представители концепции «публичного юридического лица». [16]

Думаю, что для этого у каждого отдельного вида «публичной» организации есть свои собственные основания. Ведь они создаются исключительно для участия в публичных отношениях. Статус юридического лица им необходим лишь для участия в гражданском обороте. Для них этот статус играет второстепенную, вспомогательную роль, как правовое средство, необходимое для достижения цели, выполнения своих функций. Но функции «публичных» организаций настолько специфичны, что каждый вид такого юридического лица имеет свою «публично-правовую» сущность, которая абсолютно независима от их гражданско-правового статуса. Поэтому невозможно разработать единое понятие «публичного юридического лица». С этой точки зрения юридическое лицо как общая категория в публичном праве является полной фикцией.

5. Нужно ли выделение в гражданском праве категории «публичного юридического лица»? Унитарные предприятия, публичные учреждения, публично-правовые компании итак уже выделены в ст. 50

ГК РФ как особые виды юридических лиц. Для чего же еще раз подчеркивать их особый статус в уже более широком понятии «публично-юридического лица»? Как я полагаю, для того, чтобы закрепить их привилегированное положение в отношении других участников гражданского оборота, чтобы обосновать их возможную безответственность по договорным обязательствам и деликтам, чтобы полностью освободить их учредителей — публичных образований, от всякой ответственности по долгам созданных им таких лиц. Так это итак существует.

Например, как указывает Т. Я. Хабриева, они даже могут освобождаться от необходимости регистрироваться в Едином государственном реестре юридических лиц. Она пишет: «Существует множество общественных объединений (партий, профсоюзов, национально-культурных автономий и др.), органов (от министерств до районных отделений полиции), учреждений, которые прямо названы в законах и подзаконных актах юридическими лицами. Но они значительно отличаются от юридических лиц, составляющих основной предмет регулирования гражданского права. Они имеют иное назначение в обществе, иные задачи и функции и иной порядок деятельности. Многие из них — административные органы, и в отношениях с другими участниками отношений они руководствуются, как правило, вовсе не диспозитивностью, а императивностью и субординацией. Главное сходство проявляется лишь в том, что и те и другие названы и являются юридическими лицами. Правда, одни с того момента, когда регистрируются в таком качестве в общем порядке, а другие регистрируются в соответствии с индивидуальными актами вышестоящих органов об их создании либо не подлежат регистрации» [15, С. 5—16].

Действительно, для административных органов статус юридического лица совершенно не нужен, тем более, как сказано Т. Я. Хабриевой, что «в отношениях с другими участниками отношений они руководствуются... субординацией». То есть в этих отношениях они не только могут, но и в самом деле пользуются своей властью над другими участниками гражданского оборота. А это никак не подпадает под понятие отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, регулируемых гражданским правом. Для таких организаций необходимо предусмотреть особые виды отношений имущественного оборота.

б. Ответственность юридического лица должна соответствовать сущности этой правовой конструкции, как на это указывают цивилисты. Например, Е. В. Богданов пишет: «проблема уголовной ответственности юридического лица сводится к допустимости его «чело-

вечивания», к возможности антропоморфного понимания его сущности... Однако юридическое лицо — не человек. И потому в отношении него не следует говорить о мотивах и мотивации, воле и вине, целях деятельности и пр. Ничего этого у юридического лица нет и априори быть не может. Все иные утверждения на этот счет есть антропоморфизм. На людей могут быть похожи только люди, но не правовые конструкции» [8, С. 33—35]. Я полностью согласен с таким подходом.

Как указывает Т. Я. Хабриева, «в последние годы все более активно обсуждается возможность введения по примеру многих развитых стран уголовной ответственности юридических лиц. Но это предполагает не только пересмотр концептуальных основ уголовного права, но и введение в законодательство России деления юридических лиц на лица публичного и частного права».[15, С. 5—16]

То есть для введения уголовной ответственности юридического лица необходимо определить публично-правовую, точнее, уголовно-правовую сущность юридического лица. Следовательно, необходимо выделить особое отношение, связанное с участием в юридическом лице для целей совершения уголовно-наказуемого деяния, урегулированное нормами уголовного права, определить сущность этого правоотношения. И мы встречаем в уголовном праве такие нормы, в ч.4 ст. 35 Уголовного кодекса РФ говорится о преступном сообществе (преступной организации) [5]. Думаю, что это и есть необходимый массив правоотношений, который подпадает под требования об уголовном преследовании «юридических лиц».

Что же касается уголовного преследования юридических лиц частного (гражданского) права, то здесь необходимо принять во внимание их гражданско-правовую сущность, которая, как мы видим, заключается в том, что это правоотношение, а правоотношение не может быть субъектом уголовной ответственности. Юридическое лицо — это правовое средство, правовой инструмент, правовое орудие, которое в том числе может быть использовано для совершения преступления. Поэтому к юридическому лицу частного права могут быть использованы средства уголовно-правового воздействия, соответствующие понятию «орудие преступления».

7. Вопрос возможности установления уголовно-правовой ответственности лежит выше внутренних проблем гражданского или уголовного права. Эта проблема системы права, его отраслевого деления. За последние двадцать пять лет мы так много говорили о дуализме права, что деление права на публичное и частное теперь представляется как одно из основных свойств системы российского права. Несомненно, что это так, но главным в этой структуре является не это де-

ление, а свойство «пандектности». Пандектное соотношение отраслей частного и публичного права определяет соотношение мер частноправовой и публично-правовой ответственности. Главное различие в них — цель. В частноправовой ответственности — это компенсация, восстановление нарушенного права. В публично-правовой ответственности — это превенция: общая и частная, т. е. предупреждение и возмездие (перевоспитание). Этими целями диктуются основные свойства механизмов этих ответственностей. В частном праве основание ответственности определяется на основе презумпции виновности, а в публичном праве на основе презумпции невиновности. Поэтому в частном праве используется «поведенческое» понятие вины. В публичном же праве вина должна быть настоящей — психологической. Только психологическое понятие вины соответствует целям публично-правовой ответственности — общей и частной превенции.

8. Все указанное есть правовые принципы России, на основе которых должны решаться вопросы установления уголовной ответственности юридических лиц. Россия принимает участие в ряде международно-правовых актах, где говорится об установлении уголовной ответственности юридических лиц. Например, в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [1]; в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [2]; в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [3]; в Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. [4]

Согласно ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной и организованной преступности «каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа... При условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной» (выделено мной — Р. У.). Аналогичное по содержанию правило содержится и в ст. 26 Конвенции ООН против коррупции. В ст. 18 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию говорится об ответственности юридических лиц, но в связи с совершением уголовных правонарушений физическими лицами. При этом характер ответственности не уточняется. Следовательно, в соответствии с правовыми принципами Российской Федерации данная ответственность может быть как гражданско-правовой, так и административно-правовой.

Как видим, указанные конвенции не вводят обязательность уголовно-правовой ответственности для юридических лиц стран — их участниц. Оценивая в целом всю практику установления уголовно-правовой ответственности в зарубежных странах, можно прийти к выводу, что все меры такой ответственности носят имущественный характер. Что вполне может осуществляться в том сочетании, которое существует в нашей системе права: уголовная — для целей общей и частной превенции в отношении виновных физических лиц; гражданская — для целей восстановления прав потерпевших в отношении виновных физических лиц и юридических лиц, которые будут признаны виновными в причинении вреда или в неосновательном обогащении на основании норм гражданского права.

9. И в заключении хочу сказать о значении теории юридического лица. Мы в своем большинстве (кто «родом из СССР») являемся свидетелями того, как теория юридического лица стала основной причиной развала экономики такой огромной державы как Советский Союз. Речь идет о «теории коллектива». Автором этой теории является академик А. В. Венедиктов [9, С. 667]. Но не он является виновным в развале Советского Союза, а сотни, если не тысячи ученых-юристов, которые довели эту теорию до абсурда. Высший апогей этого абсурда ознаменован принятием в 1982 году Закона СССР «О трудовых коллективах». Будучи работником небольшого государственного предприятия «Намское сельхозэнерго», автор этих строк принимал участие в выборах руководителя предприятия. И мне, восемнадцатилетнему парню, уже тогда было очевидно, что руководителем предприятия работники выберут не строгого, принципиального человека, а «своего парня», с которым можно запросто панибратски общаться, который закроет глаза на опоздание, на прогул, на брак, на пьянку на рабочем месте, закроет наряд по максимуму, иначе о-го-го, перевыберем. И это по всей стране. В итоге: крах не только экономики, но и самого Советского Союза. Вот какое значение имеет теория юридического лица для экономики страны и мира в целом. Не этого ли добиваются зарубежные страны, принуждая нас к введению уголовной ответственности юридических лиц? Прошу всех тех, кто выступает за введение уголовной ответственности юридических лиц, очень внимательно к этому отнестись.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой Генеральной Ассамблеи ООН) // Собр.

законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 26. — Ст. 2780; О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: федер. закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 40. — Ст. 3882; О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: федер. закон от 26.04.2004 № 26-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 18. — Ст. 1684.

3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 21.01.1999) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2394; О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: федер. закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3424.

4. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития от 21 ноября 1997 г.; О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федер. закон от 01.02.2012 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 6. — Ст. 622.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

6. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 19. — Ст. 2304.

7. Андреев В. К. Развитие понятия юридического лица [Электронный ресурс] // Гражданское право. — 2014. — № 4. СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

8. Богданов Е. В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц [Электронный ресурс]// Российская юстиция. — 2011. — № 8. СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

9. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948.

10. Грешников И. П. Субъекты гражданского права. СПб., 2002.

11. Ельяшевич В. Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. — СПб., 1910.

12. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. — М., 2003.

13. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. — М., 1984.

14. Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективного права // Вопросы общей теории советского права: сб. статей. — М., 1960.

15. Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц (к 90-летию юбилею В. Е. Чиркина) [Электронный ресурс]// Журнал российского права. — 2014. — № 10. СПС КонсультантПлюс (Дата обращения 11.03.2015).

16. См., например: Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. — 2005. — № 5; Он же. Юридическое лицо публичного права. — М., 2007; Ястребов О. А. Юридическое лицо публичного права. — М., 2010; Баренбойм П. Д., Лафитский В. И., Терещенко Л. К. Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран. — М., 2011; Усков О. Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды // Журнал российского права. — 2010. — № 6.

С. Ю. Филонов

*Управление Министерства внутренних дел России
по городу Новосибирску*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ. ЕЩЕ ОДИН ПОВОД «ЗА»

В настоящее время на мировой геополитической арене происходят глобальные пертурбации. Возникают новые, амбициозные центры силы, зачастую агрессивно пытающиеся диктовать «правила игры». В этих условиях, жизненно важными приоритетами России является: системная модернизация экономики, ориентирование на политику импортозамещения в национально значимых сферах жизнедеятельности государства, установление стратегического курса на инновационное развитие реального сектора экономики страны взамен экспортно-сырьевого вектора.

Под влиянием существующих реалий и внедряемых руководством государства социально-правовых алгоритмов уклада жизни общества видоизменяются и качественные характеристики криминальной обстановки. В последние годы в России наблюдается тенденция стремительного роста преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц. Анализ данного явления позволяет сделать вывод о том, что налицо новый вид субъекта преступления — преступления, совершенные юридическим лицом. Борьба с данным видом преступности, представляющей реальную угрозу безопасности общества и государства, в настоящее время является сверхактуальной задачей.

Решение данной проблемы в России теоретиками от правовой науки [2], экспертами и представителями законодательной, исполнительной и судебной власти изучается и анализируется на протяжении длительного времени.

В настоящее время Следственным комитетом РФ предложен на обсуждение проект закона под названием «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Сам по себе это уже огромный шаг по переходу от теоретического обсуждения плюсов и минусов вопроса уголовной ответственности юр. лиц к практическому внед-

рению новаторского правового института в систему российского законодательства.

Потребность в данном законопроекте назрела давно. Посредством внедрения института уголовной ответственности юридических лиц предполагается предоставление органам исполнительной и судебной власти инструментов адекватного и соразмерного реагирования на совершенные преступления экологического характера, создадут условия для более цивилизованного регулирования рыночных отношений в сфере соблюдения антимонопольного законодательства, общее снижение коррупционного фона в стране, борьба с фирмами-однодневками и т. д. Среди прочих аспектов хочется сказать еще о такой важной составляющей, как предупреждение совершения преступлений.

В практике расследования уголовных дел подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по городу Новосибирску имеется интересный в контексте обсуждаемой темы пример:

В 2012—2014 годах компания ООО «СибТехСнаб-НК» выступала в качестве посредника между гражданами выразившими желание приобрести квартиры в строящихся домах и рядом компаний застройщиков жилых многоквартирных домов на территории города Новосибирска. Суть деятельности компании ООО «СибТехСнаб-НК» заключалась в следующем: общество поставляло на строительные площадки компаний застройщиков отделочные и строительные материалы. Застройщики производили расчет с ООО «СибТехСнаб-НК» не денежными средствами, а квадратными метрами в строящихся домах. В последующем компания ООО «СибТехСнаб-НК» реализовывала квартиры гражданам, активно рекламируя собственную ценовую политику, существенно ниже рыночных предложений в тот момент времени, даже ниже чем у непосредственного застройщика жилого дома. Нужно отметить, что до определенного момента данная схема ведения бизнеса была жизнеспособной и удовлетворяла желания граждан приобрести недорогое жилье. Но, предлагая квартиры рынку по демпинговым ценам, компания ООО «СибТехСнаб-НК» фактически не получила прибыли.

В чем смысл подобного бизнеса, спросите Вы? А смысл прост. Руководитель компании ООО «СибТехСнаб-НК» Данилин Владимир Геннадьевич, обладая пороком воли и изначально имея умысел на совершение преступления, получал от граждан денежные средства за квартиры в строящихся домах. Впоследствии дан-

ные денежные средства Данилин В. Г. присваивал себе, не предоставляя гражданам ни квартиры, ни денег.

На начальных этапах ведения бизнеса, широко рекламируя свою компания через СМИ, а по большей части посредством «сарафанного» радио, Данилин В. Г. создавал репутацию своей фирме как надежной и стабильной организации, выполняя свои обязательства, то есть продавал гражданам дешёвое жильё. На последующих этапах своей деятельности Данилин В. Г. просто обманывал доверчивых граждан, присваивал их деньги, фактически не имея никаких юридически закреплённых правовых оснований на реализацию квартир, предлагаемых ООО «СибТехСнаб-НК». Реализуя подобную схему бизнеса, Данилин В. Г. пытался достичь одного — большого потока клиентов в компанию, заманивая их низкими ценами на квартиры и без зазрения совести присваивая себе последние накопления у пенсионеров, активно злоупотребляя юридической неграмотностью доверчивых пожилых людей.

В итоге в феврале 2014 года в отношении директора ООО «СибТехСнаб-НК» Данилина В. Г. возбуждены несколько уголовных дел по статье «Мошенничество» в особо крупном размере.

«Какое это имеет отношение к привлечению юридического лица к уголовной ответственности, ведь преступление совершено руководителем фирмы, ведь он как физическое лицо присвоил денежные средства граждан?», спросите Вы. Самое непосредственное. Суть — в продолжении истории.

С момента первого возбужденного в феврале 2014 г. дела в отношении директора ООО «СибТехСнаб-НК» Данилина В. Г. до 15 апреля 2014 г., когда по решению суда в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, им было совершено еще несколько особо тяжких преступлений и причинено имущественного ущерба гражданам на общую сумму более 15 млн. рублей. Всего Данилиным В. Г. было совершено порядка 50 подобных преступлений.

В контексте нашей темы можно утверждать, что Данилин В. Г. в ходе реализации своей деятельности фактически использовал подконтрольное ему юридическое лицо ООО «СибТехСнаб-НК» как инструмент совершения преступления.

Данный подход отражен в проекте федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», предложенном Следственным комитетом РФ, а именно: «Статья 104⁴.

Основания и условия применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера...

б) использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления». [1]

Можно предположить, что, имея в уголовно-правовом законодательстве норму привлечения к уголовной ответственности юридического лица, в рассмотренной истории можно было бы предотвратить совершение директором ООО «СибТехСнаб-НК» последующих преступлений уже после первого возбужденного уголовного дела, применив ряд санкций уголовно-правового характера уже в отношении самого юридического лица, тем самым лишив Данилина В. Г. инструмента совершения преступления.

Справедливо возникнет следующий вопрос: что делать, если при возбуждении уголовного дела в отношении юридического лица руководство компании бросит на произвол судьбы подконтрольную им организацию, скроется в другом регионе нашей необъятной родины и спокойно будет претворять в жизнь свои преступные намерения, используя с этой целью в качестве инструмента другое юридическое лицо?

В правоприменительной практике гражданского судопроизводства в случаях банкротства организации, вызванного действиями ее должностных лиц, учредителями или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, в качестве способа возмещения ущерба причиненного действиями юридического лица, возврата задолженности кредиторам применяется вменение субсидиарной ответственности руководству исполнительного органа, а также учредителям организации. Таким образом, законодательство напрямую связывает действия должностных лиц, руководивших организацией и юридическое лицо как субъект правоотношений. Полагаю разумным и юридически мотивированным решением взять данный принцип за основу применительно к уголовной ответственности юридических лиц. То есть не разделять действия юридического лица как субъек-

екта правоотношений и действий, выполняющего управленческие функции в интересах данного юридического лица. Об этом, к слову, также говорится в проекте закона, предложенного СКР.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона // [Электронный ресурс] <http://sledcom.ru/document/1133> (дата обращения 12.02.15 г.)

2. Лебедев Н. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя — гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае / Материалы ежегодное межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой памяти заслуженного юриста РФ, д. юрид. наук, проф. Е. Н. Тихонова. — Барнаул, 2008. — С. 196—198.

С. Д. Цэнгэл

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

**К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
(ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ
ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ
ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ», ПОДГОТОВЛЕННОГО
СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ РФ)**

Уголовная политика как особое направление государственной деятельности привлекает повышенное внимание как профессиональных юристов, так и широкой общественности, закономерно предъявляющей требования эффективности и результативности к практике противодействия преступности. А. Э. Жалинский писал: «Одной из серьезных опасностей, ныне угрожающих уголовному праву, является своего рода отсутствие почвы, когда методология познания и действия не становится внутренне осознанной для субъекта, а основания (аргументы) деятельности избираются походя, под влиянием карьерных, эмоциональных факторов, неосознанного комплекса вины, возникшего вследствие бездействия на социальном переломе у лиц, имевших статусные обязанности действовать; но одновременно опасной является и методологическая «зашоренность», не позволяющая адекватно воспринимать социальные реалии [4, С. 29].

Актуальной продолжает оставаться дискуссия в связи с опубликованием в 2011 году на официальном сайте Следственного комитета РФ проекта Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. [8; 2, С. 46—50; 3, С. 27; 6, С. 109—113; 9; 10, С. 7—10; 11, С. 58—62].

Сама идея об уголовной ответственности юридических лиц, разумеется, не нова, она обсуждалась в конце XIX — начале XX в., в связи с подготовкой в России нового Уголовного уложения, но законодатель тогда не воспринял ее: для того, «чтобы избежать несправедливости поражения целых учреждений за вину их представителей, а также наказания всех за вину некоторых, — что неизбежно при допущении принципа о виновности и наказуемости юридических лиц, — в уголовные кодексы внесены определения, в силу которых юридические лица совершать преступления не способны» [5, С. 272].

Ряд международных правовых актов содержит рекомендации о введении уголовной ответственности юридических лиц за различные виды преступной деятельности. Так, Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 4 ноября 1998 г. (Страсбург) в ст. 9 «Корпоративная ответственность» предполагает создание условий для применения уголовных или административных санкций к юридическим лицам за экологические преступления. При этом корпоративная ответственность не исключает уголовного преступления физического лица. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (Нью-Йорк) в ст. 10 «Ответственность юридических лиц» предполагает установление уголовной, гражданско-правовой или административной ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях. Ст. 26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (Нью-Йорк) «Ответственность юридических лиц» предполагает установление уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления [1].

На наш взгляд, Российской Федерации следует согласиться с необходимостью учета рекомендаций о введении уголовной ответственности юридических лиц за некоторые виды преступной деятельности. Данный институт эффективно функционирует в уголовном законодательстве ряда иностранных государств. Представляется, что нуждается в переоценке традиционное неприятие идеи уголовной ответственности юридических лиц. Известно, что один из вариантов проекта Уголовного кодекса РФ уже содержал соответствующие статьи, однако впоследствии они были исключены. В последнее время появляется все больше данных, свидетельствующих в пользу нового нетрадиционного подхода к проблеме [7].

Необходимо четко определить соотношение российского уголовного закона и общепризнанных принципов и норм международного права, более отчетливо решая задачу обеспечения суверенитета российского уголовного законодательства. Сами по себе ссылки на необ-

ходимость безусловного включения в УК РФ различных уголовно-правовых конструкций, рекомендуемых или принятых в международных договорах, независимо от их системного происхождения и самой возможности интегрироваться в российское уголовное законодательство, как это происходит с рассматриваемым институтом, вызывают возражение.

В научной литературе высказаны заслуживающие внимания доводы в пользу уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления [10, С. 9—10]. Содержащийся в законопроекте перечень преступных посягательств, за которые предполагается осуществлять уголовное преследование юридических лиц, на наш взгляд, слишком велик. Введение института уголовной ответственности юридических лиц целесообразно начать с установления уголовной ответственности организации лишь за отдельные виды преступлений (экологические, и возможно, экономические).

Вышеизложенные соображения приводят нас к следующим двум выводам:

1) введение института уголовного преследования юридических лиц в Российской Федерации возможно не в самое ближайшее время;

2) и, во-вторых, только за действительно необходимый минимум преступлений.

Список использованных источников

1. Доступ из СПС Гарант. URL: <http://garant.ru>
2. Егорова Н. Новый проект закона об уголовной ответственности юридических лиц: критический взгляд // Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц. Сб. ст. по материалам Всерос. научно-практич. конф. 22 июня 2012 г. — СПб., 2012.
3. Есаков Г. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. — 2011. — № 3.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — М., 2009.
5. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. 3-е издание. — Киев, 1891.
6. Крылова Н. Е. К вопросу о введении «института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского Конгресса уголовного права (26—27 мая 2011 г.). — М., 2011.
7. Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. — М., 2002.

8. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электрон. ресурс] // <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273> (дата обращения: 08.02.2015)

9. Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практич. конф. 22 июня 2012 г. — СПб., 2012.

10. Фаткулин С. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления // Законность. — 2012. — № 11.

11. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. — 2009. — № 1.

Т. А. Черткова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПРИНЦИП ВИНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Институт уголовной ответственности юридических лиц обсуждается в России на протяжении двух десятилетий. В предварительных проектах Уголовного Кодекса РФ, положенных в основу нового УК Российской Федерации, этот вопрос был решен положительно. Однако при обсуждении и голосовании проекта в первом чтении в Государственной Думе это предложение не прошло, и УК РФ 1996 года в этом отношении остался на прежних позициях.

Дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц в юридической теории актуальна и в научных, и в практических кругах, которые разделились на сторонников и противников такой ответственности.

Противники введения уголовной ответственности юридических лиц приводят следующие аргументы:

— объективное выражение воля находит только в целенаправленных деяниях, то есть поступок человека является единственной формой, в которой воля может найти свое объективное выражение [15, С. 12];

— уголовная ответственность юридических лиц противоречит принципу личной виновной ответственности и принципу индивидуализации ответственности и наказания [15, С. 13];

— признание юридических лиц субъектами преступления приведет к образованию в уголовном законодательстве двух систем принципов и оснований уголовной ответственности [5, С. 20];

— усилить материальную ответственность за незаконную деятельность юридического лица можно в рамках других отраслей права (гражданского, административного). Так, И. Богуш указывает, что «социально-нормативной основой хозяйственной сферы являются, прежде всего, регулятивные отрасли права — гражданское, предпринимательское. Нормы уголовного права являются лишь крайним средством воздействия на отклоняющееся поведение в сфере экономики,

любое же крайнее средство должно применяться с осторожностью.[6, С. 20] Многие авторы, говоря о неэффективности мер гражданского или административного характера в борьбе с экологическими и хозяйственными преступлениями, «подменяют в данном случае вопрос о неэффективности гражданско-правовых и административных механизмов защиты экологических прав граждан и общества в целом, бездействия прокурорского надзора, надуманной проблемой уголовной безответственности соответствующих предприятий. И еще вопрос: при такой неэффективности экологических правоохранительных структур что изменит введение уголовной ответственности юридических лиц?» [6, С. 21].

Латвийский профессор У. Крастиньш, высказывает мнение о том, что «уголовная ответственность должна быть установлена только в исключительных случаях, когда другие виды юридической ответственности не обеспечивают защиту важных интересов государства и общества, являются недействительными, исчерпали свои возможности и не дали желаемого результата [12, С. 45]».

Кроме того, идея введения института уголовной ответственности юридических лиц встречает сопротивление в бизнес-сообществе, поскольку предполагает дополнительные механизмы вмешательства государства в экономическую деятельность. Привлечение юридического лица к уголовной ответственности откроет дополнительные возможности для коррупции в правоохранительных органах, может использоваться для целей устранения конкурирующих организаций с рынка.

Тарасов Ю. В. проанализировал контраргументы сторонников признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности. Некоторые из них мы просто назовем, другие рассмотрим более подробно. Например, приводятся такие аргументы:

— происходящие в России изменения в политической, экономической и социальной жизни общества не могли не сказаться на деятельности легально зарегистрированных юридических лиц, которая зачастую носит криминальный характер;

— сложная структура управления предприятием затрудняет идентификацию физических лиц, причастных к совершению преступления;

— сбои в функционировании юридического лица являются результатом продолжающейся на протяжении многих лет неверной координации действий управленческого аппарата, что также затрудняет выявление конкретных физических лиц, виновных в совершении преступления;

— юридические лица имеют механизмы сокрытия физических лиц, причастных к совершению преступления;

— уголовная ответственность юридических лиц вполне может существовать с принципом личной виновной ответственности, поскольку такая не исключает ответственности конкретных физических лиц, совершивших общественно опасное деяние в интересах юридического лица и в рамках своей служебной деятельности;

— отсутствие законодательной базы привлечения юридических лиц к уголовной ответственности увеличивает уровень латентной преступности.

Одним из наиболее частых аргументов в пользу установления уголовной ответственности юридических лиц является ее присутствие в уголовном законодательстве зарубежных государств, причем относимых к разным правовым системам [16, С. 57—62].

На что Г. И. Богуш возражает: «Безусловно, опыт зарубежного уголовного законодательства нуждается в изучении и осмыслении. Тем не менее, выразим мнение, что далеко не все то, что имеется в других правовых системах, приемлемо для российского законодательства. Англо-американское законодательство, помимо уголовной ответственности юридических лиц, знает и другие незнакомые российскому праву институты — «абсолютную ответственность» (*strict liability*) — ответственность без вины, неопределенные приговоры к лишению свободы и многое другое.» [6, С. 28]

Додонов В., анализируя зарубежное законодательство об уголовной ответственности юридических лиц, указывает, что основным побудительным мотивом для признания уголовной ответственности юридических лиц стала необходимость борьбы с экологическими и хозяйственными преступлениями, поскольку, как выяснилось, индивидуальная ответственность служащих корпораций не может даже в малой степени возместить причиняемый ущерб и предупредить совершение новых аналогичных правонарушений [8, С. 55].

Е. Ю. Антонова в обоснование необходимости введения такой ответственности приводит данные о массовых нарушениях предприятиями налогового законодательства в дальневосточном регионе [4, С. 4]

А. П. Козлов приводит примеры из природоохранительной практики Красноярского края, связанные с деятельностью предприятий, производивших радиоактивные выбросы в Енисей [11, С. 33].

Абашина Л. А., будучи сторонником уголовной ответственности юридических лиц, указывает: «Следует строго ограничить законодательно круг тех преступлений, за совершение которых юридические лица могут нести уголовную ответственность (самостоятельную или дополнительную). Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за совершение ряда экономических, экологических пре-

ступлений, за участие в экстремистской и террористической деятельности, за совершение преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, за коррупционные деяния и организацию незаконной миграции. [3].

Э. Н. Жевлаков, поддерживая идею о введении уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления, указывает, что на практике часто невозможно привлечь организацию к гражданско-правовой ответственности, ибо вред природе не всегда поддается денежной оценке. [10, С. 11]

Такая аргументация вызвала у Г. И. Богуш ряд вопросов:

— неужели автор (Антонова Е. Ю.) полагает, что причины данной ситуации в том, что предприятия нельзя привлечь к уголовной ответственности? И что введение такой ответственности изменит ситуацию к лучшему?

— что мешает привлечь виновных лиц к уголовной ответственности, а предприятие оштрафовать и деятельность его прекратить в соответствии с нормами экологического и административного права?

— что мешает возместить потерпевшим вред здоровью в соответствии с положениями ГК РФ? И что даст в данном случае провозглашение комбината «преступным» в случае реализации предложений А. П. Козлова? [6, С. 24—25]

Являясь противниками введения уголовной ответственности юридических лиц и поддерживая Г. И. Богуша, обращаем внимание еще на некоторые аспекты.

Как уже отмечалось, Жевлаков Э. Н. указывает, что невозможно привлечь организацию к гражданско-правовой ответственности, ибо вред природе не всегда поддается денежной оценке. Но ведь для привлечения к уголовной ответственности также нужно установить причиненный вред, т. к. это является элементом объективной стороны преступления. Таким образом, выходит, что к гражданско-правовой ответственности организацию привлечь нельзя, а к более строгой уголовной ответственности будет можно.

Среди приведенных Ю. В. Тарасовым контраргументов сторонников юридических лиц, есть и такие:

— зачастую уголовной ответственности подвергаются рядовые служащие юридического лица, тогда как должностные лица, строящие политику предприятия, остаются недосягаемыми, вследствие чего юридическое лицо продолжает свою преступную деятельность;

— привлечение к уголовной ответственности лишь физических лиц, не может дать гарантии того, что юридическое лицо не будет про-

должать свою преступную деятельность, но при помощи уже других физических лиц; [16, С. 57—62]

С такими аргументами можно отчасти согласиться, т. к. практика показывает, что такие ситуации имеют место. Однако та же практика показывает, что имеют место случаи, когда должностные лица, которые не были привлечены к ответственности, в том числе и уголовной, закрывают предприятие (организацию) и регистрируют новое с теми же учредителями. Тем более что некоторые авторы предлагают для юридических лиц закрепление в уголовном законе следующей системы уголовных наказаний: основными наказаниями для юридических лиц должны быть штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью и ликвидация юридического лица; дополнительно к основным наказаниям могут назначаться штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, афиширование судебного постановления в СМИ. [3] И, в таком случае, что помещает новому юридическому лицу продолжать преступную деятельность?

Рассмотрев отдельные позиции сторонников и противников уголовной ответственности юридических лиц, нельзя оставить без внимания и тех ученых, которые предлагают разделять субъекта преступления и субъектов уголовной ответственности, относя к последним юридических лиц. Так, Б. В. Волженкин считает, что преступление может совершить физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Однако нести уголовную ответственность за преступные деяния могут не только физические, но и, при определенных условиях, юридические лица [7, С. 26]

Рассматривая вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, нельзя не упомянуть о том, что на протяжении полутора десятков лет вполне успешно функционирует институт административной ответственности юридических лиц. По своей правовой природе административная ответственность близка к уголовной. В рамках административной ответственности к юридическим лицам применяются штрафы в весьма значительных размерах (до одного миллиона рублей, а по некоторым статьям до пяти и даже до шестидесяти миллионов) или приостановление деятельности сроком до 90 суток. За эти годы в административном праве нарабатана определенная практическая и научная база квалификации правонарушений, совершенных юридическими лицами, определение их вины.

Однако успешное функционирование института административной ответственности юридических лиц не только не свидетельствует о необходимости введения института уголовной ответственности для них, а скорее говорит об обратном. Санкции в административном пра-

ве уже вполне сопоставимы с уголовными наказаниями. Цели административного наказания такие же, как и в уголовном праве.

В последнее время вопрос о возможном введении в России уголовной ответственности юридических лиц стал едва ли не самой обсуждаемой проблемой в науке уголовного права. Это было вызвано законопроектом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», разработанным Следственным комитетом РФ [1]. Данный проект вызвал много откликов, преимущественно негативных. В 2012г. Следственным комитетом РФ был представлен другой проект — «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»[2].

Егорова Н. А., анализируя данный законопроект, указывает, что, он лишен наиболее серьезных недостатков своего предшественника, но, тем не менее, новый проект вызывает массу вопросов, и называет основные спорные моменты. [9, С. 38—42]

Главная проблема юридической конструкции уголовной ответственности юридического лица связана с субъективной стороной деяния. Как известно, обязательное условие уголовной ответственности — вина, понимаемая как психическое отношение лица к содеянному.

Противники уголовной ответственности юридических лиц ссылаются на то, что при привлечении юридического лица к уголовной ответственности невозможно будет установить вину как психическое отношение лица к общественно опасному деянию и его последствиям [15, С. 17]

В ч. 1.1 ст. 24 Проекта 2012 г. сформулировано следующее положение о вине юридического лица в преступлении: «Организация признается виновной в совершении преступления, если у нее имелась возможность для соблюдения запретов, нарушение которых влечет установленную настоящим Кодексом ответственность организаций, но ею не были приняты все зависящие от нее меры по соблюдению таких запретов». [2]. Критикуя такое определение, Егорова Н. А., пишет: «Нетрудно заметить, что в приведенной формулировке воспроизводится положение о вине юридического лица в административном правонарушении (п. 2 ст. 2.1 КоАП РФ). Психологическое содержание вины здесь отсутствует, вина (обязательный признак субъективной стороны преступления) подменяется деянием в форме бездействия (признаком объективной стороны). Поэтому целесообразнее следую-

щая редакция ч. 1.1 ст. 24 Проекта 2012 г.: «Юридическое лицо признается виновным в совершении преступления, если будет установлено преступное поведение уполномоченного физического лица, которое совершило данное преступление умышленно (от имени или в интересах данного юридического лица) либо по неосторожности». [9, С. 41—42]

А. С. Никифоров высказал точку зрения, в соответствии с которой «преступление признается совершенным юридическим лицом, если оно совершено лицом или лицами, которые контролируют осуществление юридическим лицом его прав и (или), в пределах своей компетенции, действуют в осуществлении этих прав» [14, С. 109].

По мнению Кришалович Е. Г., «юридическое лицо, как искусственная конструкция, не наделенная психикой, все равно является субъектом права и не может уходить от публично-правовой ответственности. В связи с этим стоит отметить, что юридическое лицо, являясь объединением людей на основе общности определенного интереса, стремится к определенной цели, носит упорядоченный и системный характер, как правило, имеет некую волю и четкую форму выражения.» [13]

Согласно Абашиной Л. А., «Вина юридического лица в совершении преступления есть субъективное отношение к противоправному деянию его участников (членов) или служащих, действовавших в рамках своих полномочий. В этом случае вина юридического лица, рассматриваемая как продукт психической деятельности людей, должна пониматься как вина указанных физических лиц и считаться доказанной только при наличии вины в их деяниях.» [3]

Как нетрудно заметить, во всех приведенных определениях все сводится к вине физических лиц, которую нужно установить и доказать. Но в таком случае, если в совершении преступления установлена вина конкретного физического лица, зачем привлекать к уголовной ответственности юридическое лицо? Если все-таки юридическое лицо будет привлечено к уголовной ответственности и в отношении него будет принято решение о ликвидации, то жертвами преступных действий руководителей этого юридического лица могут стать рядовые работники, которые будут уволены. Ликвидация юридического лица будет сопряжена с негативными социально-экономическими последствиями и для уволенных работников, и для членов их семей, для кредиторов и партнеров по бизнесу, для банков, для бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов.

Таким образом, помимо принципов виновной и личной ответственности будет нарушен и принцип справедливости, закрепленный в УК РФ.

Итак, мы считаем уголовную ответственность юридических лиц несовместимой с основными принципами и институтами российского уголовного права. Цель защиты общества от противоправной деятельности юридических лиц с успехом может достигаться имеющимися мерами административной и гражданско-правовой ответственности. А с учетом кризисных явлений в российской экономике и роста безработицы, усиление карательных мер в отношении хозяйствующих субъектов представляется контрпродуктивной мерой.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц: проект федерального закона [Электронный ресурс] // http://www.sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov2 (дата обращения: 17.01.15)
2. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц: проект [Электронный ресурс] // <http://zakon.ru/Discussions/OneDiscussion/295> (дата обращения: 17.01.15)
3. Абашина Л. А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с. [Электронный ресурс] // <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1300219> (дата обращения: 21.01.15)
4. Антонова Е. Ю. Юридическое лицо как субъект преступления. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. — Владивосток, 1998. — 25 с.
5. Антонова Е. Ю. К вопросу о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности // Вестник ТГУ им. Державина. — 2004. — № 4. — С. 20.
6. Богуш Г. И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2005. — № 4. — С. 19-30
7. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц — СПб., — 1998. — С. 26.
8. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. — 2006 — № 4. — С. 54—59.
9. Егорова Н. А. Новый проект закона об уголовной ответственности юридических лиц: критический взгляд // Проблемы формирования института уголовного преследования юридических лиц: сб. статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 22 июня 2012 г./под общ. ред. Е. Н. Рахмановой, К. Б. Калиновско-

го. — СПб: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2012. — С. 38—42.

10. Жевлаков Э. К вопросу об ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений//Уголовное право. — 2002. — № 1. — С. 10—13.

11. Козлова Н. В. Юридическое лицо с точки зрения закона и правовой науки // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2002. — № 5. — С. 32—57.

12. Крастиныш У. Я. Коллективный субъект в уголовном праве // Материалы международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. — М.: ЛексЭст, — 2002. — С. 44—47.

13. Кришалавич Е. Г. Уголовная ответственность юридических лиц, как равноправные условия субъектов права // Политика, государство и право — 2014. — № 5 [Электронный ресурс]. <http://politika.snauka.ru/2014/05/1615> (дата обращения: 21.01.15)

14. Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. — М., — 2002. — 204 с.

15. Рагулина А. В. Спасенников Б. А. Человек (физическое лицо) как субъект преступления // Черные дыры в законодательстве. — 2003. — № 2. — С. 12—17.

16. Тарасов Ю. В. Может ли юридическое лицо стать субъектом преступления // Юридический консультант. — 2003 — № 7. — С. 56—69.

А. И. Шарова

Московский государственный институт международных отношений (У), Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУТУ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ**

В течение последнего десятилетия в России ведутся дискуссии о необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц. В июле 2014 года Следственным Комитетом Российской Федерации был разработан уже второй по счету законопроект о введении этого института. Необходимость таких изменений обосновывается внутренней потребностью улучшить механизмы регулирования деятельности российских компаний. Однако в первую очередь, камнем преткновения выступают вопросы концептуального характера. Институт уголовной ответственности юридических лиц противоречат устоявшимся принципам уголовного права, которые применяются в странах романо-германской правовой семьи.

Однако, несмотря на фундаментальные разногласия институт уголовной ответственности юридических лиц получает все большее распространение в законодательстве других государств. Отвечая на потребность в теоретическом обосновании, формируются новые подходы к пониманию этого института. Основным источником развития доктрины выступает судебная практика в странах общего права. Во-первых, по тому, что именно там впервые была установлена корпоративная уголовная ответственность в современном ее понимании. Во-вторых, в силу того, что именно судебная практика играет существенную роль в развитии новых норм в странах общего права. Важным для нас является то, что аргументы, сформулированные англосаксонскими юристами, весьма значимы и для остальных государств, также принимающих нормы уголовной ответственности юридических лиц. В связи с этим, представляется актуальным рассмотреть существующие теоретические подходы в зарубежном праве.

Первым теоретическим подходом, который объясняет применение корпоративной уголовной ответственности, стала агентская теория (agency theory) [1, С. 177], заимствованная из гражданского права. В ее

основе лежит принцип *respondeat superior* — «пусть ответит старший». Он начал применяться в Англии в 17 веке, а затем получил распространение в США в рамках гражданского права. Суть этого принципа сводится к следующему: работодатель или принципал несут ответственность за действия своих подчиненных или агента совершенные в пределах своих полномочий непосредственно, вытекающих из условий найма или распоряжений уполномоченных лиц, от имени компании. В рамках уголовного права принципалом, несущим ответственность, выступает сама компания.

Норма, на основе которой был сформулирован этот подход, была впервые зафиксирована в законе Элкинса, принятом в Соединенных штатах Америки в 1903 году. Этот акт был направлен на ужесточение контроля над железными дорогами и относится к периоду бурного развития федерального законодательства США: принятия закона 1887 года, запрещавшего дискриминацию, 1890 года — против попыток монополизации и сговора. Политика правительства в это время была направлена на защиту конкуренции и установления справедливого торгового режима [2, С. 5]. В тоже время она отражала столкновение интересов крупного бизнеса и государства.

Интересны аргументы Межштатной торговой комиссии в пользу принятия этого акта. Они отвечают на важный вопрос о целесообразности применения уголовной ответственности юридических лиц, которые актуальны и сегодня. По мнению членов Комиссии, отсутствие подобной меры, во-первых, приводит к тому, что наказание несут не те лица, которые получили выгоду от правонарушения. Во-вторых, корпорация, которая является единственным выгодополучателем, остается не только безнаказанной, но признается неспособной совершать преступные действия, что сводит на нет эффективность существующего законодательства. В-третьих, зачастую невозможно отыскать сотрудника ответственного за правонарушение и начать уголовное преследование в отношении физических лиц. Принимая во внимание эти аргументы, а также желание ужесточить контроль над грузоперевозчиками, законопроект был одобрен президентом Т. Рузвельтом и принят Конгрессом [2, С. 4].

Новый инструмент контроля предусматривал корпоративную уголовную ответственность в случае, если правонарушение было совершено директором, официальным лицом, грузополучателем, доверительным собственником, агентом, арендатором или каким-либо сотрудником корпорации в пределах предписанных ему полномочий в качестве агента. В этом случае оно считается правонарушением, совершенным от лица самой корпорации — принципала.

Ключевым моментом в претворении в жизнь принципа *respondeat superior* в рамках уголовного права стала защита этого закона в судебной практике. Дело *New York Center & Hudson River Railroad Company v. the US* 1909 года считается классическим, поскольку оно имело большое значение для развития доктрины корпоративной уголовной ответственности. Дело представляет собой апелляционную жалобу железнодорожной компании *N. Y. Center & H. R. Railroad Company* в Верховный суд США в связи с решением Южного окружного суда Нью-Йорка. Компания отказалась признавать решение об уплате корпорацией и помощником менеджера по перевозкам и об их обязанности уплатить штраф в размере 108 тысяч долларов и 6 тысяч долларов соответственно.

Фабула дела такова: железнодорожная компания вступила в сговор с грузоотправителями *American Sugar Refining Company of New York* и *American Sugar Refining Company of New Jersey* по поводу тарифа на перевозку груза. Официально установленный и опубликованный тариф составлял 23 цента за 100 фунтов на период апрель-май 1904 года. Однако грузоотправителям была предоставлена скидка на 5 центов за 100 фунтов на соответствующий период. Также железнодорожная компания предоставила скидку получателю груза — дилерской компании *W. H. Edgar & Son*, на 3 цента за 100 фунтов на июнь 1904 года при официальной ставке — 21 цент за 100 фунтов. Изначально грузоперевозки были оплачены по официальному тарифу. Далее 14 июля от официального представителя компании поступила заявка на возврат причитающейся компенсации. 31 августа она была удовлетворена, и железнодорожная компания уплатила 1, 524, 99 долларов [3, С. 489].

Сторона обвинения представила доказательства в виде выставленного счета и переписки контрагентов. Сам факт нарушения не являлся предметом обжалования. Возражение железнодорожной компании касались штрафа в отношении корпорации как юридического лица, поскольку его выплата ложилась на плечи акционеров. Сторона защиты оспаривала конституционность закона Элкина. Она утверждала, что акционеры не могут нести ответственность за правонарушение своего сотрудника, так как акционеры не принимали решение по поводу действий, которые привели к правонарушению. Однако Суд отклонил это возражение и признал решение окружного суда справедливым. Он заявил, что помощник менеджера по перевозкам действовал в рамках полномочий, предоставленных ему акционерами. Следовательно, компания также несет ответственность за нарушение справедливой конкуренции в виде штрафа на крупную сумму 108,000 долла-

ров (в то время как штраф помощника по перевозкам составил 6,000 долларов) [3, С. 490].

Это дело считается ключевым для практического применения принципа *respondeat superior* в уголовном праве при установлении ответственности корпораций. Несмотря на то, что он был впервые применен более ста лет назад, он до сих пор широко распространен в США, а также в Южноафриканской республике. В уголовном праве Великобритании этот принцип применяется при рассмотрении некоторых правонарушений, которые предусматривающих привлечение к «строгой ответственности» (привлечение к ответственности такого рода происходит без установления субъективной вины нарушителя, из одного лишь факта причинения вреда). Современное статутное право Объединенного королевства в области регулирования деятельности компаний также исходит из агентской теории. В Законе о Компаниях 2006 года в части 4 статье 40 указано, что директора обладают правом принимать юридически обязывающие для компании решения. Они могут уполномочивать других лиц принимать решения, имеющие сходные юридические последствия. В Законе уточняется, что это право не может быть ограничено уставными документами компании. Закон также устанавливает уголовную ответственность за нераскрытие требуемой информации (статья 84) как самой компанией, так и сотрудником, невыполнившим обязательство [4, С. 1—10].

Несмотря на очевидные достоинства этого подхода: он логичен и исходит из устоявшегося принципа, агентская теория не отвечает на проблемный вопрос об определении субъективной стороны преступления, то есть вины и умысла. Из рассмотренного дела следует, что психологическое отношение к правонарушению не является необходимым элементом состава преступления при установлении корпоративной уголовной ответственности. В основе агентской теории лежит номинализм, то есть представление о том, что юридическое лицо не имеет собственного сознания и воли. Тем не менее, оно признается ответственным на основании принципа *respondeat superior* за действия своих сотрудников. Фактически же наказание несут акционеры, которые даже если не были осведомлены о действиях своих сотрудников, ранее наделили их полномочиями, в рамках которых последние совершили преступление. Такой подход, с одной стороны, вписывается в систему уголовного права стран континентальной Европы, поскольку не предполагает принципа личной ответственности компаний. Это освобождает законодателя от необходимости переосмысливать сущность юридических лиц. С другой стороны, возникает двойственность применения принципов уголовного права. К одним субъектам они

применяются в полном объеме, а к другим — с исключениями. Следовательно, необходимы изменения в понимании уголовной ответственности.

Следующим теоретическим подходом, который мы рассмотрим в этой статье, является теория идентификации (*Identification test*) или *Alter ego*. Ее также называют «теорией управляющего разума» («directing mind» theory) или органической теорией (*organic theory*). В отличие от предыдущей теории, этот подход принимает во внимание субъективную сторону состава преступления. Он основывается на установлении вины привлекаемых к ответственности лиц. К ним относятся те сотрудники, которые являются, по сути, управленческим центром компании, ее «разумом и волей» («mind and will»): директора и управляющие компании, а также иные лица, обладающие достаточными полномочиями. Презюмируется, что они действуют не от имени компании, а непосредственно являются самой компанией, то есть представляют ее второе я (отсюда название *Alter ego*) [5, С. 182—183].

Этот подход был разработан и впервые применен в судебной практике Великобритании в 1940х годах. Его развитие происходило постепенно. Так, например, в решении по делу *Bolton Co. v. Graham* 1957 года судья Лорд Деннинг образно сформулировал его общую идею: «Во многих отношениях компания может быть уподоблена человеческому телу. У нее есть мозг и центральная нервная система, которая контролирует действия тела. Также у нее есть руки, которые держат инструменты и действуют в соответствии с указаниями центра. Сходным образом, некоторые люди в компании являются исключительно подчиненными, которые не являются ни чем иным кроме как руками, которые выполняют работу и нельзя сказать, что они представляют сознание или волю компании. Другие выступают в роли директоров и управляющих, которые представляют руководящее сознание и волю компании и контролируют ее деятельность. Сознание этих управляющих — это сознание компании и рассматривается правом как таковое» [6, С. 5—10]. Из этого высказывания можно сделать вывод о том, как функционирует компания и как в ней распределена ответственность. Такое представление было характерно для середины прошлого века и отчасти оно сохраняет актуальность и сегодня.

Более подробное толкование органической теории получила в деле *Tesco Supermarkets Ltd v Nattrass* 1971 года [7, С. 1—15], которое является одним из ведущих дел в области корпоративной уголовной ответственности в судебной практике Великобритании. В этом деле теория идентификации впервые была рассмотрена и применена Палатой Лордов. До этого случая подобные дела, как правило, рассматривались

мировыми судами, которые гораздо реже используют сложные правовые аргументы.

Фабула дела состояла в следующем. Сеть супермаркетов «Tesco» в Великобритании продавала стиральный порошок по специальной сниженной цене вместо 3 фунта 11 пенни — 2 фунта 11 пенни. Рекламой служили плакаты, на которых была указана скидка. В соответствии с Законом 1968 об описаниях товаров при торговле любое указание на цену, которая ниже чем так по которой продается товар по факту, является преступлением [8, С. 7].

В одном из супермаркетов компании в городе Нортвич 26 сентября пожилой г-н Коэн приобрел стиральный порошок по цене 3.11 фунта, несмотря на заявленную скидку, поскольку упаковок по цене 2 фунта 11 пенни не было в наличии. После этого г-н Коэн подал жалобу инспектору по метрологии о нарушении его прав. Дело было вынесено на рассмотрение местного суда, который присудил компании выплатить штраф 25 фунтов плюс издержки. Компания подала апелляцию на основании, того что, если лицу удастся доказать, что правонарушение было совершено по ошибке или из-за информации полученной от иного лица или действий иного лица, а также событий, независящих от воли правонарушителя, то она не будет признана виновной (Закон 1968 — раздел 24). Палата Лордов признала жалобу правомерной и постановила, что таким «иным лицом» являлся менеджер магазина. Следовательно, компания была освобождена от ответственности за это правонарушение.

В этом деле для нас также имеет значение мнение судьи Лорда Рида. Он заявил, что «руководящее лицо действует не от имени компании, а в качестве компании и его сознание является сознанием компании. Речь не идет о производной ответственности. Действующее лицо не выступает в качестве служащего, представителя или агента, оно само воплощает компанию, и можно сказать, что оно говорит и воспринимает информацию через компанию. Следовательно, если его сознание виновно, то и компания виновна» [7, С. 4—5]. По средствам, этого рассуждения судья обосновывает возможность корпоративной уголовной ответственности. По его мнению, остается только установить являются ли действия правонарушителя действиями компании или же лицо действовало исключительно как агент или служащий. В первом случае налицо будет наличие преступного умысла, виновной воли компании.

Таким образом, судья Лорд Рид обосновывает уголовную ответственность юридического лица виновной волей сотрудника, принимающего ключевые решения. В рамках теории идентификации происхо-

дит отождествление компании с ее управляющим персоналом, появляется определение «разум и воля» компании.

Эта теория в дальнейшем была использована Верховным Судом и Пленарным заседанием Федерального суда Австралии при обосновании решений 1978, 1988, 1989 годов [1, С. 175]. Ее применение постепенно расширялось. Она и на сегодняшний день, хотя и с некоторыми дополнениями лежит в основе судебной практики многих стран общего права, таких как Австралия, Канада [9, С. 1—10]. В тоже время статутное право ряда стран, например, Великобритании, сохраняет приверженность агентской теории (Закон о Компаниях 2006).

Органическая теория или теория идентификации имеет огромное значение для развития института корпоративной уголовной ответственности. Во-первых, она обогащает доктрину структурным пониманием компании для целей установления уголовной ответственности. Она также позволяет решить вопрос о субъективной стороне правонарушения. В отличие от предыдущей теории, она ставит перед законодателем задачу пересмотреть понимание природы юридического лица, однако согласуется с устоявшимися принципами уголовного права. Трудности применения подобного подхода также связаны с определением лица, действительно представляющего разум и волю компании. Современные схемы принятия решений зачастую не позволяют сделать это без детального разбирательства.

Также следует отметить, что хотя агентская и органическая теории, на первый взгляд, представляют собой совершенно разные подходы, в действительности они имеют много общего. Главным образом обе теории исходят из логики совершения преступления отдельным лицом, ответственность за которое переходит на компанию либо в производном порядке или путем отождествления.

Безусловно теоретические исследования института уголовной ответственности юридических лиц не исчерпываются рассмотренными выше подходами, однако они являются определенной базой для его понимания. Опыт зарубежных правоведов и судебная практика могут быть также применены при оценке перспектив введения уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство.

Список использованных источников

1. Angelo Capuano, Company liability and the case for a benefit test in organic attribution, (2009) № 24 Australian Journal of Corporate Lawp.183
2. Sara Sun Beale, The development and evolution of the U. S. Law of corporate criminal liability, German Conference on Comparative law, Marburg Germany September 2013

3. New York Central R. Co. v. United States — 212 U. S. 481 (1909)
4. Companies Act 2006, Printed in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Companies Act 2006, Printed in the UK by The Stationery Office Limited under the authority and superintendence of Carol Tullo, Controller officer Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament 12/2006
5. Carol Tullo, Controller officer Majesty's Stationery Office and Queen's Printer of Acts of Parliament 12/2006
6. Angelo Capuano, Company liability and the case for a benefit test in organic attribution, (2009) № 24 Australian Journal of Corporate Lawp.183
7. HL Bolton (Engineering) Co Ltd — v- TJ Graham & Sons Ltd; CA 1957
8. Tesco Supermarkets Ltd v Nattrass 1971 // <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html> (Дата обращения 11.03.2015).
9. Trade description Act 1986, chapter 29.
10. Доклад «Уголовная ответственность юридических лиц в странах общего права», подготовленный для антикоррупционного отдела ОЭСР рабочей группой по Взятничеству при международных сделках. — Париж, 2000, Celia Wells Cardiff Law School

С. В. Шушпанов

*Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск*

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Все более значительную роль в борьбе с преступностью играют криминалистические средства и методы. Они позволяют получать розыскную и доказательственную информацию, обеспечивают высокую степень объективности расследования, способствуют повышению производительности труда следователя.

В ходе выяснения обстоятельств о возможной причастности юридического лица к событию имеющему признаки преступления, ключевым направлением расследования будет проведение тактических операции по обнаружению, документированию, изъятию, осмотру, предварительному и судебно-экспертному исследованию различной документации и криминальной продукции (как минимум ее образцов) и имеющим к ней отношение других материально выраженных объектов (сопутствующих товаров, заготовок, оборудования, материалов, сырья, средств упаковки и т. д.).

К условиям оптимального расследования следует отнести прежде всего:

— тесное, хорошо налаженное взаимодействие следователя и сотрудников, имеющих полномочия на осуществление оперативно-розыскной деятельности;

— широкое привлечение к участию в следственных действиях специалистов различного профиля;

— своевременное назначение судебно-экспертных исследований изъятых объектов и обеспечение надлежащего информационного обеспечения назначенных экспертиз.

Технико-криминалистические средства находят широкое применение при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. В ходе применения оперативно-розыскных мероприятий используются ин-

формационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде.

Существенное влияние оказывает применение технико-криминалистических средств на эффективность проведения следственных действий [3, С. 196—198]. Наиболее вероятными следственными действиями при этом будут обыски в офисных помещениях, выемка различного рода документов, в том числе на машинных носителях, фиксирующих состояния информационной системы, осмотры компьютерной и офисной оргтехники, контроль и запись переговоров, назначение и проведение различного рода судебных экспертиз. Отличительной особенностью этого рода расследования будет проведение весьма значительного числа вышеуказанных следственных действий и привлечение к их производству весьма существенного числа специалистов [2, С. 111—112]. А это потребует решения таких проблем как установление действенного контроля за расследованием, ведение автоматизированных информационных систем для расследования. Т. е. должна продолжиться работа по информатизации следственных подразделений органов внутренних дел.

Использование научно-технических средств в расследовании подобного рода преступлений порождает ряд проблемных вопросов технико-криминалистического обеспечения (ТКО) [1, С. 220—225].

Одно из направлений развития технико-криминалистического обеспечения идет в направлении новых информационных технологий. К особенностям технико-криминалистического обеспечения проведения следственных действий в отношении юридического лица следует отнести, прежде всего, то, что во время проведения этих действий необходимо работать с различными по характеру объектами и анализировать большой объем информации. Так для проведения обысков в служебных помещениях выявления различного рода документов связанных с обнаружением их электронных версий в компьютерах организации необходимо использовать помимо специальной техники специализированное программное обеспечение. Остановимся на некоторых задачах которые должны решать такие программные средства:

- обнаружить латентную и закодированную информации в компьютерной системе;
- проводить идентификацию компьютерных систем по следам применения на различных материальных носителях информации;
- осуществлять исследование следов деятельности оператора в целях его идентификации;

— осуществлять диагностику устройств и систем телекоммуникаций на возможность осуществления несанкционированного доступа к ним;

— исследовать материальные носители с целью поиска заданной информации;

— осуществлять исследование компьютерных технологий для установления возможности решения конкретных преступных задач;

— исследовать компьютерные программы и базы данных для определения их возможного предназначения для преступных действий.

Поэтому спецификой дел данной категории будет является то, что с самого начала расследования следователю необходимо плотно взаимодействовать со специалистами в области информационных технологий. Специалисты крайне необходимы для участия в большинстве первоначальных следственных действий. Ключевым вопросом для следователя будет решение вопроса о том какие познания необходимо применить и где взять такого специалиста. Поэтому важно отметить, что сотрудники правоохранительных органов ведущие расследования дел данной категории должны обладать хорошими знаниями в области компьютерных технологий, кибернетики, психологии, психолингвистики.

Необходимо провести расширение арсенала технико-криминалистических средств как за счёт совершенствования традиционной криминалистической техники так разработки новых более совершенных средств обнаружения, фиксации и исследования.

Повышение эффективности работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию в настоящее время невозможно без интеграции в криминалистику новых информационных технологий.

Список использованных источников

1. Стукалин В. Б. Судебная экспертиза: сущность и объекты для её проведения // Общество и право. — 2010. — № 1. — С. 220—225.

2. Гумеров Г. Г. О принципиальных коллизиях процессуального положения некоторых уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. / Под редакцией С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. — Томск, 2009. — С. 111—112.

3. Лебедев Н. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя — гарантия обеспечения прав участников уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае / Материалы ежегодное межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Е. Н. Тихонова. — Барнаул, 2008. — С. 196—198

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Приветствие заместителя полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе В. В. Гончарова участникам Всероссийской научно-практической конференции по теме: «Теоретико-прикладные аспекты формирования института уголовного преследования юридических лиц»	6
А. В. Федоров ОБЪЕКТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	7
Е. Б. Анисимов УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	18
В. В. Бабурин АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА КАК ПОДОТРАСЛИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	22
А. Н. Берглезов ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	30
Р. В. Вафин, Я. М. Злоченко, В. В. Котов МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА КОНТИНЕНТОВ МИРА ПО КОРПОРАТИВНОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	32
Н. И. Верченко ВОЗМОЖНА ЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ДЕЯНИЯ?	44
М. В. Галдин К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	49
Е. С. Герман ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	55

Г. Г. Гумеров УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ДАНЬ МОДЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?	64
Ю. В. Деришев, В. А. Лопаткин ИСТОКИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УЧАСТИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	72
Е. А. Дорожинская О ВОЗМОЖНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	82
С. А. Дроздова УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	88
М. Ю. Зенков К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ	94
Е. А. Карпова ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: МИРОВОЙ ОПЫТ.....	101
И. В. Князева УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ	105
А. В. Корнилов УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	112
Е. А. Кравцова К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	121

В. И. Крупницкая ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОПУСТИМОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	127
Н. Ю. Лебедев УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРАВОВАЯ ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ НАЗРЕВШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?	133
А. В. Макаров, А. С. Жукова ВОПРОСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ	139
А. А. Макарецв СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 5.5 КОАП РФ).....	147
А. В. Мангир ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ВРЕДА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	154
И. В. Матвеев, В. В. Ульянова ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	160
А. Л. Мишуточкин ТАКТИКА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ	168
Т. В. Нутрихина НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ	171
И. Г. Рагозина УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗА И ПРОТИВ	178
И. В. Розумань К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	182

Н. В. Рубцова ПРОЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ	185
Д. А. Савченко КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (XI—XIII ВЕКА)	189
Е. К. Сенокосова ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА СУБЪЕКТОМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	197
А. В. Сигарев АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ЗА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ	204
Л. В. Смешкова О ПЕРСПЕКТИВАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	209
В. Б. Стукалин К ДИСКУССИИ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИДЕИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	217
Р. Р. Ушницкий СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ОСНОВАНИЯ ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	225
С. Ю. Филонов УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ. ЕЩЕ ОДИН ПОВОД «ЗА»	234
С. Д. Цэнгэл К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ (ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	

В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»,
ПОДГОТОВЛЕННОГО СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ РФ) 239

Т. А. Черткова
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
И ПРИНЦИП ВИНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ 243

А. И. Шаравова
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУТУ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ 252

С. В. Шушпанов
О ВОЗМОЖНОСТЯХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В ОТНОШЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА 260

Научное издание

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Материалы конференции

19 февраля 2015 г.

В авторской редакции.

Подписано в печать 06.04.2015. Бумага офсетная. Печать ОСЕ.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 15,51. Усл. п. л. 15,58. Тираж 178 экз. Заказ 22.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС.